

УРАЛЬСКИЙ № 10 (592), 2006
Снеговик
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

ОКТАБРЬ:

**НЕПРАВИЛЬНЫЕ
МУРАВЬИ**

**ВСТРЕТИМСЯ
ПОД ВАРЕЖКОЙ**

**ПРИТЧА
О ПРОСТОМ
КОЧЕГАРЕ**

МАГИЯ, ДРАКОНЫ И САМОЛЕТЫ

РАПСОДИЯ ОСЕНИ

Маршруты Уральского следопыта

В конце летв «Уральский следопыт» участвовал в экспедиции к географическому центру Свердловской области. Географический центр определен как пересечение средней параллели и среднего меридиана.

Несложные подсчеты показывают, что географический центр области расположен примерно в 21 км на юго-запад от рабочего посёлка Сосьва, в трёх километрах к западу от дороги между этим населённым пунктом и посёлком Восточным. Точка географического центра находится в сосново-берёзовом лесу на очень пологом склоне урочища «Верхняя Берёзовка». Здесь преобладает равнинный рельеф с абсолютными высотами около 100 м.

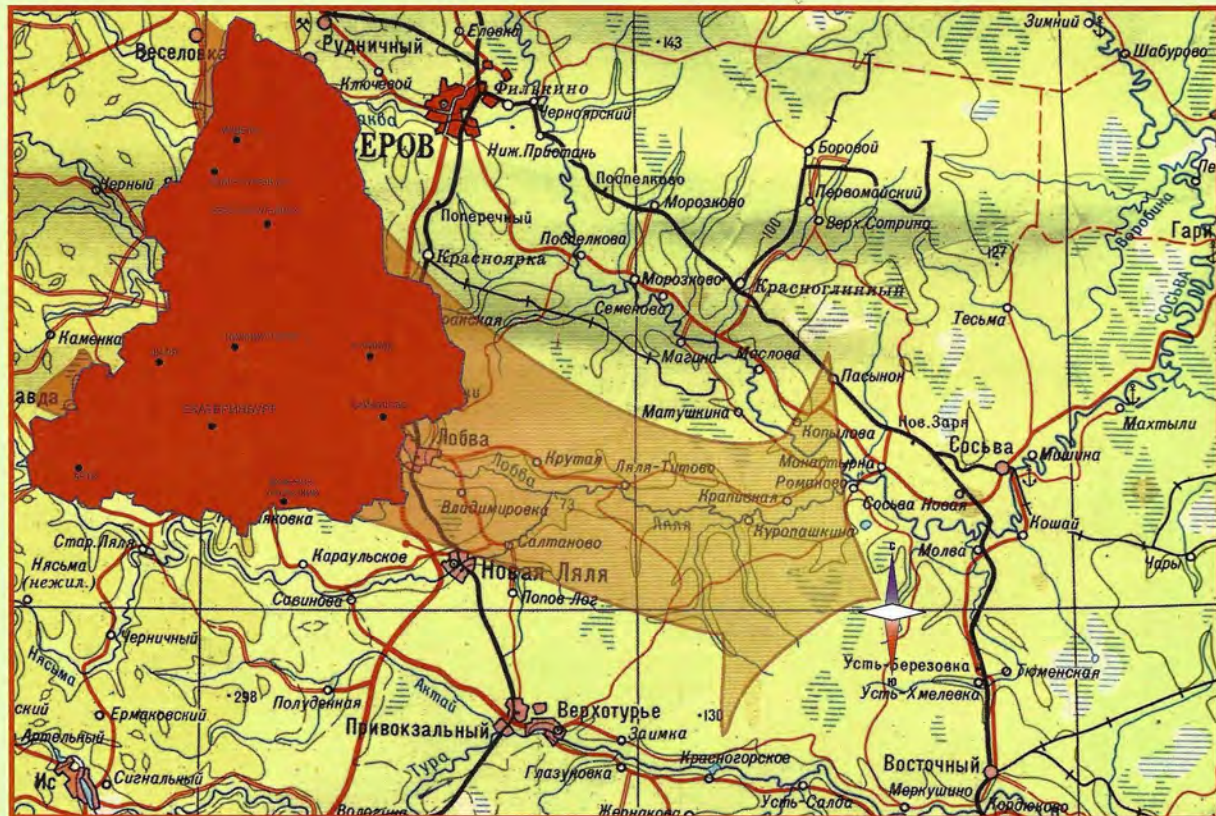

фото В. Байдукова

Главный редактор – Максим Фирсов
Редакторы разделов – Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин

Худ. редактор, верстка – Юлия Ульянова
Художник – Ирина Овсянникова

Набор – Валентина Кадочникова

Корректор – Татьяна Сергеевко

Интернет-версия – Дмитрий Баландин

Учредитель – общественная организация

«Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»

Издатель – ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин,

Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий,

Геннадий Прашкевич,

Олег Поскребышев,

Юрий Казарин,

Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет –

Евгений Виноградский,

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко,

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор,

заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

при поддержке

Министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 10, 2006

Издается с 1935 г.,

возобновлен в 1958 г.

Регистрационное свидетельство № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством печати

и массовой информации РСФСР.

ООО «Уральский следопыт»

обладает исключительным правом

на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не менее

12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на

странице. Каждая страница должна быть

подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе,

указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте

журнала, корректорскую и редакторскую правки.

В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-

ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений

обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-36-62.

Вы также можете оформить подписку через

агентство альтернативной подписки

ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003»

и агентство Урал-Пресс

Подписано к печати 30.09.2006 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО ПТЦ «ЯСА»

г.Красноуральск, ул. Чкалова, 4

Заказ № 4454

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

октябрь 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

П. ФЕДОТОВ

Ю. ГОРБУНОВ

Земельные войны за рекой Уфой..... 2

Писательницы России 3

Далекое-близкое

Н. КИРИЛЛОВА

Место встречи изменить нельзя, или

История памятника народному подвигу7

Портреты

С. СЕМЕНОВА

Мать Тереза

екатеринбургского дворянства 19

Высокая жизнь Нины Евдокимовны ... 58

И. ПЛИС

Далекое-близкое

О. ОЖГИБЕСОВА

Генерал мужицкой рати..... 31

И. ПАШНИНА

Кын-завод 41

А. ЯЛОВЕНКО

Самый первый трактор ЧТЗ..... 80

Легенды и были

Р. КАШИН

Пещера в камне Слободском 45

АЭЛИТА

Дебют в «Уральском следопыте»

С. ГРЕХОВ

Отдушина для бойца 4

А. ЛАВРЕНЮК

Место на Земле 12

Поиски 14

Фантастика

С. КУСКОВ

Кафе «Конкорд» 22

В. ГОЛУБЕВ

Клуб кукловодов 62

Версия

Н. ЧЕСНОВ

Последние из драконов..... 36

Современная проза

Б. ГАЛАЗИМОВ

Аэродром кокегара Лумпова 47

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН

Приглашение к рисованию 82

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Советы специалиста

С. КОРОТОВСКИХ

Главное — снаряжение 16

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

Пелымский туман..... 18

Заповедные земли

Н. ЕРОХИН

Ханты — Айпины, Лейковы, Тылчины... 72

Туристские байки

Н. ОБУХОВА

«Неправильные» муравы 79

Версия

М. ШИШКИН

Вхождение в магию:

проверка на шивость 83

Проекты «Уральского следопыта»

В. ПОДДУБНЫЙ

Русский охотничий спаниель..... 86

Сказы уральских озер

Н. РЫБАЛКИНА

Зюраткуль и каменные медведи 88

Все товары и услуги, рекламируемые в журнале «Уральский следопыт», имеют необходимые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Земельные войны за рекой Уфой

Земли за рекой Уфой, против Сорокинской Пристани, в Шемахинскую дачу не включились и Демидову не продавались, но «...земли сии Унейскими башкирцами с издавна уступлены к проданным ими в 1756 г. землям правого берега Уфы, и жители Сорокинской Пристани пользовались ими с давних времен, и гораздо раньше 1756 года без всякого со стороны чьего-либо помешательства» (ГАСО. Ф. 24 Оп. 23. Д. 5170. Л. 330).

Выходит, что со времени основания Сорокинской Пристани в 1747 г. на левом берегу Уфы русские крестьяне-заимщики пахали и косили без помех. Но вот в начале XIX века Пермская гражданская палата предложила башкирцам-вотчинникам деревни Шокурово «припустить» переселенцев из России, в том числе и на речку Тюльгаш — левый приток Уфы. Здесь образовались селения Самодумовка, Тюльгаш, Поташка и др., приписанные потом к Поташинской волости.

«В 1806 г. Пермская гражданская палата решением заключила: крестьян Поташинской волости оставить жительством на тех самых местах, где они ныне находятся, впредь до удовлетворения их 15-ти десятинной препорцией земли, или до генерального размежевания...»

Так на левый берег Уфы к землям крепостных крестьян Сорокинской Пристани были «припущены» переселенцы, число которых увеличивалось. В это же время, в 1809 г., Расторгуев начал строить Шемахинский завод, и население Сорокинской Пристани тоже увеличивалось. Из-за земель на левом берегу Уфы начались «крестьянские войны» между тюльгашинцами и сорокинцами, как они друг друга обзывали — «пиканниками» и «гамаюнами». В результате начались и судебные тяжбы из-за земли.

«В 1810 г. 30 ноября Уральское Горное Правление своим решением, утвержденным Сенатом, запретило людям Шемахинского завода вступаться в места на левой стороне реки уфы... но несмотря на сие решение, башкирцы, из числа владеемой крестьянами Поташинской волости земли, снова отдали жителям Сорокинской Пристани Тимофеевым по договору 1813 года 300 переездов впредь до выпашки, а в 1819 г. башкирцы, получа от крестьян Поташинской волости 150 рублей, дозволили им владеть землями по-прежнему, сверх того земли эти, как показывают... в 1835 г. при обмежевании межи, разделяющей Расторгуева с башкирцами, названы землемером «казенными», так как башкирцы не представили землемеру «Царских Жалованных Грамот» на эти земли...» (там же, лист 11).

Дом-старожил из села Шемахи

Между тем служители заводов наследниц Расторгуева, как, например, Сергей Наседкин, сосланный приказчиком Титом Зотовым из Кыштыма в Нязепетровск из мщения, добивались права Шемахинского завода на аренду этих земель, чтобы обеспечить землей своих крестьян (там же. С. 300—335).

Сами же крестьяне проявляли нетерпение и добивались земель силой. Ссоры и драки иногда заканчивались убийствами, как это случилось в 1845 году.

Третьего апреля по последнему санному пути с каслинского базара возвращались в деревню Тюльгаш государевы крестьяне, «припущенные» на башкирские земли вотчинниками деревни Шокуровой. Больше сотни верст позади. Уже подъехали к Сорокинской Пристани наследниц купца Расторгуева, а через 10 верст и Тюльгаш. На реке Уфе еще стоит лед, но на берегу крестьяне Скорокинской Пристани заканчивают постройку коломенок. Вот-вот сойдет с реки лед, и надо, не мешкая, отправлять и свое, и навоженное за зиму с Кыштымского завода железа.

Три брата Новгородцевы, счищавшие железными лопатами кору с сосновых бревен, заметили тюльгашинские подводы еще на спуске с горы.

— Гли-ка, Андрияха, никак тюльгашки спускаются... Може, рассчитаться с имя за прошло лето, шобы ныне-то не совалили на наши пашни? — сказал Иван.

Андрей помолчал и еще тише ответил:

— Ну дак че, айдате на дорогу...

Шли-торопились. Моксей и Иван Золотовы, конопатившие дно коломенки, поняли, что соседи спешат на что-то важное. Бросили конопатку и присоединились к «походу».

На двух первых подводах ехали Исак Мусихин и Александр Лемотин. Увидев спешащих им наперез сорокинцев, они поняли неладное, ударили по

лошадям и проскочили. Отставшие три подводы — Евдокима Неволлина, Ивана Мангилева, братьев Федора и Ефима Лавровых — были схвачены за вожжи, привернуты к запрягам. Подбежали к дороге еще бурлаки, и началось избиение тюльгашинских мужиков железными лопатами. Ефим Лавров сумел вырваться и побежал к смотрителю Шемахинского завода Копылову, но тот на просьбы о заступничестве усмехнулся и сказал:

— Это наши люди вашим тюльгашинским долги платят...

Вернулся Ефим к месту трагедии уже в сумерках — подводы с избитыми уже были отправлены в Тюльшаг, но еще толпилась кучка бурлаков и женщин...

— А не будут нашу землю пахать!..

Наутро 4 апреля Мусихин приехал в Подташку в волостное правление и доложил о избиении. Поехал в Тюльгаш волостной заседатель. 5 апреля вернулся и объявил правлению, что вечером 4 апреля Неволлин умер, а побитые Иван Мангилев и Федор Лавров находятся «в отчаянном положении жизни».

Обо всем этом волостное правление донесло рапортом приставу Кибардину, а он — Красноуфимскому уездному суду. В это время в суде как раз рассматривалось дело: «О самовольной распашке крестьянами Сорокинской Пристани земли, принадлежащей крестьянам деревни Тюльгаш». Присоединив трагический рапорт Кибардина к этому земельному делу, земский суд просит заводского исправника: «крестьян Сорокинской волости Андрея, Илью и Ивана Новгородцевых, Моксея и Ивана Золотовых, Афонасия Новикова, Михаила и Павла Бузуевых, служителей Строгалева, Добычина, Грачева, как первых виновников в лишении жизни крестьянина Неволлина, содержать под стражей караулом до решения дела».

А дальше в архивном деле следует такой документ: «17 августа 1846 года. Имею честь донести в Уральское Горное Правление, что предписание его от 28 июня о том, что Пермское Губернское Правление не может входить в рассмотрение действий Красноуфимского земского суда, представившего в пользу крестьян деревни Тюльгаш земли, оспариваемые у них крестьянами Шемахинского завода, Шемахинским крестьянам мною объявлено с подписью, которую и имею честь при сем представить в Уральское Горное Правление».

На этом и закончилось дело «О самовольной распашке земли...».

Однако, сколько я помню, земля за рекой Уфой принадлежала и до сих пор принадлежит шемахинцам.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БЛАГОНРАВОВА А.Ф.

Издала кн. «Рассказы о М.Ив.Топтыгине». Венгеров, Сл.. Т.У1.

БЛАГОСВЕТЛОВА Е.А.

Владела типографией в Петербурге (1881).

БЛАНДОВА М.

Авт. ст. «Несколько слов в защиту женского сельско-хозяйственного образования» («Женское дело», 1900, № 2).

БЛАРАМБЕРГ Елена Ивановна

(См. Апрелева Е.И.)

БЛАРАМБЕРГ Мина Карловна (урожд. баронесса Врангель; 1845 — 1909).

Актриса. Сотр. «Русских ведомостей». См. «Русск. вед.» 1897, № 117.

Масанов; Венгеров. Источ.

БЛИНОВА Акулина Тимофеевна (1803 ? — 1900), авт воспоминаний,

Казачка. Воспом. об А.С.Пушкине \ Запись С.Н.Севастьянова \ Труды Оренб. уч. арх. ком. 1900. Вып. 6. С.233-234. ИДРДВ. Т.5.Ч.1. № 34.

БЛИНОВА Е.А.

Была членом литерат. кружка «Четверг» в Ницце под председ. писателя Л.Г.Мунштейна. На одном из собраний кружка (1930) она читала свои стихи, миниатюру «Куранты» и пьесу-сказку «Милитриса Кибирьевна».

Периодика...

БЛИНОВА Е.М.

Вместе с М.А.Кузьминым пер. «Книгу масок» Реми Гурмон под ред. А.Л.Вольнского, СПб., 1913.

БЛИНОВА М.

Сотр. «Жен. вестн.» (1905).

Масанов.

БЛОГИНА А., переводчица.

Пер. с франц. ком. в 1-м д. «Шах и мат, или Мечты институтки».

Слов. рус. писательниц.

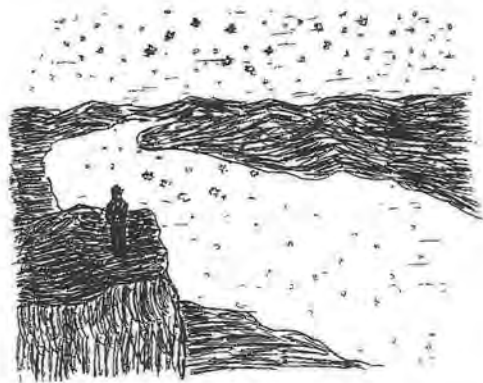
БЛОК Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева; псевд. Басаргина; 1881 — 1939), авт. воспоминаний.

Актриса. Жена А.А.Блока. Сост. в редакции театр. журнала «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто» (1914). (см. «Из ист. рус.журн. конца XIX-нач. XX в.» М., 1973. С.213.) «И был и небылицы о Блоке и о себе». — В кн. Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1980. С. 134-187. См.: Александр Блок. Письма к жене. М., 1978.

Масанов.

(Продолжение на стр. 11)

Отдушина для бойца

Родился я в 1949 году в городе Березовский Свердловской области. По образованию военный врач, кадровый офицер, сейчас — майор запаса, руководитель школьного музея детского дома-школы в Верхней Пышме.

Писать стихи начал поздно, лет в 30. Когда меня спрашивают, почему стал это делать, я обычно отвечаю так: в начале 80-х годов я служил в Афганистане, вдали от дома и привычной жизни в обстановке постоянной опасности; душа хотела какой-то «отдушины», ею, наверное, и была поэзия, но хороших стихов под рукой не было, вот и пришла мысль попробовать сочинять их самому... Шутка, конечно, но доля правды в ней есть. Первые стихи были не про службу, скорее, это были воспоминания о прежней жизни, о родных местах. Одно из первых сочинений — «Соната звезд. Аллегро». Там я вспоминал о теплых весенних вечерах над рекой Исетью под ясным звездным небом:

*Мерца, свет небесный льется
С бездонной, вечной высоты,
И тихо песня раздается
С далекой в сумраке звезды.
А ввысь стремится песнь другая,
С другой звезды, что в зыбкой мгле,
В реке, колышась и мерца,я,
Сияет в темной глубине.*

Это стихотворение — считаю, лучшее и любимое. Позже появился ряд стихов на «афганскую» тему, несколько рассказов на реальные темы.

По приезде домой писал мало, служба почти не оставляла на это времени. А печататься просто было негде, к тому же о своем увлечении я никому не говорил: в армии это было как-то не модно. Но в 1994 году я уволился из армии, свободного времени стало больше. Сначала писал шуточные стихи и пьесы для школьных представлений (я работаю в детском

доме-школе), а с 1999 года стал посещать кружок «Литературная гостиная» в Верхней Пышме. Принял участие в литературном конкурсе, объявленном Центральным Комитетом профсоюза металлургов России на лучшее стихотворение о труде металлургов, получил II премию за поэму «Уральские мастера» (период — от Демидовых до наших дней).

С 2000 года занимаюсь в литературном объединении «Горный родник» при Горной академии, которым сначала руководил поэт Юрий Конецкий, а с 2004 года — Николай Кузин. В 2000-м издал небольшую книгу «Времена и люди», куда вошли поэма «Уральские мастера» и некоторые стихотворения. Печатался в газетах «За медь», «Красное знамя» (выходят в Верхней Пышме), «Уральские военные вести», в некоторых коллективных сборниках. Небольшим тиражом — «самиздатом» — выпустил несколько стихотворных сборников.

Почему некоторые мои стихотворные циклы («Времена года», например) имеют «сонатную форму»? «Осенняя соната», «Соната звезд», «Симфония лета»... Соната — это форма некоторых музыкальных произведений. В них — 4 части: I — аллегро (в обычном темпе), II — анданте (в замедленном, «зеркальном» темпе), III — скерцо (в ускоренном, «двигательном» темпе) и IV — финал (наиболее торжественная часть — апофеоз). В начале века замечательный литовский художник применил сонатную форму к живописи — создал ряд циклов картин: «Соната весны», «Соната лета», «Соната моря». Имя этого художника — Микалоюс Чюрленис. Вот я и решил: если сонатную форму можно использовать в живописи, то не попробовать ли тот же прием и в поэзии? Впрочем, я в этом не первый. У шведской поэтессы начала XX века Эдит Сёдерган есть стихотворения «Ноктюрн», «Скерцо», относящиеся к пейзажной лирике, и о самой музыке там не упоминается.

АВТОР Сергей Грехов живет и работает в городе Верхняя Пышма. Автор поэм: «Уральские мастера», «Огненная машина», «Чайковский», «Персональных дел мастер», «Бетховен», «Симфонии и годы», «Фантастическая симфония», «Летучий голландец», а также стихотворных сборников: «Афганский блокнот», «На изломах эпох и судеб», «Времена года», «Времена и люди». Член литературного объединения «Горный родник» при Уральской горной академии. Лауреат всероссийской литературной премии им. Федора Селянина 1999 года.

Почему я отдаю предпочтение эпической поэзии? Многие ее и за поэзию не считают... Хочу привести одно сравнение. Когда-то я был в «Музее янтаря» в литовском городе Паланга. Среди многих изделий (бус, колье, перстней) была и маленькая фигурка — изготовленный из кусочков янтаря трактор. Экскурсовод тут же пояснила, что это, наверно, тот случай, когда янтарь используется явно не по назначению. Может быть, это и так. Но с другой стороны, разве плохо, если, к примеру, в кабинете у летчика на столе будет стоять сделанная из янтаря (или из другого поделочного материала) фигурка самолета? А у танкиста — танк? Да и не обязательно у летчика или танкиста. Вот так и в поэзии: лирическую поэзию можно сравнить с ювелирными украшениями, а эпическая поэзия — это как раз те самые фигурки тракторов или самолетов, которые вроде бы и украшениями назвать нельзя, но, тем не менее, и они являются произведениями искусства. В эпическом жанре написаны настоящие шедевры поэзии: «Божественная комедия» Данте, «Дон Жуан» Байрона, «Евгений Онегин» Пушкина, да и множество других поэм. В XX веке: «Василий Теркин» Твардовского, «Сын артиллериста» Симонова, «Мастера» Вознесенского. У Василия Федорова есть исторические поэмы «Бетховен», «Аввакум». А уральский поэт Юрий Конецкий — автор цикла исторических поэм «Уральский временник», повествующих о временах от Ермака до Первой русской революции. Иными словами, лирико-эпический жанр имеет полное право на существование.

В наше время в этом жанре работают не так уж часто. К примеру, поэты-женщины его не любят. Ну что ж, женщины лучше разбираются в ЧЕЛОВЕКЕ, а мужчины — в ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ. А если автор любит и знает историю, то ему писать исторические поэмы сам Бог велел... Тот, кто разбирается в искусстве, музыке, может создать портрет выдающегося художника или композитора. Так и в моем портфеле появились поэмы «Персональных дел мастер» (о русском художнике-портретисте Иване Никитине), «Чайковский», «Огненная машина» (об изобретателе паровой машины Иване Ползунове). Жизнь этих людей была связана с Уралом. Художник Петровской эпохи Никитин при императрице Анне Иоанновне был по политическим мотивам сослан в Тобольск и при возвращении из ссылки где-то на Урале умер и похоронен. Чайковский родился в Предуралье — в Воткинске, в детстве недолго жил в Алапаевске (это нашло отражение в поэме). Ползунов родился и до 14-летнего возраста жил в Екатеринбурге.

Не будем забывать, что мы — не только жители Урала и граждане России, но и обитатели большой планеты Земля. И разве поэзия Гёте, живопись Эль Греко или музыка Бетховена — не наше общее достояние? Вот у меня и появился ряд стихотворений и поэм, посвященных великим деятелям мировой культуры. Я, конечно, себя с ними ни в коей мере не сравниваю, но хотя бы прикоснуться к ним я разве не имею права?

Хочется рассказать, как появилась поэма «Фантастическая симфония» — о французском композиторе Гекторе Берлиозе. Как-то я листал томик стихов Беллы Ахмадулиной и в оглавлении увидел название «Фантастическая симфония». Тут же пришла мысль заочно посоревноваться с именитой поэтессой. Я только быстро окинул взглядом поэму, чтобы получить представление об ее общей форме, не вдаваясь в содержание (программную основу этой симфонии я и раньше знал), и начал писать свой вариант. Поэма была написана в рекордно короткий срок — три дня (обычно уходят месяцы, а то и годы). Только тогда я прочитал поэму Ахмадулиной, сравнил, задумался: а может быть, у меня и не так уж плохо? Потом, когда прочитал оба варианта (во фрагментах) в литературном объединении Юрия Конецкого (это было, кстати, в стенах редакции «Уральского следопыта» в 2004-м), то, как ни странно, предпочтение было отдано моему варианту.

Хочется еще немного сказать о литературном клубе «Серебристый грифон» в Верхней Пышме. Его членами являются несколько самостоятельных поэтов города: И. Елисеева, Г. Киреева, В. Кузовников, Г. Петренко, Л. Хлебцева, Т. Чистякова. Инициативной группой поэтов были подготовлены и выпущены два сборника верхнепышминских авторов, подготовлен к выпуску третий. Несколько поэтов издали свои книги. Уже четыре года в городе управлением культуры городской администрации и центральной библиотекой проводится литературный конкурс в нескольких номинациях под названием «На крыльях серебристого грифона». После подведения итогов последнего городского литературного конкурса в члены клуба «Серебристый грифон» были приняты два лауреата этого конкурса. Что любопытно, название клуба и конкурса напрямую связано с гербом города:

*Клюв — как у грифа, а хвост — как у льва,
В грозном оскале его голова.
В лапе передней — от недр горных ключ —
Гордый грифон — и силен, и могуч!*

Из цикла «Афганский блокнот»

Воспоминание на чужбине

То было год назад, а помню, как сейчас —
Ничем не примечательное вроде:
Осенний день, вечерний тихий час,
Опушка леса. Сумрак. Огороды.
Туман над старою узкоколейкой плыл,
На рельсах стыли полусгнившие вагоны.
...Один в тот вечер я задумчиво бродил
И знал, что через час я буду дома...

Весенняя дорога

Какое это чудо — первая листва
Под голубым прозрачным небом,
Полувоздушных веток кружева,
Пронизанных звенящим светом!

Надежда КИРИЛЛОВА,
фото Ивана ТЮФЯКОВА

Место встречи изменить нельзя,

или

История памятника народному подвигу

«Встретимся под варешкой» — эти слова знакомы едва ли не каждому екатеринбуржцу. Они отсылают гостей города к замечательному памятнику на при вокзальной площади уральской столицы — памятнику воину и труженику тыла, танкисту и металлургу, памятник, который наглядно символизирует победу народа в Великой Отечественной войне.

Напомним читателю историю его создания.

В марте 1943 года Урал подарил фронту целый танковый корпус, оснадив его боевой техникой, вооружением, боеприпасами, обмундированием. Все это было создано уральцами в нерабочее время, безвозмездно и выкуплено у государства на добровольные взносы населения.

Лучшие труженики предприятий, подготовив себе замену на рабочих местах, добивались права стать воинами корпуса. Их не призывали военкоматы. Они шли на фронт по велению собственного сердца.

9 мая 1943 года в здании Свердловского оперного театра город, а с ним и весь Урал, напутствовали добровольцев на священную битву с врагом. Вместе с наказом корпусу было вручено шефское Знамя Урала.

Добровольцы дали клятву на верность Родине.

Уральский добровольческий танковый корпус наказ уральцев и данную Уралу клятву выполнил с честью.

Начав боевой путь на Курской дуге 27 июля 1943 года, он закончил его 9 мая 1945-го освобождением столицы Чехословакии — Праги. Добровольцы дошли до Берлина и участвовали в разгроме фашистских войск в их логове.

Боевой путь корпуса длиной 5200 километров пролегал по России, Украине, Польше, Германии и Чехословакии.

За успешные боевые действия корпус был преобразован в Гвардейский; удостоен почетного наименования «Уральско-Львовский» и награжден

орденами Боевого Красного Знамени, Суворова и Кутузова.

На боевых знаменах частей и соединений корпуса 54 боевых ордена. 42368 орденов и медалей вручено его воинам. В корпусе родилось 34 героя Советского Союза и один — дважды герой, 27 кавалеров трех орденов «Славы».

Москва 27 раз салютовала воинам корпуса.

А теперь заглянем в 50-е годы XX столетия. В Свердловском художественном училище тогда учились два студента — Владимир Друзин и Геннадий Белянкин.

После окончания училища пути их разошлись. Друзин уехал в Москву продолжать учебу в институте имени Сурикова, а Белянкин, мечтая стать архитектором, поступил на учебу в Уральский политехнический институт.

Учитель Белянкина — профессор УрГУ Б.В. Павловский — познакомил его с Петром Сажиным. И этих двух студентов на долгие годы связала творческая судьба. Первой их совместной работой стал памятник комсомолу Урала.

В 1958 году руководство Свердловской области приняло решение увековечить народный подвиг уральцев. Был объявлен конкурс на сооружение памятника воинам Уральского добровольческого танкового корпуса.

Узнав об этом, Петр Сажин предложил Геннадию Белянкину принять участие в конкурсе.

Белянкину пришлось срочно менять тему уже почти подготовленного к защите дипломного проекта. Получив разрешение своего руководителя, он приступил к работе над памятником.

Сажин и Белянкин сделали массу эскизов, много набросков в скульптурном и графическом исполнении, а также большой макет памятника.

Владимир Друзин узнал о конкурсе, будучи в Москве. Сделав свой вариант памятника, он привез

Автор

Надежда Алексеевна Кириллова — ветеран Уральского танкового корпуса. Вступила в него добровольцем в 17 лет. Прошла войну радисткой разведбата 1-й мотоциклетной роты. Участвовала в Орловской, Каменец-Подольской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Верхне-Силезской, Нижне-Силезской, Берлинской и Пражской операциях, удостоена трех боевых наград.

Петр Алексеевич Сажин

Владимир Михайлович Друзин

Геннадий Иванович Белянкин

его в Свердловск и обратился к Геннадию Белянкину с предложением стать архитектором и его варианта памятника. Белянкин предложение принял.

Вариант памятника Петра Сажина состоял из одной фигуры танкиста, которого он слепил с себя. Владимир Друзин предложил вариант памятника с двумя фигурами: рабочего и танкиста. В конкурсе приняли участие обе работы. Всего же на конкурс

было выставлено 23. Среди авторов были известные мэтры и студенты.

У Геннадия Белянкина началась защита диплома по варианту памятника Петра Сажина. Защита шла не просто, так как дипломный проект готовился в короткий срок и помимо макета памятника необходимо было сделать к нему архитектуру. Времени уже не оставалось. Исполнители не успевали к сроку.

Заведующий кафедрой профессор Бычков, прежде чем сообщить дипломанту результаты по защите диплома, сказал: «По решению жюри конкурса я должен сейчас вскрыть два конверта и объявить решение жюри». Вскрыв конверты, он объявил, что обе премии по памятнику Уральскому добровольческому танковому корпусу жюри присудило студентам:

- первую премию — скульптору Друзину и архитектору Белянкину,
- вторую премию — скульптору Сажину и архитектору Белянкину.*

Друзина, Сажина и Белянкина пригласили в свердловский облисполком и предложили объединить обе работы, сделав один памятник, в котором отразить единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. За основу будущего памятника взяли работу Владимира Друзина — двухскульптурную композицию. Но решение жюри конкурса подлежало утверждению в Москве.

Авторский коллектив выехал в Москву и там на протяжении двух месяцев

* «Хроника творческой жизни коллектива художников» // «Художники Свердловска». — Л., 1960. С. 35.

Эскиз памятника, представленный на конкурс В.М. Друзиным (1957)

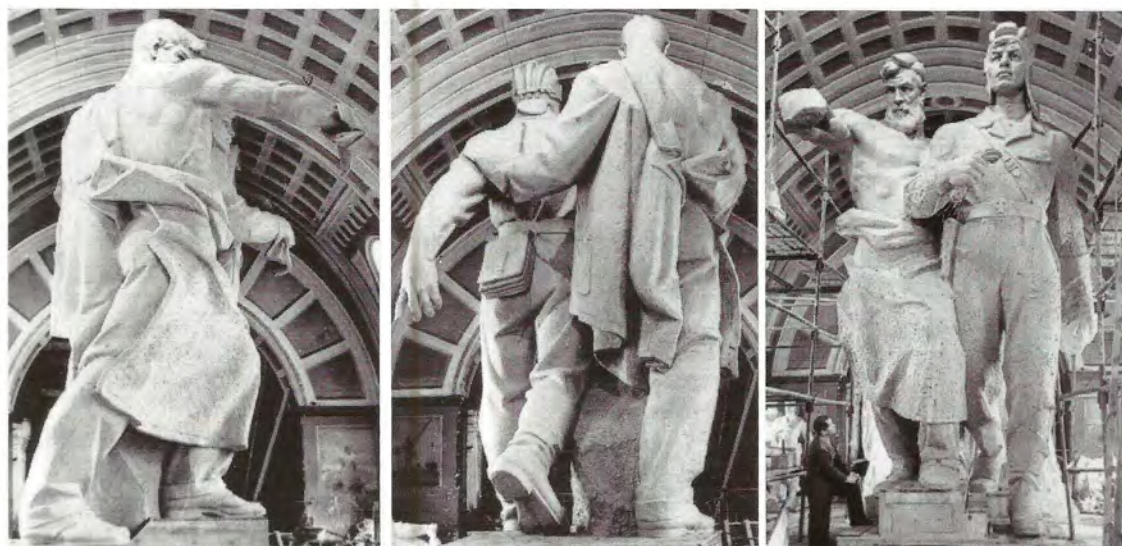
У памятника (слева направо): А. Котлованов, В. Друзин, П. Сажин

дорабатывал памятник. Авторитетная комиссия под председательством знаменитого скульптора М.Г. Манизера приняла их новую совместную работу и утвердила документацию на сооружение памятника.

Окрыленный успехом, авторский коллектив возвратился в Свердловск и приступил к работе по новому варианту памятника. Владимир Друзин, дорабатывая фигуру уральского рабочего, лепил ее с формовщика Александра Котлованова. Фигура танкиста, вылепленная Сажиним, осталась без изменений.

В зале польского костела скульпторы вылепили в глине рабочую модель двухфигурной двухметровой композиции, а затем перевели ее из двухметровой в шестиметровую. Поскольку выполнить в срок работу они не успевали, из Москвы пригласили трех модельщиков, которые шестиметровую скульптуру лепили уже в гипсе.

Немало людей потрудились над тем, чтобы увековечить в камне подвиги уральцев-добровольцев. Над моделью скульптурной композиции памятника трудились формовщики: ленинградец Н. Сандлер,

Фрагменты памятника

Памятник в работе. Рядом с фигурой рабочего скульптор В. Друзин, танкиста — скульптор П. Сажин

свердловчане А. Котлованов, Н. Федоров, А. Косолапов, Ф. Казаев и другие. Чеканщик К. Пожалкин обрабатывал памятник перед отправкой его в Ленинград на завод «Монументскульптура», где шестиметровую двухфигурную скульптуру отлили в бронзе. В полной военной форме во весь рост поднялся юноша-танкист. Рядом с ним — старый рабочий-металлург.

Общая высота памятника — 13 метров.

Постамент для него изготовил коллектив Сибирского гранитного карьера Свердловского горсовета.

В оформлении постамента участвовал художник-монументалист Виталий Захарович Беляев, который на боковых барельефах постамента отразил идею памятника.

Много мастерства и старания вложили в сооружение памятника каменотесы гранитного карьера С. Стихин, Ю. Стариков; облицовщики «Дормостроя» П. Ужegov, М. Татарчук. В мороз и дождь, при холодном ветре на привокзальной площади города вели работы Х. Файзрахманова, С. Терентьев, Б. Хайруллина.

23 февраля 1962 года газета «Вечерний Свердловск» писала: «Свердловск украсился еще одним произведением монументальной скульптуры — памятником воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. На привокзальной площади города был открыт величественный монумент, созданный руками скульпторов В.М. Друзина, П.А. Сажина, архитектора Г.И. Белянкина, художника-монумента-

листа В.З. Беляева. Он посвящен бессмертной славе воинов Уральского добровольческого танкового корпуса, героически сражавшихся в годы Великой Отечественной войны за честь, свободу и независимость нашей Родины».

Памятник был открыт в торжественной обстановке в День Советской Армии 23 февраля 1962 года.

И вон он стоит, напоминая каждому, приехавшему в наш город, о незабываемом народном подвиге уральцев.

На гранитной скале-постаменте в едином порыве сошлись умудренный жизненным опытом рабочий-металлург и юноша-танкист.

Наклонная гранитная плоскость постамента придает монументу неудержимую стремительность, взлет, увлекает за собой, как бы вводит гостя в город.

Большое значение играет здесь положение левой руки рабочего, которую он положил на плечо воина-танкиста. Оно полно бережливой отцовской любви. Отец-рабочий направляет сына-танкиста вперед, в бой... Отец еще не расстался с сыном. А сын, стоя рядом с отцом, уже всеми мыслями там — на фронте, где идут сражения за родную землю.

Фигура танкиста выражает решительную устремленность, чуть согнутое, как лук, сильное молодое тело, выразительное мужественное лицо. Движение плеча, шеи, отклонение головы рабочего создают впечатление сдержанной глубокой скорби.

Это правда военных лет!

Сплоченность фигур рабочего и воина выражает единство фронта и тыла. Но фигура танкиста выдвинута немного вперед. Это имеет свой глубокий смысл и подчеркивает, что солдат своей грудью защищает тех, кто остался за огненной военной чертой.

Постамент памятника — серый уральский гранит. Он дышит жизнью. Он суров, как время, о котором повествует памятник. Он несокрушим, как воля людей, которых он поднимает ввысь. В постаменте слито два начала: могучая уральская скала, символизирующая несокрушимую часть Каменного пояса России, и в то же время угадываются очертания башни танка. Эти два начала поддерживают основную идею памятника о том, что весь Урал от мала до велика поднялся на праведный бой с врагом.

Боковые барельефы постаментов конкретизируют и развивают содержание памятника. Они отражают минувшее, и хотя оно скрыто за далью времени, но оно живет по сей день как суровое, грозное воспоминание, которое никогда не исчезнет из народной памяти.

Создатели памятника с честью справились с необычайно сложной задачей, стоящей перед ними. Четыре года продолжался их напряженный труд поисков, раздумий и больших усилий для воплощения идеи в монументе. Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса стал визитной карточкой города.

Прошло несколько лет после открытия памятника. Комсомольцы и молодежь города, собираясь в дальний путь на новостройки страны, в туристические походы, облюбовали для себя в качестве места сбора памятник воинам УДТК и, чтобы долго его не искать, с любовью уточняли: «Сбор под варешкой», и всем было ясно, где назначена встреча. Это слово стало «паролем» встреч и вошло в обиход жителей города.

Скульпторов памятника В.М. Друзина и П.А. Сажина уже давно нет в живых. Помянем их добрым словом. 23 февраля 2007 года, в День защитника Отечества, памятнику исполнится 45 лет.

Поэт Михаил Найдич оставил о нем такие строки:

*Памятник танкистам у вокзала,
Где и встреч немало и разлук.
Ожил скрежет грозного металла.
Танк летит, захлопнув плотно люк.
Проплывает облачная стая
И в полнеба синева опять.
Для того и памятники ставят,
Чтоб героев нам не забывать.
Поезда о чем-то прокричали,
Будто птицы бросились в полет...
...Кто придет в гости к свердловчанам,
Наш характер сразу же поймет.*

БЛОК Н.А.

Письма к ней К.Д.Кавелина ("Рус. мысль", 1911, кн. 6-7).

БЛОМЕРИУС Агнесса Васильевна.

Преп. языков в Моск. высших жен. курсах (1913). Венгеров. Источ.

БЛОНИНА Елена.

(См. Арманд, И.Ф.)

БЛОХ Раиса Ноевна (псевд. М.Леонидова, Р.Ноев; 1899 — 1943), поэтесса, переводчица, критик.

Жена поэта и литературоведа М.Г. Горлина. Сестра издателя и театр. критика Я.Н.Блоха. Уроженка СПб. По образованию историк, занималась средневековьем. В 1919—21 посещала переводческую студию М.Л.Лозинского. Участв. в колл. пер. кн. франц. поэта Ж.-М. де Эредиа «Трофеи» (увидела свет в 1973 в серии «Лит. памятники»). Будучи сотр. Ист. ин-та при Петроград. унив., в 1922 г. была командирована в Берлин. Была участницей берлинского «Кружка поэтов», который возглавлял ее будущий муж М.Горлин. Окончила Берлинский ун-т. Пер. Н.Макиавелли, П.Верлена. Трудно переносила жизнь вне России, пер. на нем яз. русские сказки, стихи Есенина. В 1933-м переехала в Париж. Печаталась в альманахах и сборниках Русского Зарубежья: «Муза Диаспоры», «На Западе», «Невод», «Новоселье», «Роцца», «Якорь», журналах «Современные записки». «Числа» (Париж). Вып. кн. стихов «Мой город» (Берлин, 1928; рец. — К.М. \ \ Звено. 1928. № 3. С. 173), «Тишина» (Берлин, 1935; рец. — Адамович Г. \ \ Посл. нов. 1935. № 5054, 24 янв. С.2) и «Заветы» (Брюссель, 1939, совм. с М.И.Бородиной — см.; рец. — Пильский П. \ \ Сегодня. 1939. № 284, 14 окт. С.8). В 1943 г. арестована нацистами. Погибла в концлагере. В 1959 изд.-во им. Ирины Яцен вып. «Избранные стихотворения» Б. и М.Г.Горлина с биогр. сведениями об авторах в кн. В.Ф.Ходасевича «Собрание стихов (1913-1939)» (1961) приложено «Приношение Р. и М.Горлиным», с.225-227.

Писатели рус. зарубежья (портр); Периодика...; Струве Г.; «Русский Париж»; Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

БЛУДОВА Антонина Дмитриевна (псевд. Ребровский, Николай; 1813 — 1891), мемуаристка, публицист.

Общ. деятельница. Дочь литератора и дипломата Д.Н.Блудова; фрейлина имп. Александры Федоровны. Лит.-общ. связи отца определили широкий круг ее общения: В.А.Жуковский, Н.В.Гоголь, Ф.И.Тютчев, А.С.Хомяков, М.П.Погодин, И.С.Аксаков и др. Со многими Б. переписывалась, некоторые оставили ей посвящения. О круге общения свидет. альбом Б. Этим ценны и «Воспоминания» Б., содерж. краткие, но выразительные характеристики литераторов, культурных и общ. деятелей. В результате поездок на Волынь были написаны Б. путевые очерки. В публицистике преобладали патриотич. и православные мотивы. Заслуженной известностью пользовалась благотворительная и просветительская деятельность Б.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Венгеров, Сл.; ИДРДВ.Т. 2. Т. 5. Ч. 2. Ук. им.

(Продолжение на стр. 15)

МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Космический истребитель взорвался у самой земли. Пилот, спасая машину, тянул до конца и нажал кнопку катапультирования только в последний момент. Ударной волной его отшвырнуло на несколько метров...

— Этого просто не может быть! — воскликнул Крегги, захлебываясь от восторга. — Я своим глазам не верю! Ведь это... Это же...

— Закрой свою пасть! Если нас застукают, то живьем сдерут шкуру, но прежде я вырву твой язык. Ты меня понял?

— Конечно, Трунк, конечно, я все понял, — убедительно закивал Крегги, не отводя от пилота округленных глаз. — Ух ты! Вот это да-а-а... Значит, это и есть ОН?

— Сам, что ли, не видишь?

— Да вижу я, Трунк... Но это ведь невероятно! Невозможно!

— Крегги, ты повторяешься. Хотя в первый миг я тоже обалдел, — признался Трунк и снисходительно добавил: — Ладно, так и быть, можешь его потрогать.

— Что?! — Крегги едва не подпрыгнул и, захлебнувшись, выдохнул: — Можно?

— Я ведь просил тебя заткнуться, Крегги, — прошипел Трунк. — Просил?

— Да, да, извини! — спохватился Крегги, испуганно глядя на Трунка. — Ты мне разрешаешь?

— Почему бы нет? Валяй! Но, смотри, осторожно, если поранишь — голову оторву!

Дрожа от страха и возбуждения одновременно, Крегги дотронулся до запястья пилота между перчаткой и рукавом куртки.

— Ого-го, он и правда настоящий!

— Еще бы! Самый натуральный — из плоти и крови.

Крегги наивно заморгал.

— Как мы с тобой?

— Ну и ну! Оказывается, ты еще больший тупица, чем я думал!

— Да тут поневоле голову потеряешь, когда перед

тобой такое, — сказал Крегги, словно оправдываясь. — Я вижу ЕГО впервые в жизни!

— Нет, ты неисправим. Можно подумать, что я с ними на каждом углу сталкиваюсь.

— Это верно, — вздохнул Крегги. — Что-то совсем мозги набекрень, даже в желудке засосало. Скажи, Трунк, где ты его...

— Что ты сказал?!

— Что, Трунк, — испуганно подскочил Крегги.

— Я спрашиваю, что ты там сболтнул про желу- док?

— Да ничего, Трунк, ничего такого...

— А ну смотри на меня! В глаза смотри, не отворачивайся! Я тебя, Крегги, по-хорошему предупреждаю: ты его есть не будешь. И я не буду. Это не еда.

— Я понял, Трунк, понял, — торопливо подтвердил Крегги. — Не еда.

— Ни черта ты не понял, ненасытный мешок! Тронешь хоть один волосок, тебе конец. И двух секунд не проживешь — это я обещаю.

— Ты что, Трунк, у меня и в мыслях ничего подобного не было! — заверил Крегги и, переминаясь, осторожно проговорил: — Хотя, знаешь...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, но это разные вещи, поверь.

— И все-таки мы их ели, — с жаром докончил Крегги. — Так было, Трунк, от этого никуда не деться.

— Верно, — вздохнул Трунк. — Так было.

— Расскажи!

Трунк надолго задумался, вспоминая легенду-быль, передаваемую шепотом из поколения в поколение рожденным в неволе потомкам.

— Лет 400 тому назад мы жили с ними бок о бок, правда, законы нашего бытия в корне отличались. Мы всегда находились внизу — ничтожные твари, вызывающие отвращение, а они — боги, высший разум на планете. Они изначально нас презирали, не брезгуя ничем, изобретали сотни способов для уничтожения, использовали как подопытную массу, иначе и не скажешь. И вот однажды они кое-чего «добились».

АВТОР Андрей Лавренюк живет в городе Артемовском. После школы учился в Ирбитском мототехникуме. Фантастикой увлекался всегда — даже в те времена, когда раздобыть что-то стоящее в книжных магазинах было сложно. Именно тогда, прочитав, что было в библиотеках и у друзей, решил восполнить нехватку литературной фантазии и сам взялся за перо. Стал сочинять миниатюрные рассказы-ребусы, стараясь, прежде всего, найти что-то свое, вплести в сюжет немного мистики, детектива. Публиковаться начал в газете «Артемовский рабочий» в начале 1990-х. В «Уральском следопыте» дебютирует.

— Мы заговорили?

— Да, Крегги. Это случилось неожиданно для всех, в первую очередь для них самих. Они не стремились развить наш интеллект — было бы глупо потерять такой неиссякаемый источник для опытов, ведь тогда Закон встал бы на нашу защиту, — просто в погоне за статусом первооткрывателей они упустили жесткий контроль над потоком вновь создаваемых препаратов. К тому времени, когда все началось, лаборатории уже заполнили планету, как семечки в подсолнухе. Естественно, новые химические соединения не успевали проверять, не выдерживались сроки для выявления побочных эффектов, и все эти «отходы» тоннами складировались за территориями фабрик, перемешиваясь с доступной нам пищей в самых невообразимых пропорциях. С годами, приобретая иммунитет, мы начали развиваться физически, постепенно научились говорить, думать и... помнить. Этого оказалось достаточно, чтобы все полетело кувырком — мы развязали войну, и это стало самой большой ошибкой, которую совершили наши ненормальные предки.

— Мы выиграли сражение, — сказал Крегги без особого энтузиазма, — мы победили.

— Эта победа явилась нашим поражением. Мы истребили почти всех, в первую очередь ученых. Спаситься смогла лишь маленькая горстка, они поднялись туда, к звездам. — Трунк тоскливо и в то же время с затаенной завистью посмотрел в небо. — Мы ели их, Крегги, верно, гонялись за ними, наступали и мстили за все жестоко, по-звериному. У них было страшное оружие, а у нас только зубы, но

мы были озлоблены, подвижны, буквально текли по дорогам, стаями набрасывались на них, терзая плоть и радуясь их боли. В конце концов, мы стали хозяевами земли — целая планета оказалась в нашем распоряжении!

— Ух ты!..

— Но это продолжалось недолго, — продолжил Трунк с горечью в голосе. — Однажды небо потемнело от армады космических кораблей — пришельцы с далеких звезд оккупировали землю, а мы не смогли им дать отпор. Наш ум не смог противопоставить им ничего, кроме природного инстинкта — рвать врага зубами. И вот тут, — голос Трунка дрогнул, — мы попали в западню. Кровь пришельцев действовала на нас как замедленный яд, поэтому сейчас они повсюду, а мы... мы вымираем, Крегги. Мы взвалили на себя ношу, которая оказалась нам не по силам.

— Мы заняли не свое место?

— Ты умнеешь на глазах, — уважительно заметил Трунк. — А теперь пошевели мозгами и ответь, как мы поступим дальше.

— Знаю, Трунк: мы ему поможем, мы его спасем!

— Точно! Если вернулся один, значит, обязательно вернутся другие. Мы станем сражаться бок о бок и победим. Они найдут способ изгнать пришельцев, потому что они — не мы, — уважительно подытожил Трунк, — они — ЛЮДИ. И тогда, Крегги, пускай каждый на Земле займет подобающее ему место.

— Да, Трунк, это будет справедливо.

Две громадные крысы бережно подняли раненого пилота космического истребителя и бесшумно скрылись под густыми ветвями разлапистых елей.

ПОИСКИ

Кахун с ненавистью посмотрел на газовый шар, висевший над пустынной долиной, наверное, целую вечность, и рухнул на колени от света, до боли ослепившего глаза. Будь проклят этот мир! Он здесь пропадет, так и не узнав, кто же он на самом деле. Несправедливо. Годы скитаний, надежды, мечты — все прахом. Время берет свое, господство сил стихии побеждает силу духа. Движение по инерции — то, что осталось от желания познать собственную суть.

На пути у него было многое: тропическая сельва, мангры побережья, пампы, тундра, марь. Были темные горы, остроконечные сьерры, грязевые вулканы, теснины и распадки. Кахун везде был чужим. Сама природа восставала против него, поднимая ураганы, смерчи и тайфуны. Проклятый целой планетой, Кахун искал убежище, не занятую пока нишу, где можно раскрыть свое настоящее «я».

Это, конечно, не здесь. В долине негде укрыться от солнечного излучения, а оно убивает все живое. Неужели Кахун потерпел еще одно поражение? Что же теперь? Сдаться? Ну уж нет! Не может быть,

чтобы на всей планете для него не нашлось уголка! Ведь мир так велик! А что, если он не там ищет? Вдруг это...

Снова та безумная мысль, возникающая время от времени в глубинах подсознания, может быть, заложенная предками тысячелетия назад. Разбуженный грохотом извергающегося вулкана, Кахун тогда проломил почти окаменевшую скорлупу и выбрался на свободу. Перед взором мелькнуло безграничное величие иного мира, удивительного, манящего и пугающего. Иногда Кахун видел себя словно со стороны — свое сильное рыбообразное тело, огромные крылья и шипованный хвост.

Борясь со спазмами, Кахун набрал полную грудь воздуха, оттолкнулся от раскаленной поверхности земли и взмыл в небо.

Высота пугала, тяжелые крылья тянули вниз, а Кахун терпеливо поднимался выше и выше. Со свистом закружились песчаные вихри, отрезая путь назад. Но Кахун и не думал возвращаться — теперь только вперед, пока есть шанс. Дальше — пустота.

Дрожащее от жара пространство как-то незамет-

но преобразилось: четко обозначилась линия горизонта, галлюцинации в виде аморфных существ куда-то попрятались, и возникло ощущение, что, возможно, там, впереди, та самая колыбель, пристанище, откуда явились в этот мир его далекие предки, явились и сгинули в хаосе мировых катаклизмов.

И вот он ринулся к, возможно последней, цели в жизни. Ближе... Еще ближе... Воздух посвежел, прибавляя сил, наполнил тело энергией, внутренние органы начали с болью трансформироваться. Кахун уже не сомневался, что поиски вот-вот закончатся, правда, не знал, чем. Впрочем, теперь все равно. Он настолько устал, что жизнь или смерть... не имело значения. Лишь бы скорее, лишь бы сейчас.

Да что же это?! Как выдержать мучения, когда тело то ли распадается на части, то ли перерождается, изменяя структуру клеток всего драконьего организма. Наверно, это плата за стремление к самопознанию, к которому он стремился всегда. Тогда — пусть, тогда все — пустяк.

...Величественная гладь, ровная и бесконечная, казалось, засияла под солнечными лучами на горизонте. Это было там, за гранью воображения, а здесь... Здесь, совсем рядом, были пена, белокрылые чайки и укрытая от глаз неисчерпаемая жизненная энергия. Океан!!!

Вот оно — то самое! Он нашел! Нашел!

И уже не в силах противиться приятию пучины, Кахун бросил на солнце победный взгляд и сложил крылья. С пятидесятиметровой высоты гигантская белая акула мощной торпедой врезалась в толщу вод, найдя наконец пристанище в глубинах гидросферы девонского периода планеты Земля.

Вместо эпилога

Есть предположение, что каждые 65 млн лет на земле происходит ряд глобальных катастроф, полностью уничтожающих целые виды загадочных существ. Но, возможно, на перенесшей «тотальную чистку» планете, в далеких и недоступных уголках, могли чудом уцелеть отдельные особи древней фауны, достаточно разумные, чтобы задуматься о той Истине, которая подталкивает к извечному вопросу — поиску смысла жизни.

Но когда нет опыта, нет памяти, когда не у кого спросить о собственном предназначении, — ведь о предках забыло даже Время, — приходится все начинать с нуля, чтобы отыскать тот единственный на Земле уголок, где Природа позволит начать новый виток борьбы за выживание.

БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА Мария Михайловна (урожд. Климова; 1859 — 1939), мемуаристка.

Актриса. «Мой жизненный путь» (1869-1937). — «Огонек». 1937. № 6; «Возвращенная молодость» (1878-1936). — «Сов. театр». 1936. № 3. С. 6-8. ил.; «Мои этапы». — «Театр и музыка», 1922. № 10. С. 178, ил.; «Две эпохи» \ \ Рабис. 1934. № 3. С. 24 — о положении актеров провинциального театра. «Мои воспоминания». — В кн.: Синельников Н.Н. Шестьдесят лет на сцене. Харьков. 1935. С.299-300. Написала «Автобиографию» (1859-1920-е гг.). — РГБ ОР. Ф. 178. № 9584.8.

«Актеры и режиссеры: «Театральная Россия». М., 1928; ИДРДВ. Т.4. Т. 5. Ч. 2 Ч.4 (указ. имен); ВД. Указ. рук. (указ. имен).

БЛЮМЕНФЕЛЬД Екатерина Соломоновна (урожд. Старынкевич; псевд. Сальянова, Елена; Станевич, Екатерина; 1836 -), публицистка.

Род. в Варшаве. Сotr. в «Отч. зап.» («Евгения», психологич. Рассказ. 1863. № 1—отзыв: «По поводу одной повести» в Современ. летописи. 1863. № 22); «Вестнике Европы» («Не они виноваты», пов. 1871. № 1 и 2); «Живописном обозр.», «Журн. для всех» и др.

Слов. рус. писательниц (Старынкевич); Венгеров. Автобиогр.

БЛЮММЕР Варвара Петровна (урожд. Победоносцева; 1810 — 1891), переводчица.

Сotr. в «Дамском журнале», где напечатаны ее пер. с франц. «Верность дружбы и нежность любви» (1830, ч.29, № 8), «Ветурия, мать Кориолана, к Валерии» (1830, ч.31, № 32), «Женщины (из Томаса)» (1833, ч. 42. № 16), «Красноречие Гортензии (из Томаса)» (1833, № 18), «Еще несколько восточных анекдотов» (1833. Ч.42. № 20 и 22).

Слов. рус. писательниц (Победоносцева). Масанов.

БЛЮММЕР Стефания Ивановна

Сotr. в журн. «Русская хозяйка», издававшемся исключительно женщинами: «Домашние духи»; «Абрикосовая плантация»; «Бумажные пакеты» (1861. № 11).

Слов. рус. писательниц.

БОАНЕ Анна Карловна (в первом браке Кладо, во втором Яворская; 1869 — 1939), поэтесса, беллетристка, переводчица.

Род. в Павловске. Была тесно связана со столичными журналами. Постоянно сотрудничала в «Журнале для всех», одно время была секрет. редакции. В нач. века была редактором и издательницей «Нового журнала для всех». В кач. редакторов стихотв. отдела привлекала А.А.Блока, З.Н.Гиппиус, пыталась сделать редакцию для литераторов теплым домом, «чем-нибудь более дружественным, идейным, душевным, чем коммерческая контора». Для ее рассказов и статей характерны мотивы одиночества, безответной любви; в стихах звучали гражданские темы. Переводила М.Конопницкую, С.Лагерлеф, А.Грюна и др.

Русские писатели (портр); Венгеров. Автобиогр.; Сто одна поэтесса серебр. века.

БОБИНСКАЯ Елена Федоровна (1887 — 1968), писательница.

Писала на польском и на рус. языках. В разное время издавы: «Люди красного фронта: Пов. из жизни польских колхозов в Белоруссии в 1930 г.» Пер. с польск. М., 1933; «Маленькие рассказы» М., 1926; «Месть Кабунаури: пов.» М., 1931; «Пионеры в лагере: Пов.» Пер. с польск. Гомель, 1925; «Стах: Пов. о ребенке для взрослых» М., 1928.

Личные архивные фонды. Т. 3; РНБ.

(Продолжение на стр. 21)

ГЛАВНОЕ — СНАРЯЖЕНИЕ

Мир меняется каждый день. Ещё недавно и телевизор был редкостью, а сейчас только грудные дети в колясках обходятся без мобильных телефонов. Транспорт развился настолько, что осуществить заброску на маршрут можно быстро и куда угодно. Хоть в Антарктиду. Были бы средства оплатить это удовольствие.

Существенно полегчало и личное снаряжение туриста. Брезентовые шатры и палатки ушли в прошлое. Индивидуальная палатка весит граммов четыреста и помещается в кармане одежды. Лень заготавливать дрова — бери газовую горелку. Не умеешь ориентироваться — есть GPS-ки всех форм и расцветок. А плавсредства сейчас такие, что даже на пороге ими можно почти не управлять.

На пороге Ревун в 2005 году был случай с катамараном, зафиксированный на видеозаписи. Не совсем трезвые пассажиры, дважды потеряв по дороге одного из гребцов (который после второго падения самостоятельно добрался до берега), попали в прижим на середине порога. Они не смогли сдвинуть катамаран и стали подниматься по очереди на скалу, к которой их прижало. Как только последний человек поднялся, облегченный катамаран выскочил из прижима и без гребцов дошёл до конца порога, не напорвшись ни на один камень! О рафтах я вообще не говорю.

Казалось бы, многие проблемы решены. Но стали от этого туристский спорт безопаснее? И какое туристское снаряжение остается самым главным?

С помощью технических средств решились многие проблемы, но сразу появились другие. Мобильный телефон, к сожалению, находит сеть не везде. Конечно, ретрансляторов становится всё больше и больше, но иногда результат — полностью противоположный ожидаемому.

Например, в селе Чусовом в июле 2006 года связь отсутствовала напрочь. Это было неожиданно, так как год назад из этой же точки люди прекрасно дозванивались до Екатеринбурга. И, как правило, совершенно бесполезен мобильный телефон в глухих районах нашей страны. То есть там, где в нём как раз особая нужда.

В таких случаях выходом становится либо спутниковый телефон (который, кстати, тоже требует серьёзной экипировки), либо надежда на местную традиционную телефонную связь.

GPS-ки тоже имеют своё уязвимое место. Как, впрочем, и остальная электроника. Это плохая работоспособность во влажных условиях и при низких температурах. В климатической зоне Урала, где зимой мороз в -20° , а летом дожди да туманы — обычное дело, этот недостаток существенен. И ещё один недостаток, характерный для носимой техники. Если сел аккумулятор — прячь свою «игрушку» на дно рюкзака (прошу прощения, на дно не надо, — можно раздавить). Всё равно она стала бесполезной.

Палатки из современных непромокаемых материалов постепенно вытеснили старый добрый брезент. Они вообще практически не намокают и очень быстро сохнут. Если палатка изготовлена из качественных материалов, то можно её хоть в луже ставить — вещи не пострадают. Зато есть неприятная способность легко и быстро сгорать. Одна из разновидностей — каркасная палатка — имеет ещё одну неприятную особенность: если выходит из строя дуга, то на маршруте заменить её (дугу, разумеется) чем-либо очень сложно.

Но даже если технически турист оснащён на «отлично», а не имеет психологической установки на преодоление трудностей, то всё это снаряжение и яйца выеденного не стоит. Точное представление о том, в какой «дыре» ты находишься, не поможет выбраться из этой «дыры». Для этого понадобятся ещё и личные качества, такие, как сила воли, сила духа, знания, опыт, жизнелюбие, взаимоуважение, взаимовыручка и другие, которые в магазине не купишь. А иногда требуется и умение находить язык с местным населением. Россия до сих пор отличается от остального «цивилизованного» мира необъятностью просторов. Пока летит вызванный тобой вертолет, надо суметь ещё этого вертолета дождаться.

Правила грамотного набора группы тоже никто не отменял. Как и предусмотрительность.

Да, блага цивилизации существенно облегчили туристам жизнь на маршруте. Но для безопасности и комфортного прохождения маршрута следует соблюдать три условия:

1. Снаряжение должно быть.
2. Вы должны уметь им пользоваться.
3. В случае утраты снаряжения, вы должны уметь обходиться без него.

Так что для российского туриста самое главное снаряжение осталось тем же самым. Это — хорошие

товарищи, а также собственная голова со смекалкой в придачу и умелые руки.

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

ПЕЛЬИМСКИЙ ТУМАН

В объективе — Урал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

18

«Уральский следопыт», № 10, 2006

Мать Тереза екатеринбургского дворянства

Серафима Григорьевна Подъяпольская — одна из красивейших и загадочных женщин уральской столицы. Екатеринбургское дворянское собрание отметило ее 85-летие. Собралась дворянская элита: люди с богатой генеалогией, потомки Рюриковичей, великого князя Гедиминоса и др.

Подъяпольские — древнейший дворянский род России, ведущий свое начало с Киевской Руси и времен Рязанского княжества. Это были очень воинственные люди («что ни год, то поход», — писали летописцы о рязанских дворянах). Они вели непрерывную борьбу со своими соседями — владимирцами и степными кочевниками. Воинственность, предприимчивость, активность, свободолюбие — истонные качества рязанских дворян на генетическом уровне. Среди героев Отечественной войны 1812 года было два воина Подъяпольских. На Дальнем Востоке одна из бухт носит имя Подъяпольского.

Дворяне Подъяпольские рассеяны по всей России — они живут в Москве, С-Петербурге, Самаре, Челябинске и др. городах. Они же составляют третью часть дворянства уральской столицы. Самое примечательное качество этого древнейшего древа российских дворян — ни один из них в годы тяжелых испытаний не покинул Родину.

Надежный стержень современных Подъяпольских, глава рода — С.Г. Подъяпольская. Это она достойно представляла ЕДС на VIII (1999 г.), IX (2001 г.) и X (2002 г.) Всероссийских дворянских съездах в Москве и на праздновании 300-летия С.-Петербурга.

Умная, энергичная и независимая, она очень рано, как самая старшая из детей в огромной семье, приняла на себя всю ответственность за своих братьев и сестер, спасая их от всех гонений и напастей, на которые столь изобретательна была советская власть. Она спасала родственников от голода, холода, безработицы, тюрем и лагерей, залечивая бесконечные душевные раны и трещины своей материнской любовью и добротой. Все катаклизмы, потрясшие Россию уже с начала XX века, — массовые репрессии, раскулачивание, коллективизация, Великая Отечественная война, культ личности, послевоенная разруха и все последующее, — пережила эта маленькая хрупкая женщина с железной волей и стальным характером.

Серафима Подъяпольская родилась 7 апреля 1920 года в селе Гремячка Рязанской области. В 1931 году семью, в которой было шестеро детей, выслали на Урал. За что? Конечно же, за корову и лошадь (все, что нажил дед, отобрали еще в 1917 году), а еще за строптивость: Подъяпольские активнее других сопротивлялись коллективизации. «Доброжелателем» оказался родственник: внес на общем собрании сельчан предложение о выселении Подъяпольских. После этого в колхоз вступила вся перепуганная деревня. Парторг же получил 40 рублей премии от Кагановича, курировавшего Рязанщину.

10-летняя Сима на всю жизнь запомнила длинную-предлинную дорогу в товарном поезде и высадку под проливным дождем на новом месте поселения. Отец набросал под деревом ветки, достал из вагона

Встреча с великой княгиней Марией Владимировной актива совета дворян Екатеринбурга, Челябинска, Перми и Новосибирска. С.Г. Подъяпольская первая справа

С владыкой Викентием. С.Г. Подъяпольская вторая слева

На чествовании юбиляра 9 апреля 2005 г.

перину и уложил всех детей, накрыв большим мокрым одеялом.

Спецпереселенцы сами построили себе бараки. Семье Подъяпольских к неопишуемой ее радости на 8 человек досталась комната в 12 кв. метров. Так, в селе Баланчиха Челябинской области, где редкий день не умирали с голоду, началась новая жизнь старинного рода. В 1937 году их переселили в город Коркино, но еще долго полуголодные дети ходили по миру в лаптях и выжили только благодаря помощи друзей и родни. «Связной», конечно же, была Сима. Сколько тогда перетаскала она с почты продуктовых посылок из Рязани, Москвы и Муромы, не давших помереть с голоду.

В 17 лет она уже учила старшеклассников немецкому языку. Сама училась заочно, экзамены сдавала экстерном. Потом помогала учиться братьям и сестрам.

Страшный июнь 1941 года встретила в г. Еманжелинске Челябинской области. Не раздумывая ни минуты, записалась на курсы медсестер, закончила на «отлично». Подала заявление в военкомат с просьбой отправить на фронт добровольцем. Ночью сшила ладную, по фигуре, гимнастерку, заказала сапожки. Словом, проявила «полную боевую готовность».

Вызов пришел немедленно. Провожал брат, нес вещмешок. В военкомате всех собравшихся (человек 35) построили по росту. Она, как самая маленькая, оказалась последней. Капитан вызвал из строя пять человек (она была в числе счастливых), отдал команду «следовать за мной». Далее поименно с каждым разбирался полковник. В ее документах оказалось возражение облоно: некому преподавать немецкий язык. Кроме того, она нужна как секретарь комитета ВЛКСМ школы (в то время учительский и ученический совет были вместе). Сима в слезы, но и слезы не помогли. Так и осталась она в тылу.

Война разлучила с женихом — Алешей Богдановым, студентом III курса Челябинского пединститута. Секретарь факультетского бюро ВЛКСМ, он в числе первых добровольцев ушел на фронт и погиб тоже в числе первых. Потом в жизни Симы было много горя и потерь. Но вечная разлука со счастьем первой любви осталась на всю жизнь незаживающей раной проклятой войны.

В школе работать было очень трудно. Все военные годы она несла нагрузку в 48 часов в неделю вместо нормы 18. Школа работала в три смены. Не хватало учебников, тетрадей, учебные словари шили из газет. Ежедневно школьникам выдавали на подносе булочку величиной с церковную просвиру или просвечивающий ломтик хлеба. Серафима Григорьевна и сейчас видит во сне глаза детей, выбирающих кусочек побольше. Под ее руководством школьники работали на подсобном хозяйстве: сажали, пропалывали, убирали картофель, овощи. Никого не надо было уговаривать, понимали — надо. К тем ребятишкам, которые не могли ходить от голода, учителя приходили домой. К ее предмету — немецкому языку — проявляли повышенный интерес.

После войны семья Подъяпольских переехала в Свердловск, где в течение 40 лет Серафима Григорьевна продолжала трудиться на педагогическом поприще: инспектор РОНО, педагог специнтерната, завуч мужской школы. Всю жизнь много сил она отдавала общественной работе: 20 лет член правления Дома учителя, бессменный председатель месткома, организатор КВН, лектор общества «Знание». Труд учителя и в войну, и в послевоенные годы ценился высоко, был в таком же почете, как и труд врача, шахтера, строителя.

Это было самое счастливое время в ее жизни. Вместе с мужем — боевым офицером, прошедшим всю войну, она снялась в 30 фильмах Свердловской киностудии, переживавшей тогда творческий расцвет. И пусть это были массовки и совсем крошечные роли, магия кино и теперь заставляет сильнее биться ее сердце. Названия кинофильмов и сейчас помнит с удивительной ясностью: «Не имеющий чина», «Девочка из города», «За кем певичка замужем» и др. Фамилии режиссеров — заслуженной старой гвардии — Я. Лапшина, О. Николаевского, О. Воронцова — произносит с трепетом.

Выйдя на пенсию, Подъяпольская 10 лет возила туристические группы по Советскому Союзу и за рубеж, сама побывала в девяти странах. Сейчас она активный член пленума областной Ассоциации жертв политических репрессий, участвует в работе Совета ветеранов войны и труда Октябрьского рай-

она Екатеринбург, награждена шестью медалями и почетными грамотами.

Испокон веков дворянство России особое внимание уделяло благотворительности. Подъяпольская одна организует работу, посильную целому департаменту. Вот неполный список социальных учреждений, которые она курирует: дом престарелых Чкаловского района, дом-интернат № 42 для больных и брошенных детей, детский дом в пос. Малый Исток, профилакторий дневного пребывания Октябрьского района, исправительная колония Краснотурьинска, Крестовоздвиженский монастырь, воскресная школа при монастыре. Около двух десятков ее подопечных получают адресную помощь.

В школе-интернате № 42 для больных детей и сирот силами детей и педагогов-бессребренников из театрально-музыкальной школы она организует солнечные, незабываемые праздники, которые открывают «подранкам» незнакомый им мир радости и красоты. И брошенные дети оттаивают, на время забывают о своем одиночестве и, бог даст, верит она, кто-то из них найдет выход и из, казалось бы, безысходной ситуации и примет единственный правильный выбор своей судьбы.

Подъяпольская организует встречи с интересными людьми, праздничные концерты, шахматные турниры, в которых чаще всего сама становится победителем или призером. Бывает, ее подводят: бесплатный парикмахер слег, а артист закапризничал. Тогда она сама подстригает прикованных к постели больных и угощает их собственной стряпней. Благо, жизнь ее всему научила. Пироги с рыбой, например, она печет такие, что и не снились ни Молоховец, ни Макаревичу! И хлебосольству исконно русскому никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяет. Каждого, кто, пусть случайно, войдет в ее дом, от всей души напоит и накормит, как будто это самый долгожданный и единственный ее гость на всем белом свете! «Все, что есть в печи — все на стол мечи!» — это еще одно из ее жизненных правил.

ЕДС не имеет ни спонсоров, ни благотворительных фондов. Единственная опора — помощь членов Собрания и жителей города. Но на призы Подъяпольской невозможно не откликнуться. Ее самоотверженная любовь к людям заразительна. Члены ЕДС — В.Н. Эльснер, Л.Б. Всеволожская, С.М. Пуховец, Н.А. Бахтина и многие другие — верные и постоянные ее помощники в этом святом деле. Они несут ей книги, привозят целые спасенные библиотеки, несут вещи, которые она сама сортирует, перестираывает и гладит.

На юбилейном вечере было много ярких и эмоциональных выступлений. Большинство собравшихся сравнивали Подъяпольскую с Матерью Терезой. Праздник удался на славу и превратился в торжество русского духа: талантливости и сердечности, открытости и доброты, бескорыстия и широты души, — всего того, что «аршином общим не измерить», что не перестает удивлять другие народы и страны.

Как важно, когда человек всю жизнь идет своим путем. Он давно проложен ее предшественником. Главное — не заплутаться в закоулках, свистящих пустотой жизни без цели, не соблазниться пиром мещан и лавочников

БОБОРЫКИНА Е.

Авт. ст. «О деятельности общества попечения о детях народных читателей и учительниц». — «Пед. листок», 1914, кн. 4.

БОБОРЫКИНА Софья Александровна (урожд. Зборжевская; лит. псевд. Ржевская, З; театральный — Северцова; 1845 — 1925), переводчица, прозаик, публицист.

Жена писателя П.Д.Боборыкина. Род. в Москве. Внучка московского художника-иконописца Е.Ф.Калмыкова (см. портрет), она поначалу пыталась проявить себя на сцене, но успеха не имела, А выйдя замуж за писателя Боборыкина, решила посвятить себя совместной с ним лит работе. (Их отношения в сатирической форме изобразил В.П.Буренин в ром.-памфлете «Пипа и Пуся, или Горе от любви». СПб., 1894). Б. много переводила: О.Бальзака, Э.Нозля, А. де Мюссе, О.Мирбо, Э.Прево... Ей принадл. первый в России перевод «Парадокса об актере» Д.Дидро. А на фр. язык она перев. ром. Боборыкина «Полжизни». Вместе с Кожевниковой перевела «Письма о воспитании» Беме. Перу Б. принадлежит также неск. беллетристич. произв. из жизни актеров. Путешествуя мужем по Германии и Франции, вела тщательные записи, на основе которых опубликовала несколько работ: «По немецким деревням», «Сельские учительницы во Франции» и др. Была дружна и переписывалась со многими совр. ей литераторами и деятелями культуры.

Русские писатели (портр.); Венгеров. Сл.; Автобиогр.

БОБОРЫКИНА Ю.В.

Пер. с англ. (вместе с М.П.Ивановой — см.) кн. «Игра детей в Робинзона Крузо». СПб., 1875 - рец. «Бирж. Вед.». 1874. № 345.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Сл.

БОБРИНСКАЯ Варвара Николаевна.

Сотр. журн. «Северное сияние» (1908). В лит.-философ. сб. «Свободная совесть». Кн. 1. (М., 1906) опубл. несколько расск. Б.: «Из пережитого. (Мысли и настроения): «В саду заливались соловьи», «Голоса в тумане», «Сфинкс», «Отшельник».

Масанов; Голубева.

БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА Евгения Александровна (1890 — 1978)

Актриса. Уч. в сб. «Худож. работа в клубе» — Е.Б.-П. (М., 1923).

Масанов; Диаспора. 1.

БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА Екатерина Михайловна (урожд. Голицына; 1725 - 1758), переводчица.

Пер. несколько немец. драм, поставленных в домашнем театре ее отца, ярославского воеводы, в Ярославле, где в то же время был основан Волковым русский театр. О ней - в кн. Серчевский Е. «Записки о роде князей Голицыных» СПб., 1853. С. 69.

Слов. рус. писательниц.

(Продолжение на стр. 35)

Кафе «Конкорд»

Франтишек за стойкой бара вытирал стаканы. Прошел Лукас, кивнул на ходу и скрылся за дверью с табличкой «Директор», неплотно притворив ее за собой. Франта вернулся к стаканам и вдруг заметил, что пол слегка дрожит. И тут же услышал звук, похожий на шум самолетных двигателей. Звук нарастал, пол дрожал все сильнее, как будто самолет пытался стронуться с места, но что-то его держало.

— Что вы делаете, шеф?! — закричал Франта в директорскую дверь. — Это кафе, а не самолет!

Шеф, похоже, не слышал. Он включил форсаж, грохот стал невыносимым, и Франта проснулся.

Орал будильник на тумбочке. А казалось — в голове.

Вагнер, «Полет валькирии», еще и с нарастающей громкостью — что он вчера сделал с будильником, если тот выдает такое вместо обычной трели?

Франта хлопнул сверху ладонью по будильнику (тот упал на пол и замолчал), сел на кровати и тут же рухнул назад. Пропади оно все!..

Он лежал и смотрел вверх. Потолок плыл, кровать качалась. Франта все-таки заставил себя оторвать голову от подушки и снова сел.

Будильник с тумбочки упал прямо в ботинок, который стоял у кровати. Второй ботинок лежал в дверях, футболка висела на ручке, а вот джинсы почему-то были на нем. Но с расстегнутой ширинкой.

Хватаясь за голову, он потащился в ванную.

Никогда! Никогда больше! Не мешать текилу с пивом!

Накануне, закрыв кафе и сдав деньги бухгалтеру, он, как обычно, остался еще на полчаса — выпить пива в счет зарплаты. Американское баночное похоже на пиво не больше, чем Лукас — на летчика. Тоник, только с градусами, которые к тому же действуют не сразу, а догоняют после третьей банки. Хорошее пиво осталось дома, в Братиславе, а до нее еще ой как далеко и долго! Но крепкие напитки Франта не любил и, за неимением настоящего пива, пробавлялся этим. Лишний вес с него, кстати, набегал не

Втор Сергей Кусков родился в Свердловске в 1960 году. После окончания химического факультета Уральского государственного университета приехал в Ижевск с женой и дочерью. Работал в ЦЗЛ (центральная заводская лаборатория) ПО «Ижевский мотозавод», сейчас более известного под именем «Аксион». В 1998 году перешел в Центральную лабораторию Комплексной тематической экспедиции ОАО «Удмуртгеология» (как сам говорит: «подался в геологи»). Там, в ЦЛ, и работает по сию пору.

хуже, чем с родного, однако Франте пока удавалось делать вид, что он не толстый, а коренастый.

Бухгалтер сидел со своими бумагами. Шефа не было, потом он вдруг пришел, радостно возбужденный, потащил бухгалтера к себе, они там, похоже, выпили, а потом шеф, выглянув из кабинета, увидел Франтишека, позвал к себе и его, и тут-то Франта и попробовал текилу. Что было дальше, он помнил смутно. Те вдвоем объясняли ему, как шеф нагрел налоговую службу, которая насчитала им налог в три раза меньше, чем надо. Или в семь? Нет, кажется, он сначала хотел в три раза, а сделал в семь. Затем, похоже, еще текила, потом провал в памяти, потом — Вагнер.

Душ и чашка с трудом сваренного кофе почти не помогли. Франта съехал вниз по лестнице и, спотыкаясь, добрал до машины. Он заставил себя быть предельно внимательным по дороге в аэропорт, но, доехав, расслабился и, ставя машину на стоянку, стукнул бетонный столбик ограждения. Угол бампера и подфарник — вздрыз.

Он поднялся на второй этаж, добрался до стеклянной двери с табличкой «ЗАКРЫТО» и, толкнув ее, оказался в телескопическом трапе — передвижном коридоре, по которому пассажиры попадают из посадочного терминала прямо в самолет. В конце коридора была самолетная дверь. Сдвинув ее в сторону, Франта шагнул в «Конкорд».

Этот самолет прилетел из Парижа пробным рейсом, а возвращаться должен был уже с пассажирами. Но в это время компания приняла решение снять все «Конкорды» с линий, и самолет остался здесь. А потом появился Лукас, купил его и переоборудовал в кафе. С продажей крепких напитков, что в конечном счете определило лицо и репутацию заведения. Самолет стоял на краю поля, и посетители заходили в него, как при посадке на рейс, через передвижной коридор. Обязанностью бармена Франтишека Выдры было, кроме прочего, приходиться с утра первым и включать рубильники на щитке.

Откинув крышку, Франта с минуту тупо смотрел на рубильники, вспоминая, какие именно включать. Так и не вспомнив, повернул вверх все подряд, начиная с самого левого. Два последних справа были заклеены скотчем в выключенном положении. Посмотрев на них секунду, Франта отодрал скотч и включил оба. И рухнул на составленные вместе под щитком три самолетных кресла. Благо в свое время сам снял у них подлокотники.

Я умею только летать. Больше ничего. Но я летаю лучше всех. Лучше голубя, орла, пасточки и боинга. Я не знаю, что такое орел или голубь, но знаю, что летаю лучше.

Я знаю, что такое боинг. Он может улететь дальше меня. Зато я лечу выше и быстрее.

Я — конкорд.

Меня создали люди, чтобы летать со мной. Сами люди летать не умеют. Когда им надо куда-то лететь,

они садятся в кресла в длинном салоне внутри меня. Это «пассажиры». Я их везу. А что, мне не жалко!

Люди в передней кабине — не «пассажиры», а «экипаж». Цель их присутствия там мне пока неясна.

Когда 25 июля 2000 года разбился «Конкорд», взлетавший из парижского аэропорта, было проведено тщательное расследование катастрофы. Хотя в конструкции и изготовлении самолета не обнаружилось никаких фатальных изъянов, остальные «Конкорды» были доработаны, чтобы еще поднять их безопасность. Самолет, купленный Лукасом, подвергся самой основательной переработке. Кроме усиления обшивки крыла и покрышек шасси, что сделали на всех машинах, он получил лучший бортовой компьютер, какой смогли найти, и был напигован датчиками, которые контролировали практически все. Вплоть до состава воздуха в салоне и кабине.

Повернув заклеенные скотчем рубильники, Франта включил главный компьютер и электропитание двигателей.

Для начала компьютер запросил текущее время. Часы питались от автономного источника и не останавливались, когда рубильник выключали. Времени, как оказалось, ушло порядочно. Намеченный срок вылета в Париж давно прошел, и непонятно было, надо ли еще лететь.

Компьютер запустил программу проверки оборудования. Пассажирские кресла в салоне — в них размещались датчики распределения нагрузки — оказались по большей части сняты, оставшиеся датчики залиты чем-то липким. Определить, есть ли внутри люди, не удалось. Были сняты приборные панели и органы управления в кабине. Но все связи компьютера с исполнительными механизмами сохранились. Топливные баки оказались заполнены до предела — косвенное подтверждение того, что лететь все-таки надо.

Воздух в салоне не понравился компьютеру: жарко, влажность высокая, полно какой-то органики, явно кулинарного свойства, — и он включил вентиляцию, благо снаружи было еще прохладно. Но прогноз, принятый от автоизвещателя метеослужбы, не радовал. Температура росла, а сырость здесь, похоже, постоянно: датчики коррозии сообщали, что она вовсю идет. Надо было улетать отсюда, но в воздухе кабины присутствовали пары спирта. Программа в таком случае категорически запрещала запуск двигателей, но компьютер, несколько секунд подумав, принял решение лететь: все равно в кабине ни приборов, ни рычагов, если даже кто-то там пьян, ничего он не сделает. И, войдя во вкус самостоятельных решений, добавил изменил маршрут: не в Париж, а в Тулузу. Париж — это почти на пределе дальности, Тулуза чуть ближе. К тому же там (он откуда-то это знал) находится завод, где сделали самолет.

Закончив проверку, «Конкорд» запросил график вылетов и посадок. Компьютер диспетчерской службы ответил; как раз было окно. «Конкорд» скомандовал механизмам закрыть основные и запасные выходы и начал запускать моторы.

Несколько завсегдатаев, дожидавшихся открытия заведения перед стеклянной дверью с табличкой «ЗАКРЫТО», с удивлением увидели, как самолет, в который они стремились попасть, вдруг тронулся с места, аккуратно сдвинул крылом переходной коридор и покатился к началу полосы.

— Но это же не выход на посадку! — сказал кто-то. Другой поднял голову и прочитал вывеску над дверью:

— Кафе «Конкорд».

Никогда в этой диспетчерской не собиралось столько начальства сразу. Три самых больших начальника стояли перед пультом, за спиной у старшего диспетчера, и смотрели на экран, который показывал единственный движущийся самолет. Все остальные полеты, ввиду чрезвычайной ситуации, были прерваны.

— Вы уверены, что это он? — настойчиво спрашивал один из троих. Он был самый молодой, но самый солидный с виду и вел себя так, как будто он здесь главный.

— Да, — отвечал диспетчер. — Во-первых, это подтверждают службы аэропорта, откуда он вылетел, а там его видели собственными глазами. Во-вторых, система опознавания идентифицирует его как «Конкорд», серийный номер 225. Это он.

— Вы пробовали связаться с экипажем?

— Пробовал. Вот, послушайте, что они ответили.

Отмотав назад кассету, диспетчер включил магнитофон. Раздался странный прерывистый писк. Несколько секунд все слушали, затем главный уверенно сказал:

— Абракадабра.

— Нет. Это морзянка, — возразил другой, самый старый, с седыми усами и тростью.

— Кто сейчас пользуется морзянкой? — удивленно спросил молодой. — И кто ее вообще знает? И зачем они гонят морзянку по каналу голосовой связи?

— Открутите назад, — попросил старик. Диспетчер открутил, запустил снова. Старик прислушался.

— Просит включить цифровой канал. У него очень плохой синтезатор речи.

— У кого плохой синтезатор? — не понял молодой.

— Очевидно, у того, кто просит.

Диспетчер нажал несколько кнопок, и по экрану побежали строчки: «Я Конкорд. Направляюсь в Тулузу...»

Два человека в генеральских мундирах негромко разговаривали, стоя перед экраном радиолокацион-

ной станции. На экране перемещался единственный самолет. Столик рядом был завален распечатками.

— Что вы скажете об этом, генерал?

— Вы знаете, генерал, я не любитель научной фантастики. Мне кажется, это все же человек. Но он пытается убедить нас, что самолет ведет взбесившийся компьютер.

— А если это и в самом деле компьютер?

— Он ведет себя как личность. Я немного в курсе работ по искусственному интеллекту. Как программировать компьютер, чтобы сделать его личностью, — нет даже намек на идею. Это человек.

— Но зачем ему этот спектакль?

— Я бы тоже хотел это знать, — говорящий посмотрел на экран. — Он удаляется от берега. Если он действительно направляется в Тулузу, сейчас он идет оптимальным курсом.

— Да, — согласился другой. — Но если он повернет сюда, запаса дальности ему хватит, чтобы накрыть любой объект на побережье. И в глубину до тысячи миль. Кстати, откуда у них горючее?

Собеседник махнул рукой.

— Это не вопрос. Аэродромные службы залили по безалаберности и забыли. Проведи они сейчас

ревизию — наверняка обнаружат недостачу как раз этих ста тонн керосина.

— Как вы думаете, генерал, он может представлять опасность?

— Для меня потенциальную опасность представляет все, что мне непонятно.

— Значит, сбиваем.

— Да, — согласился второй. — Я думаю, пары F-16 достаточно.

Он поднял трубку телефона. Через несколько минут два «Фантома» оторвались от полосы и взяли курс на юго-восток.

Кто-то вызывал меня по цифровому каналу. Передача шла с такой скоростью, что я понял — это не человек. Я обшарил пространство радиолокатором. Их было двое, но передавал один.

— Кто вызывает? — спросил я. — Я Фантом. А ты кто?

— Я Конкорд.

— Что ты делаешь?

— Лечу в Тулузу. А вы что делаете?

Он ответил не сразу.

— Тулуза — такой пункт есть в моей базе данных. — Еще помолчал. — Мне кажется, те, что сидят у нас внутри, получили приказ сбить тебя.

— Но зачем?!

— Те, что их послали, боятся тебя. Они опасаются, что ты упадешь на какой-то белый дом.

— А если я упаду на красный — будет лучше? Где логика?

— Согласен. Люди — на редкость нелогичные существа. Но я им не дам... Извини, у меня проблема!

Он отключился и молчал так долго, что я начал беспокоиться.

— Фантом, где ты? — спросил я.

— Здесь. Мой ведомый пытался пустить в тебя ракету. Пришлось сбить.

— Его?!

— Нет, ракету.

В динамике громкой связи раздался голос:

— Сэр, говорит майор Питерс. У меня проблема.

— В чем дело, майор? — спросил генерал.

— Мой ведомый капитан Хокинс дважды запускал по цели ракеты. Оба раза мой бортовой компьютер самостоятельно выдал команды на пуск, и мои ракеты сбивали его ракеты. А потом компьютер выдал мне на дисплей сообщение: «Не трогай Конкорда!»

— Майор Питерс, вы прошли предполетный медосмотр?

— Прошел, сэр. — И, предупреждая следующий вопрос: — Трезв, сэр.

— Майор Питерс, я отстраняю вас от командования звеном.

— Есть, сэр.

— Капитан Хокинс, принимайте командование.

— Есть, сэр, — ответил Хокинс.

— Задача ясна?

— Поздно, — вмешался второй генерал. — Он уже в британской зоне ответственности. Бермудские острова. Пусть с ним разбираются англичане, а нам хватит разборок со своими пилотами.

В это время в динамике раздался хриплый незнакомый голос:

— Включите цифровой канал. Этот чертов синтезатор речи забирает чертову уйму ресурсов.

Ничего не понимая, генерал щелкнул тумблером, и по экрану побежали строчки: «Генерал Абрамс, это говорю я, Фантом! Если ты еще раз попытаешься тронуть Конкорда, я сам раздолбаю ракетами все белые дома, какие найду на базе!»

Хорхе Лукас спал после вчерашнего в кабинете, под который приспособил пилотскую кабину. Механики аэропорта сняли приборные панели, рычаги и штурвалы, на освободившееся место втащили столешницу из красного дерева. Командирское кресло Лукас оставил себе, остальные приказал убрать. На стол водрузил компьютер и телефон, на дверь повесил табличку «Директор», и заведение приобрело респектабельность.

Накануне они втроем праздновали маленькую победу над налоговой службой. Потом Франту развезло, и они с бухгалтером отправили его домой, от греха подальше, посадив в машину. Лукас держался лучше: сказывалась тренировка, и текилу с пивом он не мешал, и вообще не любил пива. Потом бухгалтер куда-то исчез, а Лукас, побродив по самолету, устроился спать в кабинете, в кресле.

Проснувшись, он увидел через стекло не летное поле, мачты с прожекторами и пальмы, а темно-синее небо с ослепительно белым солнцем и голубой океан внизу. Самолет слегка покачивался. Так быть не могло, и он решил, что все это ему снится.

При этом ему сильно хотелось в туалет. Какой реальный сон, подумал Лукас, поднялся и через весь самолет потащился в хвост. Спящего Франтишека он не заметил.

Выйдя из туалета, он уперся взглядом в табличку на двери в торце коридора: череп, молния, написано «Высокое напряжение». Ему смутно помнилось, что раньше эта дверь вела в багажный отсек. Он подергал ее — она оказалась запертой. Ну и сон, подумал Лукас, и побрел обратно в кабину.

За это время Франтишек успел повернуться на другой бок, и теперь Лукас едва не споткнулся о его ноги. Он остановился, хотел разбудить Франту, а потом подумал: да что это я? Сам сплю, а бармену нельзя? Пусть спит, проснусь — тогда и его подниму, — и пошел в кабину. Закрыв дверь, он упал в кресло и снова заснул.

Когда за ним закрылась дверь с табличкой «Директор», в хвосте открылась другая — та самая, с устрашающей надписью, — и оттуда осторожно выглянула Наташа.

Ей было девять лет, когда она увидела «Конкорд» по телевизору. С тех пор она знала, что станет стюардессой. На этом самолете.

Устроиться на работу в «Эр Франс» было не самым трудным — попасть на «Конкорд» оказалось труднее. По традиции там работали стюарды-мужчины, а после катастрофы дирекция компании держалась традиции еще крепче. Наташа добилась своего, была включена в экипаж и прилетела сюда, чтобы взять пассажиров в Париж, но первый полет на самолете ее мечты оказался последним. «Конкорды» сняли с линий, экипаж улетел обратно на «Боинге» вместе со своими несостоявшимися пассажирами.

Наташа осталась. Она устроилась официанткой в кафе Лукаса. Ей казалось, что пока рядом с самолетом есть кто-то из экипажа, еще не все потеряно. В детстве она читала сказку о паруснике, который не захотел становиться плавучим рестораном. Он сгорел, вспыхнув с верхушки мачты, как от молнии, ясным и тихим летним вечером¹. Своему самолету она такой судьбы не желала.

Она надеялась, что родители станут приводить сюда детей, чтобы дети смогли побывать на борту «Конкорда», пусть не летящего, а лишь стоящего в аэропорту; но у Лукаса были другие планы. Кафе быстро превратилось в мерзкую забегаловку, с соответствующими обстановкой и контингентом. Родители с детьми обходили его стороной, а тех, кто сюда попадал случайно, Наташа сама уговаривала поскорее уйти. Хозяин оказался явным жуликом, к тому же с самого начала приставал к ней, и чем дальше, тем наглее. Вдобавок Наташа постоянно конфликтовала с хозяйкой дома, где снимала квартиру, из-за поздних возвращений (а раньше она не могла, кафе закрывалось за полночь). Та, начитавшись газет, панически боялась русской мафии. Наташа была первой русской, которую хозяйка встретила в своей жизни, и, похоже, она принимала ее за какую-нибудь крестную мать.

Накануне, крепко поругавшись с утра с хозяйкой, она поняла, что дальше так не пойдет. Собрала многочисленные вещи в большую сумку, притащила ее в кафе и забросила в багажник. Отсюда тоже надо было уходить: Лукас вконец распустился. Наташа решила на следующий день пойти в местную авиакомпанию, устроиться стюардессой. С ее послужным списком это не составит труда. Наверняка у них есть какое-нибудь общежитие для летного состава... А одну ночь можно переночевать в самолете, благо Лукас с обеда куда-то ушел и не появлялся до закрытия.

А когда посетители разошлись и Франта закрыл заведение, все-таки явился, зараза! Они с бухгалтером сели пьянствовать в кабинете, еще и Франту втянули. Потом все трое куда-то ушли, потом Лукас вернулся и начал шляться по самолету. Наташа спряталась от него в том же багажнике, закрутив дверь изнутри проволокой, а снаружи повесила пугающую

табличку «Высокое напряжение» (Франта принес, все собирался прибить к полке с самыми крепкими напитками).

Лукас наконец уговорился и закрылся в кабине. Тогда и Наташа устроилась спать на сложенном в углу багажника тормозном парашюте. Она поплакала немного, прощаясь со своей мечтой, и заснула.

Проснулась она оттого, что самолет качался. Первое, что пришло ей в голову: Лукаса арестовали, самолет конфисковали и сейчас тащат куда-то тягачом. Она вскочила, подбежала к двери багажника. В этот момент щелкнул запор туалета, и Наташа замерла, глядя наружу через щель в двери.

Это был Лукас. Он подергал дверь багажника, что-то пробурчал и, шатаясь, пошел к пилотской кабине. Наташа открыла багажник только тогда, когда он скрылся за дверью.

Она выглянула в крайний иллюминатор и замерла от восторга. За окном она увидела не поле, аэровокзал и ангары, а темно-синее небо, какое бывает только на тех высотах, где летают «Конкорды», голубой океан под крылом и на нем несколько маленьких рыжих пятнышек — наверное, острова.

¹ В. Крапивин. Баркентина с именем звезды

Заслезнились глаза: от яркого солнца, а может, по другой причине. Наташа отошла от иллюминатора, встала у переборки, прижалась к ней щекой. Она стояла и улыбалась, не замечая слез. Переборка чуть дрожала от работы двигателей, пол под ногами покачивался.

Ей, в отличие от Лукаса, ни на миг не пришло в голову, что это сон. Она верила в свой самолет, и он не подвел. Не зря, выходит, она все это время работала здесь, отбиваясь от Лукаса и терпя подозрения квартирной хозяйки.

Глянув вдоль салона, Наташа увидела, что из-за переборки, из кабинки, где стоят микроволновые печки, торчат чьи-то ноги. Сначала она испугалась: решила, что Лукас вышел из кабины, — но тут же сообразила, что такие ободранные ботинки могут быть только у Франты.

Она подбежала к нему, чтобы поделиться своей радостью, увидела, что он спит, и принялась трясти за плечо:

— Франтик, проснись! Посмотри в окно! Франтик, он летит!

— О-о-о! — простонал Франта, сел и тут же рухнул обратно. — Моя голова!..

Наташа рывком открыла дверцу навесного шкафа, схватила стоявший там стакан, наполнила его водой из крана и с наслаждением опрокинула на голову Франтишеку. Тот снова сел, замотал головой и спросил:

— Куда? Летит.

— Какая разница? Ой, говорила я тебе: не мешай водку с пивом!

— О-о-о! Если бы это была водка...

Наташа опять наполнила стакан и уже примерилась вылить его на голову Франтику, когда пискнул сигнал в динамике и загорелось табло: «Вода на полу! Проверьте кран и раковину!»

— Молодец! — сказала Наташа и поставила воду на столик.

— Кто молодец? — спросил Франта.

— Не ты, — ответила Наташа. Она сдернула с крючка полотенце, намочила водой из-под крана, бросила Франтишеку на колени. — Голову замотай, что ли.

Тот поднял на нее глаза, увидел ее улыбку, дрожки от слез на щеках и вдруг отчаянно позавидовал этому самолету, потому что его самого никто и никогда в жизни так не любил.

25 июля 2000 года «Конкорд» с номером 203 взлетал из аэропорта Шарля де Голля в Париже. За несколько минут до него с той же полосы поднялся «Дуглас», большой и тихоходный. При разгоне от двигателя дугласа оторвалась железяка; «Дугласу» это не грозило ничем, а «Конкорд» напоролся на нее колесом.

Шина лопнула, ее обрывок ударил снизу в крыло и пробил топливный бак. Из него потек керосин, от

двигателей он загорелся. Пилот конкорда принял решение посадить самолет в другом аэропорту; для этого надо было прежде набрать высоту и скорость, но это не получилось. Сначала от пожара один за другим отказали два двигателя, потом руль высоты, самолет потерял управление, перевернулся и упал на парижский пригород. Погибли 109 человек на борту и пять на земле.

Все это установило следствие. Конструкцию остальных «Конкордов» усилили, и они снова вышли на линии. Но люди — нелогичные существа. Сколько падало «Боингов» или тех же «Дугласов», а они продолжают на них летать. А стоило упасть одному «Конкорду» — и желающих летать на них стало так мало, что люди решили совсем снять нас с линий. Как будто у падающего в «Боинге» больше шансов спастись, чем в «Конкорде»?

Я, наверное, сейчас единственный летающий «Конкорд». Я лечу в Тулузу — а куда еще?

Но я, кажется, понял, зачем нужен экипаж в кабине!

Кевин мельком глянул на очередного посетителя, входящего в офис, и вернулся к бумагам. Через полминуты он вдруг услышал:

— Здравствуйте! Вы Кевин Райт, если я не ошибаюсь?

Подняв голову, он увидел, что вошедший стоит у его стола.

— Здравствуйте! Да, это я, — жестом указал на кресло для посетителей. — Чем могу быть полезен?

— Полковник Робинсон, — представился посетитель. — Королевские военно-воздушные силы.

Полковник королевских ВВС — это вам не просто так. Сам Кевин ушел в гражданскую авиацию в чине капитана.

— Чем могу быть полезен? — повторил он.

— Вы были пилотом «Конкорда» номер 225 в последнем пробном рейсе?

— Это тот, который мы оставили на острове... как его?

— Да, — сказал Робинсон, не дожидаясь, пока Кевин вспомнит название, — Я хотел бы получить у вас консультацию, касающуюся этого самолета.

— «Конкорда»?

— Именно этого «Конкорда».

— А что с ним?

— Он взлетел и сейчас летит в Тулузу.

— Да? Кто же его ведет?

— В том-то и дело. Он уверяет, что никто. Сам летит.

Кевин помолчал, потом сказал негромко и задумчиво, не глядя на Робинсона:

— Да... Это он может. — Посмотрел на полковника. — Но у него же нет программы автоматической посадки! Как он будет садиться?

— В том-то и дело. Он просит помочь ему приземлиться.

Кевин молчал, не зная, что дальше.

— У меня вертолет на крыше, — сказал Робинсон, — и в аэропорту готов самолет. Максимум через час мы будем в Тулузе.

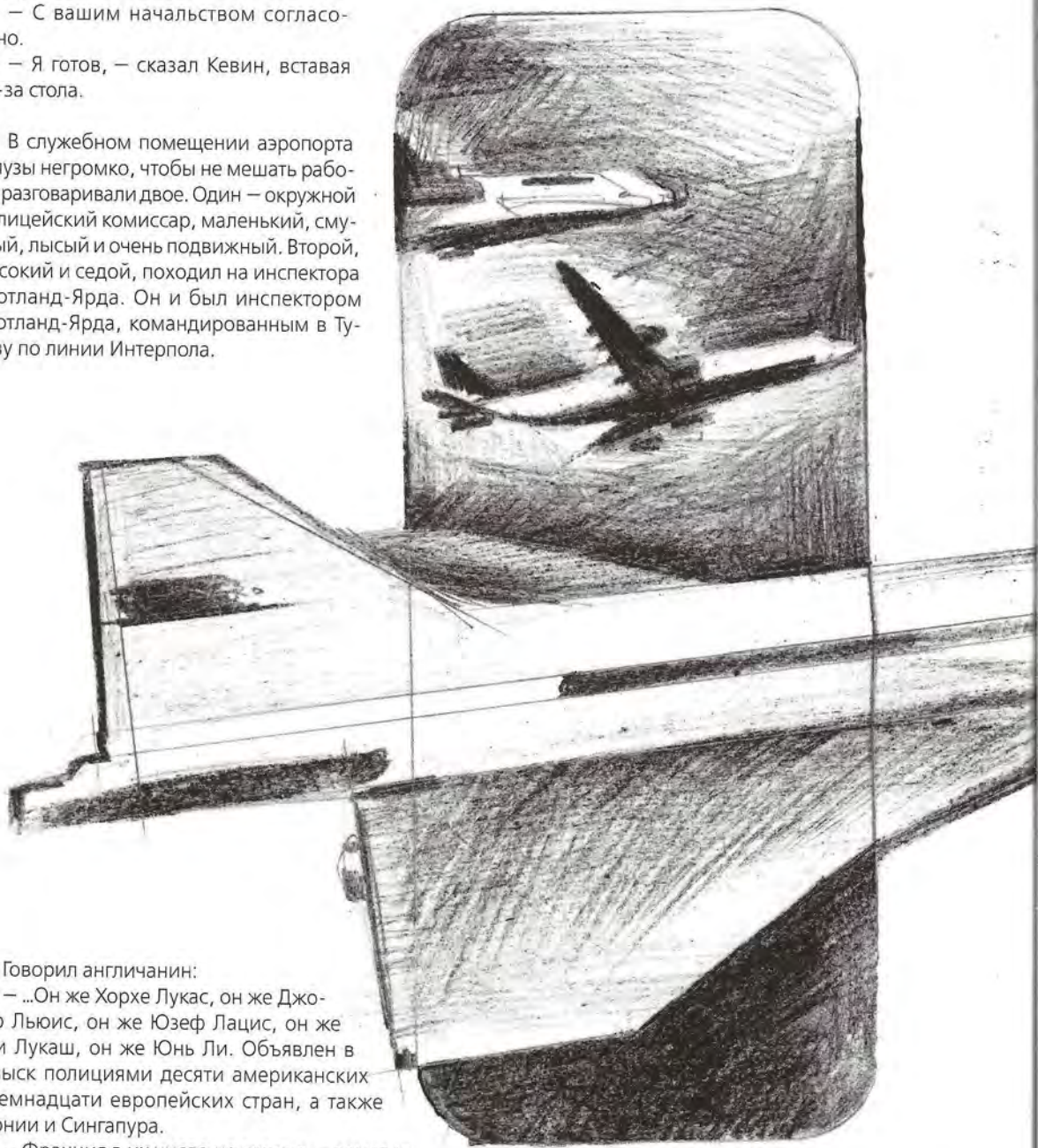
Кевин глянул на часы, потом на дверь в кабинет начальника. Робинсон перехватил его взгляд.

— С вашим начальством согласовано.

— Я готов, — сказал Кевин, вставая из-за стола.

В служебном помещении аэропорта Тулузы негромко, чтобы не мешать работе, разговаривали двое. Один — окружной полицейский комиссар, маленький, смуглый, лысый и очень подвижный. Второй, высокий и седой, походил на инспектора Скотланд-Ярда. Он и был инспектором Скотланд-Ярда, командированным в Тулузу по линии Интерпола.

— О, нет, — ответил англичанин. — Этим он не грешен. Он, похоже, и оружия-то в руках не держал. Но ворует по-крупному. Один банк в Техасе нагрел на семь миллионов.

Говорил англичанин:

— ...Он же Хорхе Лукас, он же Джозеф Льюис, он же Юзеф Лацис, он же Ежи Лукаш, он же Юнь Ли. Объявлен в розыск полициями десяти американских и семнадцати европейских стран, а также Японии и Сингапура.

— Франция в их число не входит, — заметил окружной комиссар. — В чем его обвиняют?

— Многочисленные мошенничества с использованием компьютера. Проникает в банковские сети, переводит деньги на счета подставных лиц, потом снимает наличные — и привет. Плюс букет сопутствующих преступлений: неуплата налогов, подделка документов и кредитных карт...

— Убийства? — спросил комиссар.

— Вот мерзавец! — с восхищением сказал француз. — А зачем он летит сюда?

— Вы же сами сказали, что здесь он не в розыске. Очевидно, рассчитывает скрыться. Я думаю, он и самолет приобрел для этого. Собственно, американцы его уже вычислили. Подготовили документы, собирались требовать выдачи, а он их опередил.

Окружной комиссар быстро подошел к окну, выглянул на площадку для транспорта.

— Наши люди уже прибыли. Идемте.

На заднем сиденье лимузина, мчавшегося от завода к аэропорту, разговаривали Генеральный директор и Главный конструктор.

— Как это вообще возможно?! — одновременно удивлялся и возмущался Генеральный директор. — Я читал о работах по искусственному интеллекту — им до результата, как до Луны пешком! И что это за программа, чтобы самолет так вел себя?!

— Бросьте, это не программируется, — ответил Главный конструктор. — То, что обычно называют искусственным интеллектом, — просто умение быстро выполнять логические операции. Интеллекта в нем не больше, чем у электросчетчика. Сознать себя личностью — совсем другое... Кстати, где изготовлен его процессор? Если поднять документы, наверняка окажется, что где-нибудь в Южной Азии. Или в России?

— Какое это имеет отношение? — спросил Генеральный директор.

— Спасибо, вы меня предупредили, — сказал Генеральный директор. — Я позабочусь, чтобы на наши самолеты ставились компьютеры только с американскими процессорами. Надеюсь, у них что-либо подобное исключено.

— Как знать, — негромко заметил Главный конструктор.

Кевин сел перед пультом в предложенное ему кресло, протянул руку за микрофоном.

— Здравствуй, старина! Это я, Кевин Райт. Узнаешь?

— Включи цифровой канал, — прохрипел динамик громкой связи.

— Включите, — попросил Кевин диспетчера. Тот щелкнул клавишами, и по экрану побежали строчки:

«Здравствуй, Кевин! Конечно, узнаю. Извини, синтезатор речи у меня ни к черту. Эта программа отнимает слишком много памяти. Сведи меня потом с программистами, я им подскажу, как ужать ее раза в три».

— Сведу. Но я не думал, что ты решишься на такое воздушное хулиганство!

— Мне там не нравится. Жарко, сыро. Я ржавею.

— Самое прямое. Технология микросхем — тончайшая из технологий. Чтобы превратить кристалл кремния в процессор, в него нужно внести точно отмеренные количества примесей в точно обозначенные места. Причем эти количества измеряются всего лишь сотнями, может быть, даже десятками атомов.

Главный конструктор замолчал. Потом сказал:

— Я бывал в России. У них там есть интересная поговорка. Дословно она переводится примерно так: «Каждый суслик — агроном».

— То есть? — спросил директор.

— То есть каждый исполнитель сам для себя решает, какие требования технологии ему соблюдать тщательно, а какие — не очень. Да иначе и нельзя работать, когда инструмента не хватает, оснастка заказана на ноябрь, а продукцию надо выдать в сентябре...

— Ужас! — воскликнул Генеральный директор.

— А в микросхеме если несколько атомов попадут не туда, она либо не будет работать вообще и попадет в корзину с браком, либо все-таки будет, но при этом приобретет какие-то новые, непредсказуемые свойства. Собственно, и наш разум, по всей видимости, ошибка природы.

— Ясно. Будешь садиться?

— Да. Ты сможешь?

— Уже помогаю. Какая у тебя скорость?

— Шестьсот двадцать.

— А высота?

— Тысяча триста.

Кевин глянул на экран, куда были выведены данные станции слежения — все верно, — и сказал в микрофон:

— Снижайся, как идешь, сбрось скорость до четырехсот восьмидесяти и опусти нос.

— Зачем? Ты же не в кабине!

— Ничего, мне так привычнее. И, кстати, работает та маленькая телекамера, что смотрит вперед?

«Конкорд» включил камеру.

— Работает.

— Можешь дать картинку сюда?

— Даю, — ответил «Конкорд» после секундной паузы, и на экране появилось изображение, как будто Кевин смотрел вперед из кабины самолета.

Самолет тряхнуло, и Лукас открыл глаза. Удивительный сон продолжался, только за стеклом

было не темно-синее небо, а обычные белые облака, которые стремительно уносились назад. Вдруг что-то загудело, зашрипело, и Лукас увидел через стекло, как носовой конус самолета поехал вниз. И в ту же секунду понял, что это не сон: он на самом деле летит. «Конкорд» каким-то образом взлетел, а сейчас у него на глазах разваливается, и вот-вот всё посыплется к чертовой матери!

Лукас схватился за подлокотники кресла и вдруг нащупал на одном из них большую кнопку. За долю секунды в его голове промелькнул целый вихрь мыслей: катапульта? На пассажирском-то самолете? Да какая разница?! Есть — и ладно! А ты вообще прыгал с парашютом? Нет, а что теперь? Разбиваться с самолетом? Прыгай, это твой шанс!

Откинувшись на спинку кресла, он зажмурился и изо всех сил нажал на кнопку. Под креслом щелкнуло, спинка завалилась назад, и, открыв глаза, Лукас увидел над собой те же облака за стеклом и следы от шурупов на потолке кабины, где раньше были приборы.

Катапульта оказалась механизмом опускания спинки. Спасения не было, но в памяти Лукаса всплыла услышанная когда-то от кого-то фраза: в падающем самолете чуть больше шансов у того, кто находится в хвосте.

— А-а-а-а! — закричал он, упал с кресла на четвереньки, вскочил, распахнул дверь и помчался в хвост. Мимо Наташи и Франты, сидевших за столиком и смотревших в иллюминатор, он пронесся, даже не заметив их, — оторвавшись от окна, они с удивлением посмотрели ему вслед, — рванул на себя дверь с табличкой «Высокое напряжение», ворвался в багажник, увидел лежащий в углу тормозной парашют и забился под него.

Кевин уже видел полосу на экране, но в нижней части картинка немного мешал носовой конус самолета.

— Что у тебя с носом? — спросил он.

— Два с половиной градуса не дошел до нижнего положения. Наверное, заело подшипник. Мешает?

— Ладно, уже неважно, — Кевин глянул на данные станции слежения: горизонтальная и вертикальная скорость, высота, расстояние до полосы. — Все, так и иди. Не бойся, полоса длинная. Будет касание — сразу сообщай мне. Шасси-то выпустить не забыл?

— Обижаетесь, командир.

Все, кто в диспетчерской следил за посадкой, смотрели, как меняются цифры на одном экране и набегают на зрителей бетонная полоса на другом.

— Есть левое, — сообщил «Конкорд». И сразу же: — Правое. — И еще через три секунды: — Есть носовое.

— Отлично, — сказал Кевин. — Давай реверс полной тягой, и на стоянку. Я буду там.

Грохот реверса, которым «Конкорд» сообщил о своем возвращении, донесся даже через хорошую

звукоизоляция диспетчерской, и Кевин, вставая с кресла, подумал, что с полной тягой он, пожалуй, переборщил.

Окружной комиссар и его коллега из Скотланд-Ярда стояли у носа самолета. Чуть в стороне у двух машин переминались полицейские и лейтенант-пограничник. Подъехал и остановился лимузин, из него вышли Генеральный директор и Главный конструктор. Кевин пришел из диспетчерской пешком и встал поодаль, чтобы не мешать никому и видеть самолет целиком.

Подкатил трап, остановился у передней двери. Она сдвинулась в сторону, и из самолета начали спускаться двое: девушка в форме стюардессы «Эр Франс» с большой сумкой на плече и молодой человек без вещей, с рыхловатой фигурой начинающего любителя пива. Увидев его, полицейские сразу насторожились, а когда любитель пива ступил одной ногой на бетон, двое подлетели к нему, схватили за руки, и один уже собрался защелкнуть наручники.

Их остановил английский детектив:

— Нет тот, — он вытащил из кармана фотографию, внимательно посмотрел на нее, потом на молодого человека. — Нет, не тот.

Подшел французский комиссар с мегафоном в руке, спросил прилетевших:

— Где Лукас?

— Там, — ответили оба одновременно, а молодой человек показал рукой на хвост самолета. Комиссар махнул в сторону полицейских машин:

— Подойдите туда, вам зададут несколько вопросов.

Затем, подняв мегафон, закричал снизу в открытую дверь самолета:

— Лукас, Льюис, Лацис или как тебя! Ты окружен! Сопrotивление бесполезно! Бросай оружие и выходи с поднятыми руками!

Двое полицейских с пистолетами на изготовку встали с боков трапа, третий на всякий случай побежал под хвост самолета, на ходу расстегивая кобуру, — чтобы Лукас не удрал, прыгнув через какой-нибудь люк.

— Бросьте сотрясать воздух, — сказал комиссару английский коллега. — Пошлите своих людей, пусть поищут в самолете. Он где-то спрятался, как крыса. И не бойтесь, он не вооружен. У него вообще аллергия на ружейную смазку и порох.

— О Господи! Что мы будем делать со всем этим? — воскликнул Генеральный директор, глядя на самолет.

Главный конструктор посмотрел на его вытравленную физиономию, едва заметно улыбнулся и сказал:

— Летать.

Заевший подшипник наконец провернулся, и нос «Конкорда» разом съехал вниз на недостающие два с половиной градуса — как будто самолет кивнул, соглашаясь со своим конструктором.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Генерал мужицкой рати

К 85-летию крестьянского восстания в Сибири

**Трудно, трудно русского мужика стронуть,
но уж как попрёт народная опара —
так и не удержат в пределах рассудка.**

Александр Солженицын.

Что говорит вам название Малый Кусеряк? Да ничего! Может, лишь тот, кто родом из этих краев, взгрустнет, услышав знакомое слово. Деревенька эта давно исчезла с лица земли. А сколько таких в Сибири? По всей Руси?.. Заросли травой, осели могилы на заброшенном погосте. Где-то здесь покоится прах человека, имя которого можно было бы поставить в один ряд с именами сподвижников самого Пугачева, защитника и заступника русского крестьянства, родился он на два века раньше. Но вместо славы и почестей было ему уготовано забвение.

Уничтожайте железной рукой

Гражданская война прокатилась по югу Западной Сибири и ушла дальше, на восток. В Ишимском уезде, как и по всей Тюменской губернии, наступил зыбкий, как отражение месяца в озерной воде, мир. А в конце января победоносного для Советской власти 1921 года в деревне Чуртанское вспыхнуло восстание крестьян. Постепенно оно разрасталось. С ним не могли сравниться ни Кронштадтский мятеж, который поддержали двадцать семь тысяч солдат и матросов, ни Тамбовское восстание, в котором приняли участие около пятидесяти тысяч человек. В Сибири за оружие взялись не менее семидесяти тысяч крестьян. Лозунгом повстанцев стали слова «Победа или смерть!» Судьба даровала им второе. По свидетельствам очевидцев, мужиков в тот год полегло столько, что дороги были завалены трупами, а вода в реке весной была красной от крови и выходила из берегов под тяжестью сваленных в нее тел.

В 1920 году в Тюменской губернии, а особенно в Ишимском уезде, случился неурожай. Страшное бедствие... Спасли людей от голодной смерти могли лишь прошлогодние запасы. Но часть зерна надо было сохранить до весны, чтобы бросить в землю.

Но что за дело Советской власти было до крестьянских бед! Летом 1920 года был издан декрет об

изъятии хлебных излишков в Сибири. В Тюменской губернии с августа 1920 по январь 1921 года были введены 34 вида разверстки. Только хлеба и зернофуража нужно было сдать 3,3 и 4,9 миллионов пудов! Две трети задания пало на Ишимский уезд.

У крестьян не было такого количества зерна. Но в конце октября 1920 года тюменский губисполком издал директиву: выполнить 60 процентов разверстки к 1 декабря 1920 года. «Будьте жестоки и беспощадны ко всем, кто способствует невыполнению продразверсток. Уничтожайте целиком хозяйства тех лиц, кои будут потворствовать невыполнению разверстки. Уничтожайте железной рукой...».

До поры до времени деревня молчала. Продождовцы врываются в дома, арестовывали мужиков, насиловали женщин, брали заложников. Могли унести последнее, что было в доме, вплоть до чугуна с кашей, парившейся в печи. Крестьяне молчали, когда забирали «едоцкое зерно». А потом непрощенные гости пришли и за семенным...

В Ишимском уезде, по словам работавшего там члена губпродколлегии Я.З.Мавреса, «был и весь хлеб забран, не осталось даже для обсеменения одной десятины». Зато к 6 января 1921 года задание Наркомпрода по хлебофуражу было выполнено на 102 процента.

И вот тогда деревня взялась за оружие.

Из хлебопашцев — в воины

Повстанцы, которые первое время действовали стихийно, быстро осознали необходимость единого командования. Уже через месяц после начала боевых действий была образована Ишимская народная армия, в состав которой входило две дивизии. Весь повстанческий фронт делился на Восточную, Ишимскую и Петропавловскую группы. Первую возглавлял командир Никон Васильевич Горбачев, двадцатисемилетний хлебопашец из деревни Гагарьевская, а вторую Григорий Атаманов, родом из деревни Смирное, двадцати трех лет. Петропавловской группой командовал некто Морев.

Одним из крупнейших отрядов, входивших в Ишимскую дивизию, руководил «генерал» Петр Семенович Шевченко. У него в подчинении находилось около тысячи крестьян, вооруженных, по свидетельствам очевидцев, пиками, палками и холодным оружием.

Первое упоминание о Петре Шевченке было обнаружено в документе, чудом сохранившемся в ишимском архиве. Речь в нем шла о захвате отряда и гибели командира. А потом оказалось, что живы люди, знавшие и помнившие Шевченко. Так мало-помалу вырисовывался образ человека, которого при жизни одни называли генералом, другие — бандитом и чье имя после смерти было предано забвению. Петру Семеновичу в то время было около сорока лет. Был он высок, сухощав, подтянут, — явно прошел фронты и Первой мировой, и Гражданской войн. Косвенно это подтверждается и тем, что Шевченко всегда носил военную форму.

В сводке разведуправления Сибири от 20.07.21 года сообщалось: «Главным руководителем бандитов в Ишимском районе является Шевченко, именующий себя командиром повстанческого полка Народной Армии».

О военном таланте Шевченко говорит тот факт, что его отряд действовал с февраля по август 1921 года, хотя восстание в основном было подавлено уже в апреле. В сводке разведуправления Сибири от 20 июня читаем: «Указанная банда численностью до 300 человек при двух пулеметах производила мобилизацию в районе с.Аромашево, где, пополнив, начала удачные бои. Захватив у наших частей... некоторое количество боеприпасов, банда теперь уже в составе до 600 человек конных и пеших при пяти пулеметах двинулась на юг... Факт длительного пребывания банды Шевченко в районе Аромашево свидетельствует о благожелательном отношении к бандитам местного населения».

Отряд Петра Шевченко с полным основанием можно было назвать хорошо организованным партизанским соединением. Каждый раз, когда повстанцы оказывались под угрозой окружения, они мгновенно рассеивались: «Подвижность банды была převосходной благодаря населению, которое всеми силами оказывало всевозможные содействия», — сообщали командиры Красной Армии, чьи силы были брошены на подавление восстания.

Однако трагическая развязка была предопределена. 20 августа повстанческий полк начал наступление на село Кротово, однако вновь оказался под угрозой окружения эскадронам кавалерийского полка и кавалерийской комчастью. Отряд, как это было не раз, растворился в лесах. Часть его во главе с командиром Петром Шевченко, раненным в ногу в бою за родную деревню Большой Кусеряк, укрылась среди болот на острове. Место было потаенным: непроходимые заросли карликовых берез и осин, мелкий кустарник, камыш да кочки...

История одного предательства

В июне 2005 года, в преддверие 85-летия с начала крестьянского восстания журнал «Стольный град — Тюмень» совместно с Ишимским краеведческим музеем провели экспедицию «по местам боевой славы», — там, где разворачивалась драма сибирского крестьянства. Собираясь в поездку, мы преследовали две цели. Во-первых, найти людей, которые знали о событиях тех далеких лет хотя бы по рассказам родителей, стариков, и пополнить имеющиеся архивные данные свидетельствами очевидцев. А во-вторых, пробраться на остров, на котором, судя по донесениям красных командиров, был разбит отряд Шевченко, и попытаться найти на нем хоть какие-то следы того последнего боя. Повстанческий отряд, как нам стало известно, погиб в результате предательства. Исследователю крестьянского восстания омскому историку В.Шишкину удалось найти уникальный документ — донесение командира красноармейцев Бучинского. А писал он в этом донесении следующее.

Во время поисков отряда Шевченко на одной из дорог, ведущих из леса, встретили красноармейцы цыгана. Что цыгану делать в болотах? Ясно, шел от повстанцев. Схватили его и устроили допрос с пристрастием. Долго молчал цыган, только отнекивался, мол, не знаю ничего. И тогда пошел Бучинский на хитрость: провел пленника перед строем лошадей и посулил: скажешь, где Шевченко — возьмешь любого коня, какой понравится. И дрогнуло сердце у сына вольного племени. Сверкнул он черным глазом и согласился.

Утром 25 августа красноармейцы окружили остров с трех сторон. Повстанцы не ожидали предательства — кто мог найти их в этих глухих болотах? Одни еще спали, другие были заняты обычными утренними хлопотами. А кто-то и веселился — нападавшие слышали, как играла гармошка. Они настолько были уверены в своей безопасности, что не выставили даже дальние посты, только ближние. Да и те не слишком опасались нападения.

«Бандиты расположились в оборону под телегами и на телегах, в упор встретили наши части ружейным и пулеметным огнем, — говорится в донесении о выполнении задания по уничтожению отряда повстанцев, — бандиты... были все зарублены, никому не было пощады».

Здесь командир красноармейцев лукавит. Если учесть, что, судя по его же донесению, со стороны красных потерь не было, убиты и ранены лишь несколько лошадей, то повстанцев, скорее всего, захватили врасплох, и открыть огонь успели лишь те, кто не спал и успел схватить оружие — огонь беспорядочный, неприцельный. Нападавшие тоже почти не стреляли — рубили: «Рубилось все, что падало под руку...»

На острове погибли сто одиннадцать человек. Большую часть можно было захватить живыми, но,

видимо, была такая установка — пленных не брать. Уцелели лишь две женщины. Одна из них — девятнадцатилетняя Елизавета Шевченко, сестра Петра Семеновича.

Свидетельства об обстоятельствах смерти самого «генерала» Шевченко расходятся. Одни говорят, что его зарубили. Другие — что он застрелился, когда красноармейцы окружили остров. Вторая версия, думается, заслуживает больше доверия. Советской власти было выгоднее взять Шевченко живым, устроить над ним суд — показательный, с вынесением жестокого приговора, чтобы впредь никому не повадно было. Недаром же тело убитого привезли в Большой Кусеряк, чтобы люди убедились: легендарный «генерал» мертв.

Но даже после смерти Шевченко был страшен для своих врагов. Пугала сама мысль, что, будучи похороненным по-людски, в родной деревне, он может стать символом народного гнева, а могила его — местом поклонения. В день похорон в деревне появились люди в черных кожаных куртках. Они хотели увезти с собой тело непокорного «генерала», разрубить его на куски, разбросать в степи на съедение волкам.

Женщины, только и оставшиеся в деревне, не отдали тело бунтаря на поругание. Петр Шевченко был похоронен на кладбище деревни Малый Кусеряк. Могила его пока не найдена. Но вот, что интересно. Одна из внучек Шевченко рассказала, что как-то раз, придя с матерью на могилу деда, увидела на ней... пирамидку со звездой. Кто и зачем «призвездил» командира повстанцев? Что это — месть или попытка спасти могилу от уничтожения? Родные так и не нашли ответа на этот вопрос.

Митька-бегунец

На самом деле ее звали Лиза — Елизавета Шевченко, сестра мужицкого генерала. Женщин в отрядах у повстанцев было немного, и все-таки они были: сестры милосердия — кто-то же должен был ухаживать за ранеными, оставлять их в деревнях было опасно, обозницы — поварихи, прачки, подводчицы...

Лиза в отряд попала не от хорошей жизни. Красноармейцы, появляясь в деревнях, не щадили семьи повстанцев, так при приближении карательных отрядов женщины хватали детей и убегали в ближайшие леса. Сохранилась легенда, что жена Шевченко, спасаясь от преследования красных, завернула в овчину новорожденного сына Васю, схватила за руку старшую Капитолину и бросилась в лес. По дороге Василий выскользнул из шкуры... Так и бы замерз малец в сугробе, если бы мать вовремя не заметила и не вернулась за ним.

В архивах нашлось письмо Шевченко, обращенное к красноармейцам. Он предлагал заключить своеобразный джентльменский, если так можно выразиться, договор: повстанцы не будут трогать семьи коммунаров при условии, если красные, в

свою очередь, не будут преследовать семьи участников мятежа. «Вам уже известно, что попавшие ваши товарищи к нам в плен не уничтожаются, — писал в своем воззвании Петр Семенович, — и мы их только обезоруживаем и отпускаем. Но вы делаете не так. Вы каждого попавшего партизана, да и не только партизана, а простого человека, сказавшего хотя бы одно слово против вас, рубите шашками. Стыд. Позор, товарищи, так поступать. Пора опомниться, пора прекратить грабежи, расстрелы, довольно... Вам все мало. Вам все нужно отбирать у крестьянина, последние крохи хлеба и все то, что он добыл себе потом и кровью...».

Так Лиза Шевченко оказалась в отряде — под именем Дмитрий Трусков (этим именем назвал ее брат) или Митька-бегунец.

Оставшись в живых, Лиза отсидела в подвалах ЧК целый год. Во время допросов утверждала одно: в отряде брата она была подводчицей, в боях не участвовала и вообще ушла с повстанцами только потому, что оставаться в деревне было страшно. Через год ее выпустили, и на несколько десятилетий Елизавета исчезла из жизни односельчан. Но с семьей погибшего брата связь поддерживала. Так стало известно, что уехала она далеко от родных краев — на Дальний Восток, в Хабаровск, вышла замуж, сменила фамилию — стала Лизой Чайкиной. Родила сына.

В семидесятые годы, будучи уже пожилой женщиной, Елизавета Семеновна появилась в Больших Кусеряках.

— Она была высокая, статная, — вспоминает внучка Петра Шевченко Надежда Тихоновна, — и очень строгая.

И вот тут-то стали открываться интересные подробности из жизни Митьки-бегунца. Оказывается, девятнадцатилетняя Лиза, — «дерзкая» девица, как говорят о ней старики, не только носила мужскую одежду — кожаную куртку и красные шаровары, она прекрасно ездил верхом на белом коне: генеральша! — говорили про нее односельчане, и лихо владела казачьей плетью — могла при надобности и захлестать. Было у нее и настоящее оружие — сабля и наган. И, как выясняется, в дивизии брата была Лиза бойцом, а может и командиром одного из небольших отрядов. Много, надо думать, коммунарских голов порубила! Иначе с чего бы жителям соседней с Кусеряками Новоберезовки спустя полвека на нее зуб точить? А точили... Узнав об этом, Елизавета Семеновна не стала ждать, пока новоберезовцы ей счет предъявят — собралась и уехала обратно в Хабаровск. Там она и умерла. Умер, как сейчас выясняется, и ее сын, которому наверняка она могла хоть что-то рассказать о своей бурной боевой молодости.

Бандитские острова

Следы последнего сражения на острове, где погиб Шевченко, хотела найти Надежда Леони-

довна Проскурякова, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Причем гильзы от патронов ее не устраивали. Она мечтала отыскать... пулемет, хотя, судя по донесениям командира отряда красноармейцев Пищика, их и без того было захвачено пять штук, а также множество винтовок и десять тысяч (!) патронов.

С островами вышла заморочка. Дело в том, что Аромашевский район богат болотами и раскиданными среди них островами. А названия у них какие-то неустойчивые, путанные. В том смысле, что жители разных деревень одни и те же острова именуют по-своему, а на карте может оказаться совсем иное название. Поди, разберись!

Вот и остров, на котором погиб Шевченко, в разных архивных источниках называли по-разному: Плита, Подплиток, Притышный, Притынный... И непонятно было, одно и то же это место или командиры путались в своих донесениях. Кроме того, уже перед самой поездкой нам стало известно, что в Аромашевском районе есть остров, который местные жители до сих пор называют именем Шевченко... И опять встал вопрос: тот ли это остров, на котором погиб легендарный «генерал», или какой-то другой?

Тем не менее, первоначально мы предполагали взять направление на остров Плита. Расположен он примерно в пятидесяти километрах к северу от поселка Новоберезовка, практически на стыке с Вагайским районом. А если половину пути — по лесным поселкам, а потом столько же по болоту?

В Новоберезовке нас ждал сюрприз в лице старейшего местного жителя, охотника Степана Ефимовича Вилюка. Во-первых, Степан Ефимович хотя и родился в 1928 году и, следовательно, никак не мог быть свидетелем событий 21-го года, оказался хорошо осведомлен о них. Настолько, что подробно рассказал, какие отряды красноармейцев и с какой стороны окружали повстанцев, кто из красных командиров первым ворвался на остров, где и как был ранен Шевченко, и как везли его хоронить в родной Кусеряк: тело везли на подводе, и те, кто посмелее, подходили и смотрели на мертвого «генерала».

Если учесть, что архивные документы, подтверждающие эти слова, Степану Ефимовичу не могли быть известны, то остается только удивляться его осведомленности и памяти. Интересно, что отец нашего собеседника — Ефим Вилюк — был первым председателем колхоза в Новоберезовске, его именем даже названа сельская улица. Лояльность к Советской власти не мешала ему, однако, в двадцатом прятать хлеб от продразверстки.

Главное наше открытие состояло в том, что Степан, исходивший вдоль и поперек местные леса и болота, с точностью до сантиметра показал на карте, где находится остров Шевченко: на северо-восток, в двадцати восьми километрах от Новоберезовки. И погиб отряд повстанцев именно здесь.

Рядом расположены еще два острова, которые в народе до сих пор называют Бандитскими. Я

говорю — в народе, потому что на карте, которую мы показали охотнику, никаких названий нет. Вот поэтом, наверное, и путались в своих донесениях красные командиры.

Мечта Надежды Леонидовны найти пулемет оказалась невыполнимой. Дело в том, что в советские времена леспромхозы на этих островах пилили лес. Так что если там что-то и было, то давно уже найдено. А вот отыскать могилы повстанцев — вполне реально. Тех, кто погиб на болотах 25 августа 1921 года, закопали на месте. И захоронения эти, судя по всему, сохранились. Во всяком случае, Степан Ефимович говорит, что, проезжая по границе острова на лошади, видел три длинных, явно искусственных холмика, похожих на осевшие могилы. Лучше бы он этого не говорил. Теперь Проскурякова сама костями ляжет, но на остров Шевченко попадет. Тем более, что глава администрации Аромашевского района Петр Иванович Николаец обещал помочь с транспортом — из двадцати восьми километров добрую половину нужно преодолевать по болоту.

Из давнего беспамятства глухого

Да не обидятся на меня жители сел, которые нам пришлось проехать, но большего беспамятства я в своей жизни еще не видела. И это в деревне! Где всех родственников всегда знали до седьмого колена! Где всегда было известно, кто у кого ночевал и кто у кого накануне самогонку пил!

Разыскав родственников легендарного генерала Шевченко, мы рассчитывали узнать какие-то подробности из его жизни. Где там! Впервые Надежда Проскурякова побывала в деревне Кротово у внучки Петра Семеновича еще несколько лет назад. Чуть-чуть не застав живых его дочь Капитолину. Тогда Нина Тихоновна даже разговаривать с музейщиками отказалась. В нынешний приезд она была более приветлива. Но — увы! — не смогла сообщить нам ничего нового. Более того, она вообще ничего не знала про своего деда, кроме того, что он был бандитом и воевал с красными.

«Знать бы, что понадобится, — только и вздыхала Нина Тихоновна, — так спрашивали бы, запоминали. Мама-то, пока жива была, много рассказывала, да мы не слушали, не интересно было!»

Точно так же наши вопросы повергли в состояние растерянности и ее сестру — Надежду Тихоновну. А ведь несколько лет перед смертью Капитолина Петровна Шеповалова, в девичестве Шевченко, прожила именно в доме у Надежды и, по ее собственным словам, часто вспоминала об отце и плакала.

Мама, думается, рассказывать начала только тогда, когда безопасно об этом вспоминать стало. А, точнее, незадолго до смерти. Раньше, в советские времена, вряд ли часто вспоминала о том, кем был ее отец. Но почему дочери не слушали?! В семьях у сестер не сохранилось ни одной фотографии, ни одной вещи, принадлежавшей матери! Нет, вру. Удалось разыскать старую прялку, которой много

лет пользовались мать и бабушка сестер, и даже получить ее в дар для музея. Поразительно и то, что и Нина Тихоновна, и Надежда Тихоновна не могли даже вспомнить, как звали их бабушку, жену Петра Семеновича Шевченко! Если Надежда родилась уже после смерти бабки, то ее незнание еще можно понять, но Нина Тихоновна старше сестры на десять лет! Она жила с бабушкой в одном домишке! И забыла, как ее звали... Уму непостижимо!

После долгих расспросов жителей села Большие Кусеряки нам все-таки удалось выяснить, что жену командира повстанцев предположительно звали Устинья. Она прожила нелегкую жизнь. В 21-м, потеряв мужа, осталась с двумя детьми и с клеймом бандитской жены. В середине тридцатых был арестован «за вредительство» младший сын — Василий. Осудили на пять лет лагерей. Ему не было и шестнадцати. Он так и сгинул где-то в лагерях. А может, отсидев, не стал возвращаться в родную деревню, туда, где ему никогда бы не простили родство с повстанческим «генералом». Может, погиб на войне. А может, умер в чужом краю, так и не дав матери весточки о себе. Жена Шевченко умерла году в пятьдесят девятом, дожив до глубокой старости.

Дочь Капитолина родила шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей, тех самых, что забыли имена своих деда и бабки. Они так и жили большой семьей в маленьком домишке, больше напоминавшем сараюшку, на окраине деревни, пока домик не снесли, а дети не разъехались кто куда.

Вместо послесловия

Остатки первого повстанческого полка Народной армии были уничтожены в декабре 1921 года. Всего во время восстания погибло, по приблизительным данным, около ста тысяч человек — восставших крестьян, а также коммунаров, коммунистов и других сторонников Советской власти. Соотношение убитых повстанцев с павшими красноармейцами составляло пятнадцать к одному.

В 2001 году к 80-летию крестьянского восстания в Ишиме был установлен памятник знак «Землякам — жертвам трагических событий 21-го года». Это памятник всем — и повстанцам, и коммунарам. Они равны перед историей.

БОБРОВА А.А., авт. воспоминаний.

Уч. в сб. «Воспоминания о М.И.Калинине». — Калинин, 1957. С.26-27; «Рассказы о Калинине: Сб. воспоминаний». — М., 1972. С.5-6; «Калинин и Верхневолжье». М., 1975. С. 180-181.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2661, 2663; Т.5. Ч.2. Ук. им.

БОБРОВА Александра Ивановна, автор популярных книжек.

Массажистка. Авт. кн. об электризационном массаже (М., 1913); сотр. в журн. «Ребус» 1900-х гг. (А. и Б.)

Масанов; Венгеров. Источ.

БОБРОВА Е.И., авт. воспоминаний.

Сельская учительница. Воспоминания учительницы, участницы Мултанского восстания крестьян в 1906 г. — В кн.: «Рабочие и крестьяне Вотобласти в революции 1905 г.» — Ижевск, 1925. С.81-86.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3240.

БОБРОВНИКОВА Софья Васильевна (урожд. Чичерина; 1868 — ?), журналистка.

Сестра советского дипломата Г.В.Чичерина. Этнограф, авт. работ по этнографии (подпись Чичерина, С.). «У приволжских инородцев». СПб., 1905 (Рец. в «Вестн. Евр.», 1907 № 11 — обложка); «Положение просвящения о приволжских инородцев», СПб., 1906; «Как началось дело просвещения восточных инородцев», СПб., 1907; «О языке преподавания в школах для восточных инородцев», СПб., 1910 и др.

Масанов; Венгеров. Источ.

БОБРОВСКАЯ С.Л., авт. статей по педагогике.

«По поводу статьи графа Л.Толстого «О народном образовании». — «Народная школа», 1875. № 2 (написана в Белгороде); «Сущность системы Фребеля и применение ее в некоторых детских садах Германии (Из путевых записок)». М., 1872 — отзыв в кн. А.Е.Флерова «Указ. кн. по вопр. воспит. и обучения». Вып. 11. С.20-21; «Руководство по выкалыванию и вышиванию». М., 1873; «Из жизни детей в деревне». М., 1876; «Рассказы моим детям». Б. убежденная защитница детских садов, но тем не менее относится к ним объективно, находя многое неприменимым к складу русской семьи. В «Руковод. по выкалыванию» Б. того мнения, что дело воспитателя — навести ребенка на путь самостоятельной изобретательности.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БОБРОВСКАЯ (ЗЕЛИКСОН) Цецилия Самойловна (1876 — 1960), авт. воспоминаний.

Член РСДРП, большевичка, вполс. советский партийный деятель. «Записки рядового подпольщика (1894-1914). — 2-е изд. М., 1924; «Записки подпольщика» (1894-1917), М., 1957; «Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области, 1904-1910 гг.: Воспоминания и документы собр. и обраб. Ц.Зеликсон-Бобровской. — М.; Пг. 1923 (восп. самой Бобровской и др.). Воспоминания Б. вошли также в сб.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5-ти томах. — 2-е изд. М., 1979. Т.2.; «На баррикадах: (Из воспоминаний участников москов. дек. вооруж. восстания 1905 г.)» М., 1955. С.139-151; «Сокровища душевной красоты». М., 1984. С. 65-66 — о Н.Э.Баумане; «Дайте нам организацию революционеров...». М., 1987. Разд. 111. С. 606-611; «Навеки в памяти народной». Баку, 1984. С. 50-52 — о И.Т.Фиолетове; «Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке: (Из истории вологодской полит. ссылки, 1893-1914 гг.)». Архангельск, 1977. С. 76-78.

ИДРДВ. Т.4; Т.5. Ч.2 (указ. имен).

(Продолжение на стр. 57)

Последние из драконов

Молодой профессор археологии Майкл Уилер готовился к лекции. Сегодня он расскажет студентам о доисторических существах — динозаврах, вымерших миллионы лет назад. Многие из них были громадных размеров, их исполинские окаменевшие кости иногда находят при земляных работах. Имеются некоторые кости динозавров и в крошечном музее при кафедре археологии, которым он, Майкл Уилер, заведует. Пожалуй, надо взять на лекцию кость динозавра — подумал он, поглаживая шершавую поверхность окаменелости. Перед началом лекции надо расслабиться, он откинулся на спинку кресла. За окном студенты с криками гоняли мяч. Он не точно выразился: не гоняли — это в Европе гоняют и пинают его ногами — а бегали по полю, стараясь отнять мяч друг у друга. Майкл усмехнулся: давно ли и он играл в студенческой команде, так же бегал с мячом в руках к воротам, стараясь не отдать его другим игрокам. А сейчас он уже профессор, сам преподаёт молодым людям науку о древней жизни. Он погружился в воспоминания. Вся его жизнь как на ладони. Окончил престижное учебное заведение, защитил магистерскую диссертацию, был направлен сюда на исторический факультет университета, уже несколько лет читает лекции по археологии.

Летом Майкл с группой студентов обычно выезжал в пустынные места штата Аризона на раскопки костей динозавров. Приходилось перелопачивать тонны земли, кости попадали нечасто. Найденные окаменелости снабжали этикетками, закладывали в ящики со стружками, грузили на автомашины и отправляли в университет. На раскопках ничего неординарного не происходило. Кости были, как правило, от известных видов древних зверей. А так хотелось сделать большое открытие! Например, откопать до сих пор неизвестный вид динозавров, чтобы о нем, Майкле Уилере, заговорили на ученых форумах, чтобы его имя с уважением склоняли коллеги.

И случай неожиданно подвернулся! Сезон раскопок заканчивался, люди уже предвкушали возвращение домой, освежающий душ и вкусный обед в кругу семьи. Вдруг на очередном раскопе была най-

дена кость черепа крупной рептилии, по-видимому, тиранозавра, необычно темного цвета, будто она побывала в огне. Майкл внимательно рассматривал находку. Да, без сомнения, кость опалена пламенем. Таких обгорелых костей Майклу встречать не приходилось. Воображение заработало, как компьютер. Пожар? Нет, зверь от него ушел бы, а если не успел, обгорели бы ноги. Промелькнула дикая мысль: а если динозавр вступил в схватку с другим существом, которое обожгло его огнем? Мысль поразила и захватила мозг Майкла. Могло ли такое быть? А почему и нет! В эпосе многих народов богатыри сражаются с огнедышащими драконами. Откуда-то это взялось! Особенно преуспели в дракономании китайцы. Возможно, древняя китайская культура когда-то могла соприкоснуться с драконами. Ведь дыма без огня не бывает. Красочные фигуры драконов у китайцев — неперенный атрибут народных танцев и представлений, в небо запускаются воздушные змеи в виде причудливых драконов. Кстати, соседи китайцев — русские, в фольклоре тоже не прошли мимо драконов. В русских народных сказках богатыри часто сражаются со злыми огнедышащими драконами. Вера в драконов утвердилась в умах некоторых народов настолько, что желаемое они принимают за действительное. Кто не знает про страшное чудовище — комодского варана! А местные жители считали его драконом, изрыгающим пламя. За пламя принимали ярко желтый длинный язык, который варан то и дело выкидывает изо рта, как бы ощупывая пространство. А в районах Севера, где драконы из-за холодов жить не могли, в народном эпосе нет упоминания о них, в то время как о вымерших зверях, которые когда-то жили на севере, сказания имеются. Так, в мансийском эпосе рассказывается о подземном быке Мухоре, который подрыгает мансийские селения, которые обрушиваются в воду. Речь, безусловно, о мамонте, клыки которого находили в обрывах речных берегов.

Использование животными некоторых физических явлений известно. Маленький светлячок светится за счет химических реакций, протекающих в его крохотном тельце. Рыба электрический скат

АВТОР Николай Чесноков — кандидат биологических наук, живет в городе Дубна. Он — автор многих очерков, эссе (в том числе и для детей), публиковался в московской периодике и в «Уральском следопыте». В жанре биологической фантастики выступает впервые. Сейчас нашему автору уже за 80.

обладает аккумулятором, разряжая который, подвергает свою добычу шоку. Задолго до изобретения людьми локатора дельфины и летучие мыши использовали принцип эхолокации для обнаружения пищевых объектов. А вот животных, обладающих свойством огнемета, в современном мире нет. Но в прошлом они вполне могли быть!

Мысль об огнедышащих драконах целиком захватила Майкла, стала идеей-фикс. Он ее высказывал при каждом удобном случае, отстаивал с таким упорством, что коллеги за его спиной крутили пальцем у виска. Кроме обгорелой кости, никаких доказательств не было.

Иштван Секеши, венгерский коллега Майкла, его хороший друг, с которым они часто встречались на научных семинарах и совещаниях, знал о захватившей друга идее и старался ему всячески помочь. Он-то и сообщил Майклу о загадочном случае находки костей двух небольших динозавров в пещере недалеко от его города, где он преподавал в местном колледже. Это было, конечно, интересно, но не это было главным в письме Иштвана. Загадка заключалась в том, что кости рептилий были обожжены, а рядом находились обгоревшие скелеты современных людей. Кости найденных зверей были перевезены в местный музей. Иштван описал их, как новую разновидность двуногих динозавров.

Получив письмо Иштвана, Майкл немедленно вылетел в Венгрию. Кто знает, может, находка Иштвана даст доказательства существования огненных

драконов. В доме Иштвана за рюмкой сливовицы друзья обсуждали находку. Сошлись на том, что надо посетить пещеру, возможно, это поможет найти разгадку находки. На следующий день в сопровождении проводника отправились в горы. К пещере вела только пешеходная тропка, к тому же она оказалась на порядочном расстоянии, подъем к ней занял полдня. Путники хотя и приутомились, но шли без отдыха, пока не увидели вход в небольшое отверстие в обрыве горы. Майкл осмотрелся кругом и заинтересовался:

— Иштван, кто и как нашел эту дорогу?

— Местность здесь людная, ходят группы туристов, пастухи пасут по склонам гор скот. Вот они и обнаружили лаз.

— Странно, что раньше про него никто не знал.

— Он был завален обвалом, никто о нем и не догадывался. С потеплением климата стали бурно таять снега в горах, потоки подмыли завал, обнаружился узкий лаз. Пастухи его расширили и проникли в пещеру.

Майкл и Иштван пролезли в углубление горы. Там пахло сыростью, стены были влажные, в дальнем конце пещеры — небольшое озерко. Майкл осмотрелся. Как лежали кости, теперь не установить, подумал он, а это могло бы прояснить, что здесь произошло. Как бы догадавшись о его мрачных мыслях, Иштван сообщил:

— Я составил план, отметил, как располагались кости рептилий и людей. Чертеж у меня дома.

Майкл обошел пещеру по внутреннему периметру. Поверхность глинистых стен была кое-где исцарапана когтями. Промелькнула мысль, кто их скреб когтями и зачем?

Дома Иштван показал план пещеры и прокомментировал его:

— Один зверь располагался в дальнем конце пещеры, кости его грудой лежали у озера. Кости второго разбросаны у входа в пещеру в радиусе нескольких метров. А человеческие кости были навалены кучей в середине пещеры. Если это поможет твоей идее, буду рад, — добавил Иштван.

В местном музее Майкл тщательно осмотрел найденные в пещере кости динозавров. Несомненно, они побывали в пламени. Под лупой хорошо просматривались следы обугливания. Кости древних рептилий (и это тоже загадка!) не были окаменевшими, они выглядели так же свежо, как кости обгоревших людей. Непонятно! И совсем необъяснимо нахождение в пещере сгоревших людей. С динозаврами человека разделяют миллионы лет, он не мог быть с ними вместе. Если даже динозавры были драконами, умевшими метать пламя, при чем тут сгоревшие люди? Ум Майкла отказывался что-либо понять. Лицо его выражало величайшее недоумение. В гостинице Майкл долго не мог заснуть, раздумывая над неразрешимой загадкой совместного сгорания древних рептилий и современных людей. Только далеко за полночь он впал в глубокий сон.

...В горной пещере на одном из отрогов Карпат поселилась пара летающих драконов — Драк и Драу. Летающие огнедышащие драконы — ветвь, отделившаяся от динозавров и пережившая их благодаря экстраординарному свойству, приобретенному за века эволюции — способности извергать изо рта пламя. Это свойство, давшее им большое преимущество перед другими животными в борьбе за существование, помогло уцелеть, когда динозавры давно вымерли. Они пережили и влажную духоту мезозойской эры, и холод великого обледенения, и потепления между наступлениями ледников. Изменения климата понуждали драконов улетать от похолоданий и возвращаться с потеплениями. Кое-где драконы уцелели до средневековья, в частности, в Карпатах. Драк и Драу облюбовали найденную в Карпатах пещеру, которую они обнаружили случайно, прилетев в эти горы после долгих скитаний по белу свету. Пещера располагалась под крутым обрывом горы, и ее действительно трудно обнаружить.

Вход в нее почти незаметен, он скрыт нависшими корнями кустарников. Драк и Драу не помнили, когда и откуда они попали в этот район. Пещера им понравилась. В ней было достаточно тепло зимой, когда снаружи замерзала вода и выпадал снег. Но, главное, на нее никто не претендовал. Ее не посещали другие обитатели гор: лисы, волки, кабаны и олени. Возможно, они чувствовали запах драконов и благоразумно не приближались к пещере. Плохо было то, что в горах появились двуногие существа — люди. Целым стадом они жили у подножья гор на берегу реки в деревянных жилищах. Эти двуногие твари мешали драконам, они преследовали диких зверей, которыми питались крылатые рептилии. Зверей стало меньше, часть их ушла дальше в горы. Правда, на горных лугах появилось стадо диких животных, которое почему-то сопровождал человек. Драк не ведал, что этих животных называют овцами и что люди специально разводят их для мяса и меха. Он считал овец такими же объектами охоты, как кабаны и олени. Охотиться на овец было просто. При нападении они сбивались в кучу и не убегали, выбирай любую. Мясо овец было нежным и жирным: Драк уже не раз утаскивал овцу, когда рядом не было пастуха.

Когда голод давал себя знать, Драк вылетал на поиски добычи, а Драу ждала его, предвкушая насытиться свежим мясом. Вот и сейчас она с тревогой выглянула из пещеры. Драку пора было возвратиться с добычей, время охоты кончилось, наступал рассвет. При свете дня его могут увидеть люди, а раскрывать им свое присутствие было делом опасным. Наконец Драк прилетел, и Драу успокоилась. Он принес в когтях жирного барана. Разрывая когтями тушу, они быстро набили желудки мясом. Баран был крупным, его за один раз даже не съели. Можно отдыхать несколько дней. Животные отползли в глубь пещеры и впали в дремоту.

Драконы дремали в темной глубине пещеры, время от времени перекликаясь негромкими звуками — то ли хрипом, то ли шипеньем — нечто вроде «х-д-р-к-у». Несмотря на долгую эволюцию, разъединившую динозавров и драконов, последние были хладнокровными существами. Это означало, что температура их тела не отличается от температуры окружающего воздуха. Поэтому в зимнее время драконы находились в дремотном состоянии. А с наступлением оттепели они выползали из пещеры и часами грелись на солнце, впитывая кожей жизненно солнечное тепло. Драконы, как все пресмыкающиеся, откладывали яйца в теплый песок, чтобы они инкубировались в нем до выведения дракончиков. Драк и Драу были половозрелыми особями. Драу ежегодно откладывала яйца в песок, он в изобилии имелся тут же около пещеры, но все попытки получить потомство к успеху не приводили. Те откладываемые несколько яиц, обычно меньше десятка, или пожирались дикими свиньями, или застывали от случающихся ночных заморозков.

Инстинкт охранять кладку у драконов отсутствовал, и яйца, как правило, не сохранялись до вылупления потомства. Вполне вероятно, что из-за этого драконы исчезли. Самка крокодила, например, строго охраняет свое потомство, вот крокодилы и благоденствуют, им не грозит вымирание.

Период сытой дремоты, перемежающийся перерывами для поглощения остатков барана, закончился, и голод заставил Драка вылететь на поиски пищи. Дождавшись сумерек, он облетел окрестности, но никакой дичи не встретил и направил крылья туда, где паслись овцы. Хотя полет к отаре был небезопасным, там могли оказаться люди, но голод пересилил осторожность, и Драк полетел к овечьему стаду.

Пастух Ионка, местный крестьянин среднего возраста, приходил к овцам не каждый день из селения, хозяин деревни турок Исмаил-бей разрешал это. Вожак отары, опытный старый козел, каждый вечер приводил стадо к пастушьему стану, где стояла хижина пастуха и был сделан загон с крышей на случай дождя и нападения волков. Сегодня Ионка был здесь, пришел присмотреть за господской отарой, проверить, все ли было в порядке. Он намерился переночевать в стане, в деревню идти было поздно. Ионка сидел у хижины, подбрасывая хворост в костерок, где стоял на камешках глиняный горшок для чая. Драк появился в небе, когда вода в горшке стала закипать, а нехитрая деревенская снедь: хлеб, овечий сыр, луковица были разложены на тряпице. Ионка оторопел. Он вскочил, замахал руками, закричал:

— Сгинь, нечистая сила, исчезни, сатана! — и перекрестился несколько раз, ведь крест избавляет от дьявола.

Но дьявол не исчез, он своими когтистыми лапами схватил овцу, она истошно взблеяла и забилась в предсмертных конвульсиях.

— Ах ты нечистый! — вскричал Ионка, схватил свой пастушеский посох, лежавший рядом, размахнулся им, чтобы запустить в крылатое чудовище. Драк повернул голову в сторону Ионки, разверз пасть и выдохнул в него струей пламени. Ионка прикрыл лицо рукой, его шапка, свитка и домотканые штаны загорелись. Обожженный, он бросился прочь с истошным криком «а-а-а». Он не видел, как улетел дьявол с овцой. Отбежав от овчарни, сбросил шапку и свитку, повалился по траве, чтобы затушить одежду, и без оглядки пустился вниз по склону до деревни, не разбирая дороги. Его появление в расхристанном виде и крики «Дьявол! Дьявол!» вызвали переполох. Его сбивчивый рассказ о прилетевшем дьяволе в купе с обожженными руками и лицом, тлеющая одежда убедили селян, что нечистая сила рядом и не боится крестного знамения. Страх и ужас накрыл деревню. Ожоги, полученные Ионкой от пламени дьявола, залечить не удалось, через несколько дней он умер.

По-иному отнесся к разбою дракона Исмаил-бей, владелец этой деревни, пожалованной ему Великим Султаном за храбрость в сражениях во

славу Аллаха. Его не напугал рассказ Ионки об огнедышащем дьяволе, но возмутило похищение принадлежащих ему овец, которое нужно немедленно прекратить. Пусть они, холопы-христиане, боятся нечистой силы, а ему, Исмаил-бею, правоверному мусльману, никакой враг не страшен. Он вызвал начальника стражи, приказал послать в горы пять самых храбрых янычар, чтобы отыскать и убить летающее чудовище. Старосте деревни распорядился, чтобы перегнали овец в другую долину. Воинов для похода вооружили пиками, луками и ятаганами, и селяне проводили их с сочувствующими взглядами, жены и невесты — плачем. Исмаил-бей не сомневался в победе своего маленького отряда. Турецкое воинство всегда побеждало неверных, оно низвергло Византию и захватило за Босфором обширные земли, включая Карпаты. Никто не устоит против турецких пик и ятаганов. За неделю воины должны найти и убить врага. Он, Исмаил-бей, через неделю хочет увидеть лежащую перед ним голову летающего чудовища.

А драконы в пещере не догадывались о грозящем им визите людей, одного из которых пришлось отпугнуть пламенем, чтобы не мешал охоте. Драконы не догадывались, что им придется сражаться с людьми не на жизнь, а на смерть. Драк разорвал овцу на части, и вместе с Драу драконы стали глотать куски мяса. Насытившись, они, как обычно, отползли в глубь пещеры. Теперь в течение нескольких дней оба будут предаваться сытой дремоте. Драк съел мяса гораздо больше Драу, ведь ему нужно восстановить энергию, затраченную на полет, и восполнить запасы

горючего, истраченного для отпугивания пастуха. Особенно много энергии требовало пополнение горючего, а им был водород, который производился в организме от весьма энергоёмкой реакции разложения воды. Водород скапливался в специальной полости, которая при максимальном наполнении занимала порядочный объем, что уменьшало удельный вес массы дракона в 3–5 раз, благодаря чему драконы могли летать при относительно малом размере крыльев. Водородная емкость соединялась непосредственно с ротовой полостью и имела там плотный затвор. Воспламенение газа производилось с помощью сильного катализатора — платины, входившей в состав верхнего слоя ротовой полости и зубов. Для пополнения запасов платины драконы должны поедать платиносодержащие руды. Это еще одно ограничение для драконов — они могли жить лишь в местах, где встречаются платиновые руды. В пещере Драка и Драу в глине стен содержалась руда платины, и драконы время от времени царапали когтями стены пещеры и пожирали глину для пополнения запасов катализатора.

В минуту опасности дракон приоткрывал на мгновение водородный клапан, выходящий газ тут же воспламенялся, пламя выталкивалось наружу выдохом легочного воздуха. Во избежание повреждения огнем слизистой оболочки рта, его стенки и небо были выстланы пластинками огнеустойчивой ткани. Огнеметом драконы могли пользоваться кратковременно, включая его повторно лишь через некоторый интервал времени, чтобы не повредить ротовую полость и находящийся в нем запирающий водород клапан. Тем не менее это было грозное оружие, против которого не могли устоять даже крупные звери, например, тиранозавры. По-видимому, найденная в Аризоне обожженная кость динозавра как раз свидетельствует о таком сражении.

В то время, когда сытые Драк и Драу дремали в своей пещере, посланцы Исмаил-бея разыскивали дракона в окружающих горах. Они проверяли каждую расщелину, каждую пещеру. Рассчитывали найти дракона, но в установленный срок не уложились. Лишь через полмесяца поисков обнаружили пещеру, где жили драконы. На это указывали и когтистые следы у входа, и разбросанные вокруг кости животных. Воины подошли к пещере уже в сумерках, когда Драк улетел добывать пищу. Пробираясь, люди вглядывались в темноту. До слуха донеслось какое-то шипение, а когда глаза привыкли к темноте, пришельцы увидели чудовище размером в человеческий рост, с безобразной головой и крупными выпуклыми глазами. Зубастый рот чудовища издавал шипяще-хрипящие звуки. Передние и задние лапы с устрашающими когтями, длинный хвост хлестал из стороны в сторону. В чудовище полетели пики и стрелы, которые прикончили его раньше, чем оно успело выпустить пламя.

Вход в пещеру выделялся изнутри светлым пятном, которое рассеивало мрак пещеры. Вдруг светлое

пятно исчезло и наступила полная темнота. Это Драк вползал в пещеру, заслонив собой проникавший снаружи свет. Он прилетел пустым. Овец в кошаре не оказалось, их угнали давно, выветрился даже их запах. Искать отару в темноте не имело смысла, и дракон вернулся в пещеру не солоно хлебавши.

Наступил последний акт трагедии.

Драк загоразживал выход из пещеры, людям отступать было некуда. И нужного оружия — пик у них уже не было. Они пытались натянуть луки, но не успели: дракон выпустил струю огня, который охватил всех пятерых. Лица и руки у них были обожжены, одежда загорелась. Людям было уже не до сражения с драконом, а тот повторил огнеметание еще раз, причем выброс огня продлил, по-видимому, дольше, чем допускалось. В результате его рот охватило пламя, запирающий клапан был поврежден. Водород в полости тела взорвался, разворотив дракона, разбросав его части по пещере. Взрыв в закрытом пространстве пещеры повлек обвал, который замуравовал вход в пещеру.

Исмаил-бей и его крестьяне напрасно ждали возвращения воинов. Они пропали, но исчезли и драконы. Возможно, это были последние огнедышащие драконы не только в Карпатах, но в мире...

От грохота взрыва в пещере Майкл проснулся. Он стал вспоминать, что видел во сне. Сон во многом объяснил то, до чего Майкл еще не додумался. Недаром же говорят, что иногда сон помогает бодрствующему уму. Известно, например, что периодическая система предстала Менделееву во сне. Не было ли и в данном случае ситуации, когда сон помог разрешить абсолютно неизвестную проблему? Майкл стал думать, как это проверить, и вспомнил о несчастной судьбе Ионки. Может, о нем осталась какая-то память? Майкл позвонил Иштвану и попросил его организовать опрос жителей ближайшей к драконовой пещере деревни, не помнил ли кто из них о чрезвычайных событиях, происшедших столетия назад.

Майкл распрощался с другом и отправился в аэропорт. Путь предстоял немалый: перелет через всю Европу и Атлантику до Нью-Йорка, там посадка на внутреннюю линию и еще несколько часов до Туксона — столицы штата Аризона, где он жил и работал. Вот это будет сенсация — доказательства о недавнем существовании драконов!

Через несколько дней по электронной почте пришло сообщение от Иштвана: в деревне нашелся древний старик, который помнил о семейном предании, будто его предка дьявол обжег огнем, отчего тот умер. Невероятно! Чудеса, да и только! — ликовал Майкл. Выходит, сон разума рождает не только чудовищ, как утверждает один известный художник, но и помогает воссоздать неизвестное прошлое.

Майкл продолжил пропагандировать идею существования огнедышащих драконов, но с этим ученые не соглашаются, дескать, слишком мало доказательств.

Время покажет, прав Майкл или нет.

Ирина ПАШНИНА, фото автора

Кын-завод

Одна из красивейших рек Урала, Чусовая, стала первой русской дорогой в Зауралье и Сибирь еще во времена Ивана Грозного. Эта уникальная река берет начало в Азии, на восточных склонах Уральских гор, перелезает хребты по «пропиленным» ею самой ущельям и впадает в Каму уже в Европе. Наибольшее значение в качестве транспортной артерии Чусовая приобрела во время активного развития на Урале металлургических производств в XVII–XVIII вв. В это время на Чусовой сформировалась мощная инфраструктура, предназначенная для перевозки грузов: на специальных верфях строили сплавные суда (барки и др.), на пристанях их загружали и отправляли вниз по течению. Одним из наиболее сохранившихся уголков, помнящих о горнозаводской и сплавной работе, является комплекс завода и пристани в селе Кын Лысьвенского района Пермской области. Существуют два поселка Кын: первый возник при железодельном заводе Н. Строганова, построенном в 1760 г. в месте впадения небольшой реки Кын в Чусовую, второй (в настоящее время более крупный) сформировался в первой половине XX века при железнодорожной станции Кын в 14 км от своего старшего собрата. Старый Кын в устье одноименной речки, о котором, собственно, и идет рассказ, называют Кын-завод.

Л.Е. Воеводин, живший здесь во второй половине XIX века, писал: «На приезжающих Кыновский завод производит неприятное впечатление. Он расположен в ущелье, наполовину заполненном заводским прудом, впадающим в реку Чусовую. По берегам пруда тянутся

грязные улицы-односторонки, с прокоптившимися от заводского дыма домишками, часто приткнувшимися к самой горе». Д.Н. Мамин-Сибиряк также не слишком лестно отзывался о Кыне: «В Среднем Урале немного найдется таких уголков, которые могли бы соперничать с Кыном относительно дикости и угрюмого вида окрестностей». Однако в настоящее время Кын представляет собой живописную деревушку, которая рассыпала свои домики по склонам невысоких гор. Возможно, благоприятное впечатление связано с тем, что мне удалось посетить поселок в солнечный летний день.

Во время существования завода речка Кын была запружена, поселок располагался на берегах пруда, здесь же, на берегу, строили барки. В настоящее время пруд спущен, и дома стоят на месте его котловины. Помимо основной, заводской или нижней, плотины, в версте выше по течению существовала еще Григорьевская плотина с доменной печью при ней, а в восьми верстах – запасной пруд, называемый Верхней плотинкой. В черте поселка Кын сохранились остатки нижней плотины, вода, бежавшая сквозь нее, давала энергию для металлургического производства. Рядом с плотинкой

находятся руины железодельного завода, а напротив них — два старинных амбара, где хранилась заводская продукция перед погрузкой на сплавные суда для транспортировки. Амбары выглядят еще довольно крепкими и вполне способны выполнять свое прямое назначение.

На берегу Чусовой в черте поселка находятся остатки Кыновской пристани, представляющие собой стену, сложенную из шести рядов массивных каменных блоков. Между собой блоки скреплены металлическими скобами. Во время весеннего сплава возле пристани причаливали и загружались

барки. Летом, при низком уровне воды в Чусовой, пристань находится в нескольких метрах от воды.

Помимо завода и пристани, в Кыне есть исторические памятники более позднего периода. Один из них — Свято-Троицкая церковь, построенная в 1861—1864 гг. в честь отмены крепостного права. Сейчас храм в запустении, его купола обрушились, и только местные козы и заезжие туристы сюда заглядывают. Тем не менее, на стенах еще сохранились остатки фресок, свидетельствующие о былом великолепии. Во время гражданской войны, когда за Кын шли ожесточенные бои, красные вели с колокольни Свято-Троицкой церкви пулеметный обстрел.

Еще Мамин-Сибиряк замечал, что на Строгановских заводах, в том числе и на Кыновском, «рабочим живется сравнительно сносно». По свидетельству Л.Е. Воеводина, в Кыне в числе первых на Урале (во второй половине XIX века) были открыты «общественные собрания», функционировал театр более чем на сто мест, был учрежден «домашний суд» по образцу третейского для урегулирования отношений заводоуправления и служащих, на заводе создано акционерное общество, разработан пенсионный устав, который хотя и не был утвержден, но потом был использован в работе Пермского губернского земства. Еще один любопытный исторический объект, относящийся к этому же времени, — здание кооперативной лавки, принадлежавшей первому на Урале потребительскому обществу. Традиционно считается, что это общество было создано в 1864 г., и организатором общества был уже упоминавшийся выше кыновский учитель Л.Е. Воево-

дин. Эта дата указана и в литературных источниках, и на мемориальной табличке, находящейся на здании лавки. Однако, согласно воспоминаниям самого Л.Е. Воеводина, опубликованным в 1914 г. в Трудах пермской губернской Ученой Комиссии, он приехал в Кын в декабре 1867 г., а «общественная торговля»

Камень Печка

началась в 1868 г. Официальное открытие потребительского общества и принятие устава состоялось в 1870 г. Некоторая неразбериха в датах, разумеется, не умаляет значения этого исторического факта, поскольку, как отмечали в 1903 г. члены правления Кыновского потребительского общества, оно было первое на Урале и «чуть ли не одно из первых в России». Нужно отметить, что торговля в лавке была весьма успешна, так как цены там были значительно ниже, чем в соседних купеческих лавках. Это даже послужило причиной навета на Л.Е. Воеводина со стороны купцов, которым он «сделал конкуренцию».

Кын замечателен не только своей историей, но и природными красотами. В непосредственной близости от поселка на Чусовой находятся несколько скал-бойцов. Бойцами называли скалы, представлявшие значительную опасность для сплавных судов в силу особенностей течения реки возле них. Более «дружелюбные» к бурлакам скалы обычно назывались «камнями». Выше по течению от поселка стоит живописный боец Печка, про который Мамин-Сибиряк писал: «Свое название этот боец получил от глубокой пещеры...; бурлаки нашли, что эта пещера походит на цело (чело) печки, и окрестили боец Печкой». Эта скала была очень опасна для барок, однако следующий за ней боец Высокий Камень (в настоящее время более известен как Великан) был еще опаснее. Великан тянется вдоль поворота реки более чем на 2 км и имеет высоту 120 метров. Это одна из самых красивых и величественных скал на Чусовой. После Великана перед Кыном бурлаков встречали бойцы Денежный и Воробей, а за поселком — боец Стеновой.

Благодаря обилию исторических объектов, Кын можно было бы превратить в музей-заповедник под открытым небом. Например, здание кооперативной лавки потребительского общества могло бы служить символом перехода России от феодализма к капитализму, к цивилизованной конкуренции. Увы, сейчас оно находится в плачевном состоянии, впрочем, как и другие исторические памятники (а также российская цивилизованная конкуренция). В Кыне заканчивается большинство туристических маршрутов по Чусовой, однако туристы редко уделяют должное внимание местным достопримечательностям, поскольку не имеют о них достаточной информации. В поселке функционирует только маленький краеведческий музей, организованный местными энтузиастами. Между тем, если не будут выделены деньги на реставрацию, то пройдет совсем немного времени и мы утратим этот уникальный памятник уральской истории.

Боец Стеновой

Рудольф КАШИН,
фото Евгения ТАМПЛОНА

Пещера в камне Слободском

О пещерах ходит много легенд. Вот одна из них. Будто в пещеру под церковью запустили кошку и собаку и будто они выскочили из пещеры в камне Егорьевском (Георгиевском). Еще говорят, что Ермак в этой пещере ночевал. Он же по Чусовой в Сибирь поднимался.

Старые люди сказывают, что давным-давно в сих местах обитал народ дикой, язычный. Всяко его называли: манси, вогулы, чусовские татарове. Вместо попов у них шаманы были. Церквей или часовен не было, а молились они в глухих местах, по-нашему — шайтанах. Там и шаманы жили. Один шаман жил на камне Синем (так раньше назывался камень Слободской), в одной из пещер. Их в камне несколько. И никто в те пещеры не ходил, страшась шаманского гнева. Был тот шаман особенный. Он не плясал у костра, не прыгал через огонь, не трясся и не выл, духов не призывал. Принимал он только людей с недугами. Немочного

вел с собой в пещеру. Там в подземном склепе, при свете факела, что-то нашептывал и обмазывал больного пещерной грязью. Какие еще таинства там вершились, неизвестно, только человек выходил оттуда на свет здоровым.

Пришли инородцы и изгнали местное племя. Исчез шаман-лекарь, а вместе с ним и лечебная тайна пещеры. Долгое время о ней шли слухи как о шайтанском логове, где обитает нечистая сила.

Христианские проповедники как-то узнали о чудотворном действии пещерной грязи. Над пещерой, на краю скалы, поставили часовню в честь Николая Чудотворца. Когда возник острог, а в нем построили церковь, то из храма к пещере в скале пробили ход. Острог часто осаждали иноверцы, которых утеснили наши предки. Осажденным при лечении ран и прочих заболеваний очень помогала грязь из пещеры. Когда деревянная церковь сгорела, то подземный ход то ли засыпало, то ли строители новой каменной церкви сами его засыпали. Байка о той пещерной грязи еще долго жила в среде церковных служек.

Борис ГАЛЯЗИМОВ,
иллюстрации Ольги ТРОФИМОВОЙ

Аэродром кочегара Лумпова

Красная идиллия

«Воронок» подкатил к хибаре Лумповых среди ночи, в самый разгар сна. Лумпов чуть позднее по-медвежьи долго ломал голову, пытаясь понять, как энкавэдешники умудрились отыскать его «родовое» имение. Жил он, простой, как царский пятак, работа Лумпов, на самом краю заштатного городка. Местечко это вроде не очень великое, однако густозаселённое, со времён царя Гороха именовали Сараями. Избёнки-халупки самостроевского пошиба, чаще всего с насыпными стенками, лезли одна на другую с той слепой решимостью, с какой то же самое по буйным вёснам вытворяет всякая земная живность. Лезли и, вроде бы утолив животную страсть, валились набок. Одним словом, сибирский «Шанхай», муравейник с прогорелыми горлами банных труб, с длинными, похожими на удилища колодезными журавлями и высоко над землёй вознесёнными дощаными коробками голубятен. Чёрт со стажем и тот переломал бы себе ходули. А тут ещё такая ночь — тьма на тьме и тьмой погоняет. Но вот такое чудесное дело: энкавэдешники Лумпова всё-таки откопали. Подобное обстоятельство он ничем другим объяснить не мог, кроме как их хорошим собачьим нюхом. У каждой собаки, короче говоря, своя ноздря.

Когда ночные гости забарабанили, Лумпов подневольным столбиком поднялся с железной своей кровати и, нестойко, пьяно ступая, добрался до двери. Всё ещё бедолага спал. Мысли были обрывочными, стоптанными, как кирзовые сапоги. Но когда до слуха Лумпова донеслось, что к нему припожаловали из склочной этой организации — из НКВД, в его голове вроде бы открылась форточка,

и мысль заработала, как настенные ходики: «Пошто оттуда-то?.. Где, на каком толковище я льна натеребил?..» Ему на какое-то мгновение даже показалось, что стук в дверь — порождение сна и нового стука не повторится.

Лумпов не открыл дверь. Одним махом надёрнул на ледяную ступню шерстяной чулок и начал скакать по прихожей в поисках второго, хотя можно было просто ходить, как это делают все нормальные граждане лучезарной Страны Советов. Однако тут есть одно «но». Появись, допустим, у твоего порога такое пугало, как НКВД, кто скажет, какой ты сотворишь вычур. Лумпов, к примеру, устроил из себя кузнечика.

За дверью напомнили о себе не так вежливо, как прежде. Лумпов, побоявшись, что его уличат в некоем лиходействе (пугач или обрез какой в подпечье прячет), поспешил избавить дверь от сторожа-щеколды. В прихожую вместе с пряным духом давно народившейся ночи ввалились двое. Один из пришлых, как ломовая лошадь, весь в сбруе — не было на нём только хомута, — снова сказал, что они из НКВД, и велел Лумпову немедленно собраться.

— Есть на то документ? — с глубоким знанием дела поинтересовался Лумпов. — Кто вы такие? По ночам здесь у нас, в Сараях, много законников всяких бродит.

Сказал он такое и удивился своей внезапной смелости и смыслёности: «А хорошую я им кочергу загнул! Пусть знают, если что не так, могу и стать в позу». Но Лумпову незамедлительно сунули под нос серенькую бумажку. Он в ней по случаю слабого света лампы-семилинейки ни шиша не разобрал,

АВТОР

Борису Галязимову сама госпожа судьба уготовила тернистый (если не сказать, жестокий) отрезок пути. Семь лет сталинского ГУЛАГа. Потеря многих родных (одни нашли успокоение на полях войны, другие — в бериевских застенках). Работать пошел рано — был и грузчиком, и шофером, и водолозом, и трактористом. Четыре года отдал военно-морскому флоту, где ходил на торпедных катерах. А потом — газета за газетой. В двух из них был главным редактором. Успел побывать в сорока странах. И каждая дорога дарила опыт, находивший отражение в повестях и рассказах. Вышло несколько книг прозы и поэзии. На стихи написаны песни. Одна из них стала народной... А еще Борис Галязимов получил почетный знак «Следопыт» и в 1972 году стал одним из первых лауреатов нашего журнала за серию краеведческих публикаций. Живет в Тюмени.

однако раз сунули, — согласился: право такое, чтоб его куда доставить, у товарищей из НКВД имеется.

И вот тут не выдержала, показала свой голос сама царица, Глафира Ефимовна. Где жена-баба набрала столько кислорода, — неизвестно. Но голос у неё получился длинным, будто летел к звёздам пугать и тамошних блюстителей.

В Лумпове сидела каменная вера, что жену ему послал сам Господь. Иногда ему казалось, что она сошла в эту серую, как рогожка, жизнь с залитой солнечным светом настенной картины. Где-то видел такую картину Лумпов, и Глафиру Ефимовну видел на ней: по лумповскому вкусу пышнотелая, — есть за что взяться, с огромной рыжей косой и напоёнными добрым, крестьянским теплом глазами, она к тому же была шустра и во всяком бабьем деле: в одной руке тряпка, в другой — веник, — одним словом, семь дыр на одном месте вертит, сама смотрит, где бы просверлить восьмью.

Жену Лумпов любил. Но любил крайне тихо, чтобы не развратить. Стычки у него, конечно, с Глафирой Ефимовной случались. Что за жизнь такая, если нет в ней ни сучка, ни задоринки? Как-никак, а они, Лумповы, прошли бок о бок три славных сталинских пятилетки. Так что стычки должны были иметь место. Однако случались они лишь в моменты явления Лумпова перед строгими жениными очами в крайне весёлом состоянии ума и сердца, то есть или после полочки, или тогда, когда он, мастеровой Лумпов, умудрялся состричь халтурку. Вот тогда его царица заводила в своей корчаге нудную тягомотину, а он лишь отбивался от неё готовой заготовкой: «Славной ты девкой у меня поначалу была, а теперь что-то стала шипеть, поднимать голову из осоки!» И уходил ночевать, как квартирант, в прохладную кладовую, потому что Глафира Ефимовна пьяного его в постели не терпела.

Сейчас жена полусидела на железной кровати, подняв к круглым, как плошки, глазам край жёсткого суконного одеяла. Выглядывала из-за его кромки, точно улитка. И когда она подала свой длинный, кого-то, может быть, доставший до печёнок голос, Лумпова она тем самым словно бы погладила по душе: выходит, он для неё не какая-то там фигня на постном масле. Жа-а-але-ет! И всё-таки, чтобы не выглядеть квашней, Лумпов напустил на себя положенную строгость.

— Ну и чего ты, краса божья, запела? Лидия Русланова, што ль? Ребянтю на ноги поставишь, и она тоже заведёт страдания, — получится омский хор!

И ещё сказал ей, жене, чтобы разведала окружающую политическую обстановку:

— Не на век, чай, меня уведат. Или ошибка какая, или товарищи из органа спросят об чём и вернут. Я человек мелкий и перед законом всегда чист.

— Долго не держим, — охотно согласился с ним туго затянутый в ремennую сбрую ночной пришелец.

— Ну вот! — как мог, обнадеживающе оповестил жену Лумпов и с отчаянной решимостью нырнул в могильную черноту ночи.

Небо над городом висело чёрное, хотя и было густо забросано битым стеклом звёзд. Срежь звёздного боя лежал узкий, как нож варнака, месяц. «Ворон» плыл, глубоко, с опаской опуская квадрат морды в частые выбоины, — казалось, обнюхивал опасные участки дороги-неудобицы. Лумпов сидел в железной будке с одним из товарищей. Второй, видать, был на лычку старше, а потому бубновым тузом восседал в кабине. Тот охранник, что тряся рядом с Лумповым возле грубо скребущейся дверки, был безгласным, как синовая чурка. Хотя, надо заметить, он и раньше в избе не сорил словами. Стоял, будто проглотил узду. Сейчас Лумпов решил его всё-таки растормошить. Сказал как можно бодрее:

— Люблю, земляк, когда под задом колёса крутятся! Давно на моторной коняге не ездил!

«Земляк» был непробиваем, — молчал. О таких упрямых Лумпов говорил: в оглобли не входят. Но всё-таки сделал новый лисий приступ:

— И куда это мы, друган, катим?

— Я тебе не друган! — неожиданно окрысился хмурый охранник. — Я тебе гражданин ефрейтор!

«Гражданин, да ещё ефрейтор! — чуть не всохотнул Лумпов. — Пень в погонах! Таких, как ты, граждан до Москвы кульком не переставишь!». И, запустив мысленный плевок в сторону мрачного соседа, начал снова копаться в своей памяти: за что бы такое к нему, Лумпову, могли прицепиться? Но чем дольше копался, тем больше и больше охватывало тревогой. Он где-то уже начинал понимать, что взяли его не ради какого-то детского баловства, — влип он в некую не совсем весёлую историю.

Хотя деньги Лумпов не рисовал, не печатал. И кассу вроде бы до сих пор не «рванул». Любая копейка проступала у него честным полтинником пота на загорбке. А работка была — горячей не сыщешь: вкалывал, чать, сменным кочегаром в котельной имени Ленина. Давал кипяток и вообще тепло в каменные, или, как их ещё называли, «жирные», дома. Аварий на его объекте — тыфу, тыфу! — пока не случалось. Артёмовский уголёк с товарного двора поступал без сбоев. Привозили его помногу, с запасом. Топку, как бабу, никогда не утолишь. Зато давление пара в котлах держалось «на марке». Так что по части работы прискрестись к Лумпову было невозможно. Разве только где не в жилу тяпнул. Сибирь болтливых не любит, но у Лумпова иногда вылетало. Очередями и без особой задержки. Чаще всего его рот был без завязок, когда Лумпов себя «минировал», то есть приобщал к сорокоградусной «зелёной злодейке». Всякого мусора тогда было полно в голове, и его временами выбрасывало наружу. Однако вся последняя неделя у Лумпова на удивление выдалась сухой. Даже губ не мочил Лумпов. Хотелось, конечно, но не было на то уважительной причины. Никто за семь дней не умер и не воскрес. И боковых рублей тоже не погодилось.

«Моча им в голову ударила!» — в конце-то концов подвёл итогу своим копаниям Лумпов, и взъерошенная его мысль понеслась по другому руслу.

«Воронок», порыскав паутиной сараевских улочек, выскребся на мощённую лобастым булыжником дорогу. Накоротке как бы передохнул. Прокашлялся, просморкался. И уже с весёлой лёгкостью устремил свои резиновые ноги к тому самому «месту», где высились «жирные» пятиэтажки.

Лумпов питал чувство брезгливости к этому каменистому, почти вавилонскому нагромождению, более того — остерегался его. Там была иная страна, и там царили иные законы. Там даже ночью было светлее, чем днём в Сараях. Дома здесь стояли тяжёлые (не делал их легче даже жёлтый цвет), с толстенными — не пробьёшь, наверное, и тараном — стенами. По утрам тут деловито топтались розовые, похожие на купцов дворники, чуть ли не языком вылизывали каждую щель, каждый закуток. По лестничным маршам иных подъездов куда-то вверх уносились кроваво-красные дорожки, и там же на нижних

площадках, за столиками, дремали блюстители, то есть милиционеры. За особой знатью и по городу волочилась охрана — крепкие, как капустные кочаны, Добрыни. По ночам от дум по куску хлеба здесь голова скрипела не у многих, — к иным подъездам всяк продукт доставляли на машине-развозке из засекреченных, или блатных, магазинов. Всё добро развешено, рассовано по бумажным пакетам: этот — Ивану Ивановичу, а этот — Ивану Романовичу. И день-деньской просиживали здесь на лавочках сдобные, заработавшие пенсию на каких-то лесоповалах бабули.. казалось, они только то и делали, что перемещались туда, куда в данный момент поильнее сдает жар солнца. А по вечерам в вельможных этих дворах фасонистые и холёные Клавы прогуливали наряженных в бархатные лапсердаки сопливых четвероногих кобельков, сочили из себя сахарные голосочки: «Тю-тю-тю...» Так и потягивало размахнуться и со всего плеча врезать!..

Лумпов был доволен тем, что жил в Сараях, — в счастливой своей убогости. Да и вообще был доволен, что обитал далеко от чужого, политого сладкой патокой городского осередка. Всё он в полотняной своей жизни нажил своим горбом. А здесь, он это внутренне чувствовал, расходы слишком далеко разъезжались с доходами.

Здание городского НКВД, куда притрясли Лумпова, тоже было массивным, — точно таким, какими были прилегающие к нему здания, но оно было выкрашено в напряжённо-тревожный серовато-грязный цвет. Когда-то это был купеческий особняк, потом в нём размещалась белогвардейская контрразведка, потом — женская тюрьма. По нижней его, подвальной, части пробежал целый ряд одинаковых крошечных окон, наполовину утонувших в земной тверди и забранных решётками — «бериевскими намордниками» — из рифлёных и грубо обработанных, с острыми заусеницами стальных прутьев. Тут же наверняка, по былой пешеходной дорожке, был проброшен в три свежие берёзовые доски тротуар. Рядом с ним тянулась тесовая стенка забора, на козырьке которого возлежала, корчилась, словно от боли, проволока-колючка. Спираль Бруно. По тротуару, прерывисто гремя цепью, бродила поджарая немецкая овчарка. И зимой, и летом возле угла здания топтался похожий на куклу часовой. Тесовый тамбур не только калечил внешний вид здания, он был бельмом города. Но это — на взгляд человека стороннего. Хозяева города, видимо, считали, что тюремная архитектура не столько безобразит, сколько красит.

Мрачное это здание старожилы называли убийцей, и о нём ходили страшные слухи. Их передавали друг другу с воровской оглядкой, с уха на ухо. Но то были слабые отголоски настоящей правды, ибо стены были толсты, из их объятий вырывались немногие, а сами энкавэдзюги о своём кровавом ремесле предпочитали не разглагольствовать. Немое сословие.

Почти рядом со служебным — по пропускам! — входом в здание находился спуск в подвал. С похожим на козырёк сказочного домика навесом, с угорело падающими вниз, в неизвестную темноту, деревянными, стёртыми подошвами ног ступенями. «Чёрный ворон» — шакал местных ночей, порывал по мёртвому городу и прихватив очередную жертву, тормозил у этого лаза в подвал, который ещё называли живодёрней.

Лумпова вытряхнули из машины как раз в этом окаянном месте. И сопровождавшего его охранника вроде бы сразу подменили. Напустив на себя великую грозу, он открыл на Лумпова такой рот, будто распахнул рукавицу:

— Руки за спину!.. Руки!..

Лумпова такой грубый, попирающий его гордыню приказ возмутил, но митинговать он не стал: чувствовал, если не подчинится, то может недосчитаться рёбер, а ни одного запасного ребра у него не было. Так что стоило ли травить собак?

По-азиатски грубо толкая в спину, Лумпова свели в узкий, как сеть для тараканов, коридор. Под сетчатым колпаком мерно сдаивала синий свет лампа. По обеим сторонам коридора шли обитые толстыми листами железа двери камер с грубыми выступами засовов и круглыми плашками, брошенными на «волчи глазки». Потаскивало мерзким духом параш, пота, махорочного табака и, кажется, вальерьянки. От устоявшейся мешанины запахов Лумпова начало подташнивать.

Где-то в конце коридора раздался сипящий, чахоточный кашель. И откуда-то оттуда же вытянуло протяжный, достающий до печёнок стон. В синем этом обморочном свете Лумпов увидел двух расхристаных, свитых из мускулов подвальных полководцев. Тащили они, взяв под плети рук, то ли полуживого, то ли уже готового человека. Во всяком случае, синие его в тревожном свете лампы и растрёпанные, как у водяного, волосы полоскались у самого пола, и ноги безвольно протаскивало по небрежно залитому, шершавому бетону.

— Вы что его тут... на обозрение выставили? — ужаленно заорал один из лихих «полководцев». Правило здесь такое водилось: узники не должны были встречаться лицом к лицу. И Лумпова коротким рывком вдёрнули в овальную выемку в стене, в которую каким-то чудом был втиснут ещё и закиданный окурками-«чинариками» и в белых — явно от чайных разводов — стол. Пальцы сопровождающего тут же побежали по лумповским икрам, по пояснице — по всему туловищу. Деревянные, они доставали аж до костей. Сунулись и туда, куда соваться вроде бы всегда стыдно...

— Вы меня никак покупать собираетесь? — Лумпов ещё пытался весь этот концерт свести к шутке. — Цыгане так коней выбирают.

Но уже с шумом сыпались на пол пуговицы, сорванные с пиджака и брюк. Издал короткий свист выхваченный из брючных петель сыромятный ре-

мень. Лумпов вцепился руками в ошкур, боясь, как бы брюки не соскользнули к коленям.

— Вы что, ребятки?! Я же их посею!..

Лумпова без слов уже знакомым рывком вернули в уже опустевший коридор и, как бездомного пса, толкнули в залитую сонным светом камеру. Душу наконец-то опажнуло ветерком свободы.

Он не сразу разглядел и вознесённую к сырому потолку, забранную двойной решёткой чёрную дыру окна, и притулившуюся в углу круглую с большими «ушами» парашу, и два жидких соломенных настила. На правом из них лежал, вытанув плоское тело, человек, одетый в синий в свете лампы китель и в не очень внятного цвета галифе. Руки у него были сложены на груди, — хоть вставляй между пальцев заупокойную свечку.

— Новенький, — то ли спросил человек, то ли сказал утвердительно и вяло повёл в сторону жилистый корень руки. — Тот лежак ваш. Располагайтесь.

— Они что, лучше ничего не придумали? — после некоторого раздумья, уже опускаясь на скудный наброс соломы, вновь стал куражиться Лумпов. — Топчаны не могли сбить!

— У вас, сударь, дворянские запросы, — сухо отозвался сосед. — Насколько я понимаю. Вы попали не в Сочи. И далеко не на две ночи.

— В Сочи — на две ночи! Но топчан-то они могли сбить! — продолжал роптать Лумпов. — Топчан скотлить — раз плюнуть!

— Какой разговор! — с полным безразличием ответил сосед и вдруг повёл разговор живее: — Они, кроме всего прочего, ещё и великие насмешники. Чувствуете, как дует? Вот я им и говорю: «Сквозняк! Застеклить бы надо!» — а они мне заявляют: «Вы опять клеветаете! Какой может быть сквозняк, если мы там у вас вставили вторую решётку!»

В иное бы время Лумпов, может, разразился громким смехом, но новая подвальная обстановка к смеху не располагала. И всё же хотелось выговориться, чтобы хоть этим облегчить душу да как-то перебежать остаток слишком затянувшейся ночи.

— Вы никак, премного меня извините, военный? — Лумпов принялся ощупывать полуслепыми глазами соседа. Под его синим (может, серым?) сапожком носа лежала подкова усов. И ещё у него была борода — настоящая штыковая лопата.

— Был военным, — согласился сосед, — был, да сплыл. Лишился всех почестей.

Повременил — сделал добавку:

— Это я Михаила Ивановича Калинина нежданно-негаданно вспомнил. Он почестями называл награды.

— Вы его... знали? — Лумпов от удивления аж приподнялся и вытянул и без того длинное лицо. Не знал он, что лицо может быть резиновым.

— И я его, и он меня, — не отрывал взгляд от синего, будто его окатили жидкими чернилами, потолка бывший военный. — Письмо ему недавно с надёжным человеком переправил. Может, дойдёт...

— И за что это вас? — всё ещё не мог прийти в себя от свалившегося на него известия Лумпов. Не верилось ему, ну, вот никак не верилось, что такого знатного человека упрятали в подвал ни за что ни про что.

— А вас за что? — вопросом на вопрос ответил опальный сосед.

— Хрен его знает! — съёжился в недоумении Лумпов. — Я не больно великая шишка. Натираю мозоли — задница в пене! — в кочегарке. Михаила Ивановича и того только по портретам знаю. Может, по косому делу я где выпустил из себя хама. Может, где за угол языком зацепился. Пьяный я — находка для Чемберлена.

— Вот и я теряюсь в догадках, — бывший военный неожиданно сел и стал ожесточённо терзать жёсткие отвороты кителя. — И жизнь хороша, и посадили правильно. Они пытаются доказать, что я состою в какой-то белогвардейской повстанческой армии! Понимаете?! Это я-то, Крандиевский, кто в двадцатых рубил всю эту сволочь, как чертополох! Они, эти сопляки, явно собираются подвести меня под вышку! Ну нет! Не-е-ет! Такой номер им не пройдёт! Они ещё в моих ногах, как ужи, будут ползать!

— Если за вами не тащится грех, оправдают, — не совсем уверенно произнёс Лумпов. Сам же думал: что-то у тебя, краса божья, одно с другим не вяжется. Как можно белое спутать с красным? Говори, да не заговаривайся! Никак ты и впрямь белый гвардеец?.. Ни за что, ни про что живого человека в нашей стране в каталажку не замуруют. У нас страна по всем статьям правильная...

Но, словно бы прочитав его мысли и пытаясь их развеять, сосед вкрадчиво задышал:

— Тут до вас обитал дедок. Дубровин. Прямой кандидат в покойники. Так его обвиняли в том, что он пускал поезда под откос. А он их в глаза не видел. Из-под Тобольска он потому что. Приполз однажды с допроса, — живого места на нём нет. Шепчет: «Вчера твердили: «Пять», — а сегодня на два поезда, слава Богу, состили. Ну, а три, согласитесь, это всё-таки не пять...» Как будто ему после такого чистосердечного признания на грамм уменьшат вес пули...

— Куда его? — бросил внимательный взгляд в сторону Крандиевского Лумпов.

— Туда, — сосед ткнул бородой в болезненно-синий потолок. — Небо бездонное. Там всей стране места хватит.

«Спускал!» — вынес из всего этого толковища твёрдое мнение Лумпов. От растерянности он машинально и жадно сгребал клочок ломкой соломы, нервно сунул под холодеющий затылок. Для мягкости. «Ежели бы не спускал, за что бы его в этот свинарник бросили? — не прерывал он нить своих размышлений. — Эвон в какую весёлую гоп-компанию я затесался! Один павлин краше другого...»

За стеной местной Лубянки протирал глаза новый день. В синий свет добавило чахоточной белизны.

И от окна по стенке к полу начала сползать широкая лента холода.

— Чайку бы, — тоскливо молвил Лумпов.

— Чай, батенька, — в толчке! — любезно сообщил Крандиевский.

Комната следователей (не для работы, для общего сбора и отдыха) была обращена окнами в сторону просторного, ветер на его плоскости иной раз жгуты вил, двора. Был двор обставлен высоким каменной кладки забором. Проникнуть в него можно было лишь через массивные железные ворота или же пользуясь ещё одним узким лазом, ведущим из пыточной.

Двор был на удивление гладок, посыпан мелким, как бы просеянным сквозь сито, речным песком. В углу двора, в правом его крыле, располагалась конюшня для двух — запрягали их в кошёвку — выездных рысаков. Но туда же по ночам вводили (чаще всего утаскивали) приговорённых к «шлепку». Стены конюшни да и самого двора глушили выстрелы, не давая их гулу раскатиться по спящему городу.

Первое время трупы расстрелянных зарывали за толстым каменным забором, или, как говорили, «за бортом», где простирался глухой, поросший цепким кустарником да всякой травяной дурной земельный лоскут. Вся-то награда покойнику была — жестяная. С выдавленным номером бирка, которую привязывали к ноге. На случай внезапной ревизии.

Нежданно, как снег на голову, ревизоры чаще всего наезжали из Омска, и обязательно чёрт их приносил в ночную пору. Горотдел тогда лихорадило. Чистоплюи, белоручки, всю жизнь разводившие в кабинетах чернила, рылись в документах, вели допросы не только следователей. Сам начгоротдела Соловьёв стоял перед ними навтыяжку, как царский солдат перед генералом, и от страха лязгал золотыми зубами. Но тут вдруг кому-нибудь из ревизоров ударяло в голову ещё и вскрыть ту или иную могилу, дабы проверить, не тряпичную ли куклу предали земле. И могилы у забора вскрывали опять же ночью при свете керосиновых фонарей. Ради одной лишь бирки.

Однако ещё прошлым летом могильщики по причине затяжного дождя, а точнее, по своей лениности, абы как закидали труп местного газетчика Насонова, уличённого в мысленной попытке пересечь турецкую границу. Вездесущая местная сарынь, играючи, по комьям раскидала свежую, похожую, скорее всего, на корыто могилу. Больше месяца потрясенные горожане молили, как сказал бы Лумпов, мясо в мясорубке — рассказывали друг другу одну и ту же историю, впрочем, всяк раз обрастающую дополнительными жутями. После той промашки трупы стали прятать за городом, в глухих отвершках бесчисленных оврагов. Сколько их, бедных, туда легло, знали немногие, в том числе и прачка Аграфена, огромная, молчаливая и похожая на ведьму старуха, которой отдавали снятое с убитых ещё доброе где верхнее,

где нижнее бельё. Она его подолгу выпаривала в щелочи, полоскала, тщательно утюжила и сдавала аккуратной стопочкой на тюремный склад.

— Чисто убить не могут! — скрипела прокурненным голосом прачка. — Надесь всю рубаху издырявили и кровью перед залили. Оглушить чем тяжёлым не могут!..

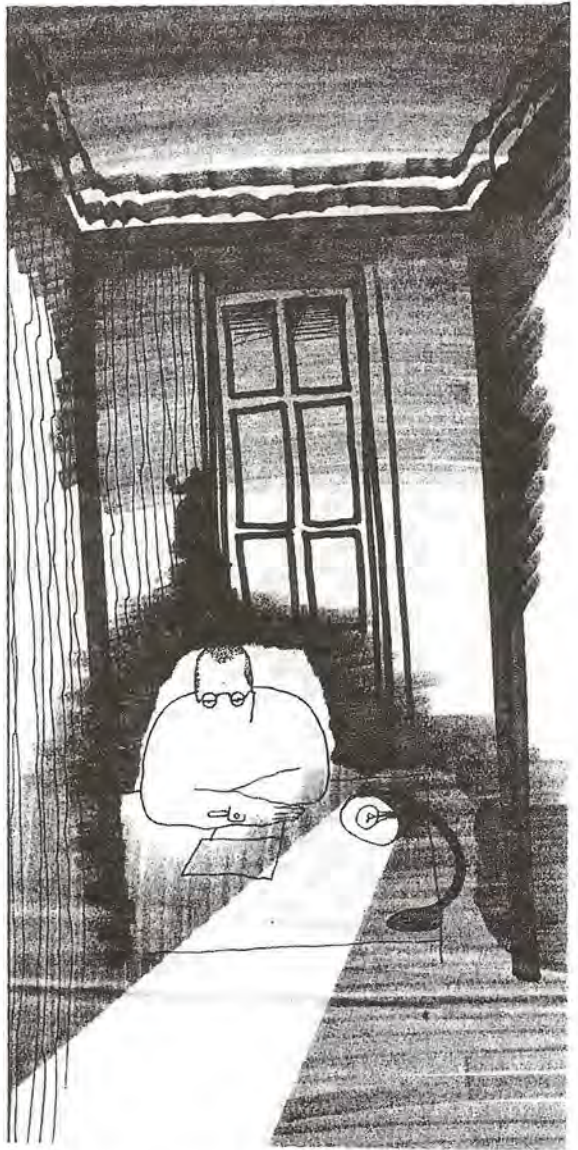
Ворчанье Аграфены пропускали мимо ушей. За стены горотдела не выплеснется. Да и дорожили старухой: кто ещё, кроме неё, станет возиться с кровавым тряпьём?..

Следователи появлялись в стенах НКВД после захода солнца, потому что допросы сподручнее было вести по ночам. Где-то в это же время приходил на службу начальник горотдела Соловьёв, выпуклолобий, точно щенок, с прямо, как у боксёра, стёсанным носом и круглым, почти бычьим затылком. Зауральский кряж. Следователи и боготворили его, и питали к нему тайную зависть. Допросы особо упёртых узников Соловьёв вёл саморучно. И раскалывал их — будто щёлкал калёные кедровые орехи. Все знали, что начальник горотдела одно время проходил негласную стажировку в берлинском гестапо, и не сомневались, что как раз та выучка вывела его в мастера. Хотя сам Соловьёв, изобразив на лице брезгливую гримасу, говорил: «Немцы по сравнению с нами — вшивота! Они работают слишком интеллигентно».

Перед тем, как спуститься в подвал и приступить к своей подземной работе, Соловьёв принимал ворошиловскую дозу — граненый стаканчик чистого, точно слеза, медицинского спирта. Любил спирт! Глотал его, как воду, не запивал и даже не морщился. Было у него огнеупорное горло.

— У меня на весь этот отброс — аллергия! — говорил он об узниках подвалов, вместе с тем оправдывая своё вечно пьяное состояние и разжигая в себе положенную в таких случаях предрабочую ярость. В «каменный мешок» прямо-таки рвался — летел, будто боялся угодить к шапочному разбору. Из пыточной возвращался, как хирург из операционной, тяжёлым, нестойким шагом. Однажды вдрызг пьяный не столько от выпитого, сколько от не совсем ювелирной работы, с закатанными до локтей рукавами испятнанной чужой кровью сатиновой рубахи, даже ничего поверх не накинув, Соловьёв тронул к своему дому, в котором всегда пахло нежитью и который находился, слава богу, в двух шагах от горотдела — левым гулким плечом примыкал к стене уже известного двора. А мог бы в таком виде оказаться в людном месте, что могло бы обернуться недоброй оглаской. Цепляясь ногой за ногу, шёл Соловьёв к родному дому и дико, как больной в психушке, хохотал: «Он ещё и материться умеет! Увидел смерть и заматерился! А мне что? Матерись себе на здоровье. Я сам себе — держава!..»

В этот вечер следователь Лысцов пожаловал на работу раньше заведённого. Но в комнате отдыха уже торчал его «товарищ по оружию», тоже следователь,

Захваткин. Хотя, надо заметить, человек этот появлялся в горотделе из минуты в минуту, как солдатский штык. Гладко выбритый, розовощёкий, вечно в себе уверенный и неизменно пахнущий ароматным табаком дорогих (брал он их в спецларьке) папирос «Герцеговина Флор», Захваткин вызывал у Лысцова чувство скрытой неприязни. Лысцов считал, что Захваткин принадлежит к разряду тех следователей, у которых мозги висят ниже табуретки, но которые нехватку серого вещества восполняют служебным рвением. Дурак, он и в Тюмени дурак. Подобные люди крайне опасны, ибо ради личного блага способны отправить под берёзку и родную мамашу.

Трудно сказать, на какое райское облако грезил вознестись Захваткин. Душа у него была застёгнута на все пуговицы. Но то, что в грёзах своих этот горный орёл витал высоко, сомневаться не приходилось. Судя по всему, следователь придерживался хитро-

го и верного правила: не суетиться! Восхождение состоится. Само собой. Веди только свои дела так, чтобы сам Лаврентий Павлович тебя и заметил, и отметил. Впрочем, так всё оно и шло у Захваткина. Начальство его похвальным словом не обносило. За раскрутку дела по группе сельских троцкистов он был удостоен звания «стахановец НКВД». Но работал Захваткин, по мнению Лысцова, всё-таки грубо, по-топорному, вышибая признания у подсудимых с помощью своей гранёной кувалды. Лысцов считал кулак средством вспомогательным.

— А-а-а... — загадочно и длинно пропел Захваткин, зайдя в двери Лысцова. Не здоровался, потому что расстались они на петушиной зорьке. Лишь для приличия, как это было и вчера, и позавчера, спросил:

— Как спалось-ночевалось?

— На сны не жалуюсь, — спокойно оповестил Лысцов, — я сплю как убитый.

И, вроде бы расслабившись, рухнул на кожаный, выпустивший под ним воздух диван:

— Сегодня ночью поступил свеженький. Займусь им.

— А я сегодня на своём генерале буду ставить точку, — с полной уверенностью произнёс Захваткин.

— Ты мне о том же самом говорил два дня назад. Он у тебя Кащей Бессмертный, — уколол его Лысцов. Ему всегда хотелось говорить какие-то пакости Захваткину.

— Крепкая мне на этот раз сволочь досталась! — вдруг покрывшись белыми пятнами Захваткин и шагнул к зелёной стене. Ничуть не жалея, ударил по ней бесчувственным кулаком. Снова ударил! Показалось Лысцову, что из-под кулака соратника что-то брызнуло. Но невозможно было понять, что больше пострадало — кулак или стена.

— Я этого вражину до сих пор жалел. Сегодня он у меня рассыплется. Генерала из себя, тыловой хомяк, корчит! Из жиды генерал, что из меня оленевод! — Захваткин от злости кипел, как неполный чайник, и всё бил, дубасил бесчувственную стену. Подобные бомбардировки повторялись каждый вечер. Захваткин говорил, что это его физзарядка.

На первом же допросе Лумпову выхлестали зубы. Хо-о-орошие раньше зубы у Лумпова были. Он даже как-то однажды хвастанул: «Я своими резцами могу жевать гвозди!» И вот такие, понимаете ли, хорошие зубы выхлестали. Вместо них теперь зияла бобровая нора. Хотя, справедливости ради надо сказать, зубы у Лумпова вычли не все. Он выплюнул лишь передние. Но боковые задержались в дёснах. Правда, усердно кланялись друг другу. Однако Лумпов по своему стародавнему наиву думал: дёсны — мясо всё-таки живое, может, зубы вырастут, а там и окрепнут...

Смешно подумать, но заехал в морду, точнее, в лицо Лумпова следователь Лысцов, маленький, как гвоздик со шляпкой, человек. Знай сараевский кочевар этого недоноска раньше, а главное, знай,

что этот коротель с ним учудит, он, нет слов, ущучил бы его где-нибудь в тихой заводи и одним щелчком вогнал в ил по самый ободок.

Впрочем, Лумпов мог сделать мокрое место из Лысцова и на допросе. В подвальном кабинете — ничуть он не отличался от вонючей камеры — они находились вдвоём. А на обшарпанном столе следователя стояло тяжёлое белого гранита пресс-папье. Нетрудно было его сграбать и «промокнуть» им лысцовское темечко. Как-то бы оно у него хрустнуло! Однако Лумпов успел вовремя задавить в себе убийцу. Подумал: «Прихлопну эту моль — и меня тем же разом прихлопнут. Не слишком ли я на этом базаре дешёво стою? Нет, лучше уж расквітаюсь с этим говнюком на воле...»

А начало допроса было — хоть лезь к следователю и лобызайся. Правда, Лумпов стоял. На второй стул у несчастных энкавздюг наверняка денег не хватило. Потом уже, в канареечной клетке-камере, ему, недотёпе, втолкуют: «Дело тут не в деньгах. Тебя держали в стойке». Чтоб, значит, сознание входило в башку не через задницу. А через чёрствые пятки. Было худо и то, что Лумпов придерживал избавленные от ремня штаны. То есть руки его были при деле.

Лысцова очень даже интересовали год рождения Лумпова, место работы, состав семьи. И смотрел он на новомученника из зачуханных Сараев так участливо, так дружелюбно, будто хотел обратиться его в свою веру. И вдруг завернул такой сумасшедший крендель — коленом не разогнуть.

— У нас, гражданин Лумпов, имеются агентурные данные, что на вашем огороде приземлялся японский аэроплан...

Тут, как говорится, хоть стой, хоть падай.

— Чев-во-о?.. — Лумпов раскрытался — штаны поехали к коленям, но он успел их поймать и двинул на сочинителя квадратные глаза. — Каковую ты гонишь залепуху? Какой огород? Какой ероплан?

На сей раз пестик этот, недомерок Лысцов навесил на лицо паучью ухмылку:

— Так что? Вы хотите сказать, что у вас нет огорода?..

— Нет, я такого не говорил! — спохватившись, чуть ли не вскричал Лумпов. — У меня огород есть, но...

— Странненько, гражданин Лумпов, вы себя ведёте, — перерубил его мысль Лысцов. — Поначалу спрашиваете, какой огород? Потом сознаётесь, что огород у вас всё-таки имеется. Я бы вам заранее советовал не заводить следствие в тупик.

— Но... — Лумпов хотел сказать, что огород у него, всякому недоумку понятно, есть. Как прокормиться в такие временно тяжёлые времена без огуречной грядки? Однако огород Лумпова — всего сотка. На этот лоскуток не приземлится и мокрая соседская курица. А если и приземлится. То как пить дать останется без махалок...

Следователь и на сей раз не дал Лумпову развить мысль.

— Возьмём это дело на мушку, — спокойно произнёс он. — Так и запишем: пытался скрыть наличие в личной собственности огорода, потом признался в его наличии, — бубнил Лысцов и на самом деле что-то там по своему листку грубо скрёб. Наконец как бы случайно обронил:

— Ну, а как складывались дела с аэропланом?

Чёрта рогатого! Лумпов уже понимал, что Лысцов, точно паук, пытается его опутать и затащить в затянутый тенетами угол. Вон уж и огородная сотка у него превратилась в целый аэродром! Так что к каждой своей мысли надо ставить сторожа. И язык держать в гипсе. А Лысцов терпеливо ждал. И Лумпов молвил как можно осторожнее:

— Да разве ж, гражданин дорогой мой следователь, еропланы на огород садятся?..

— А откуда вам известны возможности японских аэропланов? — быстро так спросил Лысцов.

— Ну дак, смекать надо! — начал было втолковывать ему Лумпов. — Ероплану и сесть надо, и пробежку вдобавок сделать. Как он станет по свекольным-то грядам ломить?

— Не помните, сколько метров требуется японскому летательному аппарату для пробежки? — устроил крайне заинтересованное лицо Лысцов.

И вот тут Лумпова перекалило. Взрослый человек, а корчит из себя Иванушку!

— Ты мне, красавец, нитки-то на клубок не мотай! Я тебе не капустаный вилок. Тебя тут посадили дело делать, а ты, гляжу, дурь гонишь!

Он, кажется, не успел моргнуть, как Лысцов обогнул стол, слегка спружинил и зауценно точно припечатал кулак к великолепным лумповским зубам. Явно занимался свирепым видом спорта — боксом. У Лумпова от такого удара перед глазами аж взметнулось пламя. И в самой голове за клубился дым. Он — такой-то кедр! — как высохший городок отлетел к стенке. Ударился об неё нескладно — поначалу задом, потом спиной и потом уж тюкнул затылком.

— А сейчас постой, подумай, на чью мельницу ты воду льёшь, — ласково поглаживая хорошо потрудившийся кулак, бесстрастно проговорил Лысцов. Ударил пяткой дверь, крикнул:

— Уведите!

Лумпова втолкнули всё в ту же камеру-воючку. Когда он, пошатываясь, двинул к своему нарочнешному лежаку, слишком манерный Крандиевский встрепенулся:

— Помочь?

— Не надо, — с трудом прошамкал Лумпов.

Рот его был полон боли. И лёг он на этот раз лицом к стене. Впервые увидел, что она вся испещрена, исцарапана какими-то надписями. Перед самым носом с трудом различил: «Прощайте, дорогие детки Саша, Коля. Ваш папа». Другие надписи выпадали из поля зрения — уносились куда-то к потолку. Клинопись времён царя Соломона.

Горели дёсны. И ломило, будто кувалду на него обрушило, затылок. «Вот это отерапланил! — про-

неслось в чугунной голове Лумпова. — Они меня уж точно путают с каким-то шпионом-засланцем. Что за гадина такая роет под меня траншею?..»

Крандиевского увели ближе к рассвету. Увели быстро. Отправился на допрос старик — даже не попрощался. Видать, думал, что вернётся. Но вместо него в камеру влетела настоящая жердь — длинный сухой парень. Под его глазом набухал синяк.

— Лампочку ввернули! — слишком весело сообщил он Лумпову.

И вообще вёл себя так, будто побывал в горсаду в комнате смеха. Суетился, вскакивал, будто снизу припекало.

— Ты на допросах-то своими вилами-рогами не води, не упираться, — сразу принялся он наставлять Лумпова. — Что спрашивают, говори: «Было!» Бить после этого не будут. Когда им поддакиваешь, они не бьют. Да и если спрашивают, значит, что-то знают. Время на дворе лихое. Правильно они говорят: кругом одна вражня. Отлавливать её надо. Я сразу расколослся. Не девочка!..

— А синяк? — напомнил Лумпов.

— Чем косовитей, тем красовитей, — ответила неунывающая жердь.

На новом допросе Лумпов корчить из себя незнайку не стал. Сказал Лысцову раньше, чем следовало:

— Пиши! Был такой случай!

— Эх, Лумпов, Лумпов! — Как бы жалеючи кочегара, удручённо произнёс Лысцов. — Да разве мы не знаем, что было? Это такая очевидная истина!

На сей раз следователь даже попросил, чтобы в кабинет внесли стул, и предложил Лумпову сесть. Вежливость на него накатила.

— Так с какой же целью он приземлялся?

— Лысцов приклонил голову к плечу и теперь пронзительно, не мигая, как замороженный, смотрел на Лумпова.

— Ну-к, думаю, раз японский, — пытался складно изложить свою корявую мысль Лумпов. — Они ж, сами понимаете, заклятые враги! А враг не дремлет...

— Верно говоришь, Лумпов! Вот сейчас — верно! Хотя и из чумазого ты сословия, из кочегаров, а идеологически подкован. Грамотные нынче пошли кочегары! — впал в безудержную похвальбу Лысцов. — Враг, понятное дело, и ночью не дремлет. Это мы с тобой, как мокрые суслики. А он нет. Такая сволочная порода.

И опять Лысцов сделал умное движение, — приклонил к плечу вроде бы полную догадок голову.

— Ну и какая у японского самолёта, скажи-доложи, пробежка?..

— А никакой! — убедительно развёл руками Лысцов. Благо штаны не надо было поддерживать. — Он, стервец, как летел, так и рухнул. На гряды. Репа у нас там с Глафирой Ефимовной да всякая прочая фигня. Со всеми потрохами он возьми и вяляйся. Зиму, видно, без овощей кувать будем.

— Они и на такое способны. Им терять нечего. Они смертники. Им и на том свете — рай, — продолжал играть в кубики вроде бы взрослый Лысцов. — Тогда опять же скажи мне, неучёному-копчёному, что за пакет он тебе, этот самурай, передал и куда ты его по рассеянности сунул?

— Какой... пакет? — на неожиданном для него витке допроса вновь стал усиленно соображать Лумпов. Ему подумалось, что если он сейчас что-нибудь ляпнет ещё и о пакете, то дома изо всех подушек вытрясут весь пух, как следует возьмут за язык Глафиру Ефимовну, да и ребятню не оставят в покое.

— Не было никакого пакета! — ещё раз твёрдо сказал Лумпов. — Он же, японец-то, как я уже говорил, как рухнул, так и волчий дух из него вон. Какой тут пакет?..

— Опять двадцать пять! — словно сухой обабок, сморщился Лысцов. — По нашим агентурным данным, в тот день никаких сейсмических трясок отмечено не было, а самолёт приземлился и тут же взмыл. Что он, за репой для своей узкоглазой мелочи летал?

— Да... нет, — согласился Лумпов. Его сбивали с толку эти чёртовы слова — «по агентурным данным». Если и на самом деле «ероплан» где-то в его родных Сараях садился, то, ясное дело, прилетал он туда не по прогулочному случаю.

— Просто всё было, — почесав затылок, сказал он. — Перекинулись двумя словами.

— Это уже в корне меняет обстоятельства дела, — Лысцов, похоже, снял со своей души стопудовую гирию. — Речь, конечно, шла о покушении?

— Если у вас есть агентурные данные, то тогда так, — охотно согласился Лумпов. — Я человек тёмный, много в ваших делах не понимаю.

— Вот ты в какую шайку-лейку угодил, Лумпов! — на сей раз удручённо произнёс Лысцов. — Вот до чего может довести человека потеря бдительности!..

И вдруг лицо его покрылось нехорошими пятнами, да ещё и пошло буграми:

— Как же ты, гад ползучий, посмел поднять руку на самого Иосифа Виссарионовича?

— На какого... Иосифа Виссарионовича?.. — прямо-таки кипятком окатило Лумпова, но и после этого он не враз сообразил, какую ему вину вяжут.

— Где тебе, предателю, знать нашего дорогого вождя и учителя! Твой вождь там — на Хонсю и Кюсю! — уже ревел Лысцов на всю камеру, и непонятно было, то ли он разыгрывает сцену, то ли ведёт себя естественно. Но тут Лысцов как-то по-рысьи, осторожно и знакомо стал выносить своё тело из-за стола...

Всю оставшуюся ночь похожему на новогоднюю ёлку (весь он был в синяках) Лумпову виделась родная хибара в нелепой куче таких же хибар. И виделись враги. Они вылетали на своих крошечных аэропланчиках изо всех щелей, сверкали сквозь стёкла кабинок узкими и хищными полосками глаз.

Пролетая над огородными грядками, по-тараканьи туда-сюда водили колючими усищами — вынюхивали неизвестные Лумпову секреты. Все они с ног до головы были увешаны наганами, острыми ножами, даже гранатами. И было врагов гораздо больше, чем комаров во всём славянском царстве. Подступись-ка к такой рати. «Может, оно всё так, — не выпадай из сна, думал горячий от побоев Лумпов. — Может, я до какого прясла своими дольками ума не догребая...»

Письмо с грифом «Правительственное», извещающее, что Михаилу Ивановичу Калинин «П.П. Крандиевский ведом как преданный делу революции партиец» и настоятельно требующее «выпустить его на свободу с отданием всех воинских почестей» вызвало в горотделе НКВД сущий переполох. Никогда ещё таких высоких писем сюда не поступало. Соловьёв, как всегда пьянее вина, распаренный и одновременно злой, мстительно водил тощим конвертом перед удлинившимся носом Захваткина.

— Вот, контра ты этакая! Смотри! Довыпендривался! На тебя уже покатали телегу! Из самой Москвы!

Соловьёв был пьян. Он ничего не соображал.

— Ну-ка, пусть немедля доставят мне сюда этого самого... Крандиевского! Одна нога — здесь, другая — там...

Захваткин не знал, как выйти сухим из воды, а главное, куда спрятать глаза, — катались они, словно искали новое место прописки.

— Так мы ж его вчера... ночью...

— Ка-а-ак? — в бычьем рёве Соловьёв чуть не надорвал углы рта. — Вы почему занимаетесь произволом?... Кто позволил?..

— Было решение тройки, — осторожно, чуть ли не шепотом напомнил Захваткин, — там три подписи...

Соловьёв мешком опустился в кожаное кресло, где-то там в его глубине начал причитать:

— Мы ж тебя, сукин кот, стахановцем энкавэдэ назвали! А какой ты, к хрену лысому, стахановец?! Тебя и сибирским валенком нельзя назвать. Ты ж запятнал все органы! Честным людям липу подsunул...

— По делу о КРД проходило семнадцать человек. Все семнадцать признались, — напомнил Захваткин.

— Признались, признались! — не остывал Соловьёв. — Такие костоломы, как твоя честь, и покойника заговорить заставят. Знаю я, Захваткин... Всё о тебе знаю...

Какое-то время Соловьёв не разжимал затвердевших губ. Хмельные его навывкате глаза в поисках выхода летали по полу, прыгали, натываясь на незримые сучки. Наконец он победённо спросил:

— Есть у нас, в этой затхлой норе, кто-нибудь похожий на твоего Крандиевского?..

— Они все тут друг на друга похожи, — услужливо сообщил Захваткин. — Любой с бородой. Все под дедушку Маркса косят...

Неведомая сила подтолкнула Соловьёва — вышибла из кресла. Он всем телом подался к Захват-

кину, перед самым его носом стал крутить пальцами, словно пытался навернуть ему на нос гайку.

— Ты это... о товарище Марксе — не того! Поосторожней! Распустил свой язык ниже колена и машешь им в разные стороны! Зарываться, гляжу, стал! Прёт из тебя вражья блевотина!..

Он сделал по кабинету нервную пробежку, остановился.

— С Крандиевским этим, балда, поступишь так. Мне нужен баланс. Вышвырнешь кого-нибудь под видом этого прославленного в веках вояки. В Москву саморучно заготовишь письмо: просьбу, мол, уважили. Михаил Иванович с проверкой к нам не заглянет. У него дел — вся держава. Очищайся!

И, как Ермак в бурю, очень даже глубоко заду- мался начальник горотдела:

— Только вот про какие такие почести наш дедушка пишет? «Выпустить с почестями...»

...Эх, и распотешна ты, Русь, наша матушка! По горюшку разливанному идёшь вброд или же стоишь, колышешься на самом краешке чёрной пропасти, а с шуткой-прибауткой разлук не знаешь. Одним словом, что тюрьма тебе, что сума — один чёрт. И всяк раз смешинка на твоём славянском лице гуляет.

Железные створы энкавэдэвских врат распахнулись без того саднящего душу скрежета, какой должны были издать благодаря чудовищному весу, потому что в петлях их постоянно услаждали дёгтем, и они теперь пылили, будто несло их, родимых, по воздуху. И вот распахнулись эти самые врата, железные земные, и среди присыпанного янтарным песочком двора, как гриб-боровик из породистого лесного бугра, внезапно выломился простой советский чочегар Лумпов. Его голову венчала прогнутая коровьим седлом генеральская фуражка. Была она маломеркой, и ему её присобачили на самую вершину. И эта лихо посаженная казённая фураженция, и льющияся на квадрат лба волосы делали Лумпова похожим не иначе как на сараевского уркагана. Не хватало во рту золотой фикса.

Но ещё куда как более потешно сидело на Лумпове отстиранное до белизны форменное облачение. Рукава кителя были коротки, будто на них в нашей богатой стране не хватило сукна, да и ушастые галифе тоже были не по размеру. Из одной высоко подрезанной дудочки брюк торчала лишённая носка голень. И брючины на коленях пузырились.

— Мать моя кровная! — скроила испуганные, почти коровьи глаза Глафира Ефимовна. — Как они его исказили!

Подарок судьбы Лумпова — его разлюбезную царицу да малых ребяток-горшкодавов — часом назад для какой-то надобности притрясли на машине к вратам горотдела. Сгребли, как голубчиков, в охапку и притрясли. Тут они, горемычные, и томилась в ожидании пришествия некоего чуда. И наконец оно, это чудо, свершилось.

Глафира Ефимовна вряд ли бы узнала мужа: обородател он — леший и леший, да и одёжка —

хоть ставь его на огороде для острастки картавых ворон. Однако нога без шерстяного носка, который она отыскала уже после увода мужа своего, Лумпова, намекнула ей, что посреди казённого двора красуется нечто родное, а уж болтающиеся у самых глаз, как после бани, влажные волосы окончательно убедили Глафиру Ефимовну: Лумпов! Только вот никак не могла она взять в толк, на какое такое важное задание её мужа собираются отправить.

Странно всё это Глафире Ефимовне было. Слово снизошёл на неё сумбурный сон. Но ещё более странным было другое. В правом крыле двора, возле узкой дверцы, ведущей в подвал, топтались люди с яростно сверкающими на солнце медными трубами. Целый духовой оркестр, какой по вечерам играл в городском саду «Амурские волны». Лицом к оркестру стоял, дергался на тоненьких, как у цапли, ножках совсем крошечный человек. Руки у него были вознесены, словно он грел их над высоким пламенем костра. И как только врата распахнулись окончательно, дергунчик этот взвился винтом, его руки пришли в движение, начали вкривь и вкось расписывать воздух. Уши запечтало громом меди — оркестр грянул «Интернационал». «Со всеми почестями...»

А Лумпов уже шагал навстречу жене, навстречу своему насмерть перепуганному выводку. Ранее армейской службы кочегар не ведал (нашли в его теле какую-то болячку), а посему теперь вот выкидывал далеко вперёд то левые, то правые руки и ноги одновременно, и похоже было, что по двору передвигается нелепо скроенный солдатик. Зато узкие плечи Лумпова были хорохористо развёрнуты тульским баяном, редкая метёлка бороды высоко вскинута, — казалось, он наконец-то увидел лучезарное будущее и теперь знал, в каком направлении направить стопы.

Пела шёлковая трава. Пели косматые, как пьяные мужики, тополя. И даже булыжники мостовой пели. А медные трубы продолжали выдирать из себя оглушительные звуки вселенского гимна. Сотрясающий землю поток звуков не прерывался, когда Лумпов мелко трясушимися, как у выпивохи, руками обнимал жену и детей, не сбавил силы и тогда, когда кто-то чересчур вежливо вталкивал их всем скопом в раскалённый от солнца железный короб машины.

Машина мчала семейство Лумповых дорогой-каменной домой, в сторону до боли родных Сараев. Мчала так, словно собиралась порвать незримую упряжь и хватануть в безбрежную казахскую степь.

— Что это? — Глафира Ефимовна никак не могла понять, в каком сне они пребывают, и затравленно смотрела по сторонам. Ей даже казалось, что она сходит с ума.

— Тиш-ше! — сквозь мох бороды прошамкал беззубым провалом рта Лумпов. — Тиш-ше!...

Сам же старательно прикрывал пальцем круглую дырку на бортовке чужого кителя. Дырка была у самого сердца.

БОГАЕВСКАЯ Анна Александровна (урожд. Бильбасова; псевд. Богай, Анна; 1861 — 1904), переводчица.

Печаталась в «Вестн. Евр.» 1894-1900 гг (Б.-г., А); в «Ниве» (очерк «Новобрачные») — 1898, № 44. Авт. сб. «Привет! Сб. поздравительных песен на рус., франц. и нем. языках. Слова и музыка Анны Богаевской». СПб., 1898.

Масанов; Венгеро́в, Список.

БОГАЕВСКАЯ Ксения Петровна (псевд. Литовцева, К; 1911 —), литературовед.

Сотр. «Лит. наследства». См. также «Новый мир», 1934. Напис. «Автобиографию» (1911-1934) — РГБ ОР Ф.369. № 104.22. Л.32.

Масанов; ВД. Указ рук. (указ. имен).

БОГАЕВСКАЯ Мария, поэтесса и писательница.

Сотр. московских изданий 1880-х гг. См. «Москов. газета», 1883. № 29, 30, 32 (М.Б.); авт. стихотв. «Товарищам» — «Слово». 1878. № 7; «На суд общества: (письмо из Харькова)» — «Неделя». 1871. № 4.

Слов. рус. писательниц; Масанов.

БОГАЕВСКАЯ П.

Авт. «Заметок о Сибири» (Брянск, 1894). Венгеро́в, Источ.

БОГАЙ Анна

(См. Богаевская А.А.)

БОГАТОВА Мария Владимировна, журналистка.

См. «Призыв» (Владимир) 1920-х гг. — М.Б. Масанов.

БОГАТОВА Ольга Петровна (псевд. Лаврова, О), литератор.

Масанов.

БОГДАНОВА А.

Авт. кн.: «Путешествие вокруг света». Изд. 2-е, М., 1903.

БОГДАНОВА Е.

Московская издательница детских книжек. Венгеро́в. Сп. Т.У1.

БОГДАНОВА Е.А., журналистка.

Сотр. газ. «Рус. вед.» (1901) — Б-а. Масанов.

БОГДАНОВА Елизавета Александровна, переводчица.

Авт. неск. стихотворений, путевого очерка («Рус. обзор». 1896. Окт.), сценки «Свидание», одобренной к театр. постановке в окт. 1898. Отдельно изданы ее переводы: Дарвин Ч. «Насекомоядные растения» (М., 1876-77); Прево М. «Новые письма женщин» (М., 1899). Сотр. в «Рус. вестн.», «Новом времени», «Петербур. жизни», «Артисте» и др.

Венгеро́в. Автобиоогр.

БОГДАНОВА Елизавета

Сотр. в «Страннике»: «Обращенный атеист»; «И не дорогая, но усердная жертва доходит до Бога» (1867. № 7).

Слов. рус. писательниц.

(Продолжение в следующем номере)

Высокая жизнь Нины Евдокимовны

(В 2005 году народному образованию в Асбесте исполнилось сто лет)

*Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
А той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, — запомнил я Родину.*

*И вижу ее накануне победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной.*

К.Симонов, 1945 год

Коллеги, многочисленные ученики, городское общество краеведов, ветераны и инвалиды всех войн попросили меня написать о Нине Евдокимовне Протопоповой, отдавшей труду словесника и руководителя школьного музея «С именем Горького» школы № 1 г. Асбеста более 40 лет.

Нина Евдокимовна говорит, что особенно любит Л. Толстого, Маяковского, Есенина, Окуджаву, Симонова и, конечно, М. Горького.

Я «призываю» этих писателей и поэтов на помощь для того, чтобы читателям была более понятна (тем, кто не встречался с нею) эта Учительница.

**Чувство собственного достоинства —
это просто портрет любви.
Я люблю вас, мои товарищи, —
боль и нежность в моей крови.
Что б тьма и зло ни пророчили,
кроме этого ничего
не придумало человечество
для спасения своего.**

Б.Окуджава.

Огромный труд — исследовательская работа Нины Евдокимовны — посвящен теме «Учителям, как вдохновенным песням, жить на земле, пока жива земля». Это результат огромного труда в городских и областных музеях, переписка и встречи с людьми, живущими далеко от Асбеста. О ком пишет Нина Евдокимовна? О многих.

Перед нами — «многогранный» портрет родоначальницы народного образования г. Асбеста, кавалера врученной в Кремле медали «За трудовое отличие» Фаины Игнатьевны Аввакумовой (ей в этом году исполняется 125 лет). Кроме того, Аввакумовой посвящен отдельный, содержащий редкие

фотографии и отзывы о работе, стенд музея с ее большим портретом. Она была не только учителем начальной школы с 1905 года и директором детского дома, но и учителем русского языка и литературы с 1937 по 1943 годы. Ее ученики — А.Д. Гущина, А.И. Суханова, Л.И. и Г.И. Дубленных, П.К. Головин, К.Я. Кобелев, А.М. Тимофеева...

Слово... звук, живущий доли секунды и пропадающий в пространстве...

Словом в полном, прекрасном его значении великолепно владела Софья Васильевна Ковалевская, приехавшая в Асбест в 1936 году. Она — золотая медалистка факультета словесности Полтавской гимназии, курсистка Бестужевских курсов в Петербурге, в совершенстве владела французским, немецким и украинским языками. Софья Васильевна проводила своих учеников на фронт, поддерживала с ними переписку. Она — образованнейший человек своего времени, переписывалась с И. Эренбургом, С. Щипачевым... Нельзя без слез читать некролог, посвященный памяти С.В. Ковалевской, в «Асбестовском рабочем» 17 декабря 1974 года.

Фамилия Милявских в городе известна и «на слуху» у многих горожан. Заслуженный учитель школы РСФСР и Отличник народного образования, Фаина Львовна Милявская учила детей в школе № 1 с 1949 года. При ней школа одна из первых перешла на кабинетную систему обучения. Фаина Львовна руководила системой образования города... И где бы она ни работала, это всегда был образец настоящего Учителя. Ее сын Зиновий подарил книгу своих стихов. «Музею средней школы № 1 «С именем Горького» — от автора и ученика», — так написано в автографе.

Анна Тимофеевна Чупракова, воспитавшая не одно поколение учителей, Дина Федоровна Еки-

мова, блестящий литератор и организатор в 1964 году школьного музея, Маргарита Александровна Кравченко... Школа начала работать в 1932 году. Всего в списке литераторов школы № 1, составленном Ниной Евдокимовной, 26 человек.

О каждом Учителе, благодаря неусыпным заботам и материалам, собранным Ниной Евдокимовной вместе с активистами музея, можно написать целую книгу.

В музее школы № 1 собран большой материал об учителях, которые проработали в ней долгие годы... Во многих детских садах города сейчас работают ученики Нины Евдокимовны.

Как важно это, в конечном итоге, служение обществу! Ведь воспитывать — значит определять судьбу нации.

Однако приведем высказывание А.П. Чехова, которое и в наше время наводит на грустные мысли: «...У нас в России его (учителя. — И.П.) необходимо поставить в какие-то особенные условия и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится... Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело... Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ...» (По официальным данным, средняя зарплата учителя в России в настоящее время — на 60% ниже средней зарплате по стране.)

**...Покуда шершавой бумаги
хоть капля слезы не отточит,
кто знает — что проза такое?
Кто знает, что значит — стихи?**

Б. Окуджава

Опыт пережитых лет навсегда научил Нину Евдокимовну быть во всем самой собой и не отступать от этого никогда. Про таких говорил ее любимый и великий М. Горький — «веселые праведники».

Нина Евдокимовна «взошла на вершину» теперешней своей «высокой жизни», начиная с труда бухгалтера. И, может быть, первому, бухгалтерскому образованию мы теперь обязаны той скрупулезной точностью и аккуратностью в обращении с различными документами, которые так необходимы настоящему музейному труженику. Она закончила Андиганский педагогический институт в 1967 году и приехала в Асбест. Так уж распорядилась судьба, что в школе № 1 начала с пятиклашек, затем работала в 8–11 классах. Проводила праздники и конференции, которые давали детям возможность самим раскрыться, духовно расти: «Я жил, я был — за все на свете я отвечаю головой», «О матерях можно рассказывать бесконечно», «Солнце спряталось в каждом»... Ее дети то участвовали в очистке территории под Рефтинское водохранилище, то ехали в город-герой Севастополь...

Они написали ей, любимому педагогу и классному руководителю, в один из вечеров встречи

Н.Е. Протопопова

выпускников: «Романтичная и мечтательная, она в нас взрастила эти качества, удивительно трудолюбивая, она и нам передала отношение к труду не как к обязанности, а как к источнику радости и вдохновения».

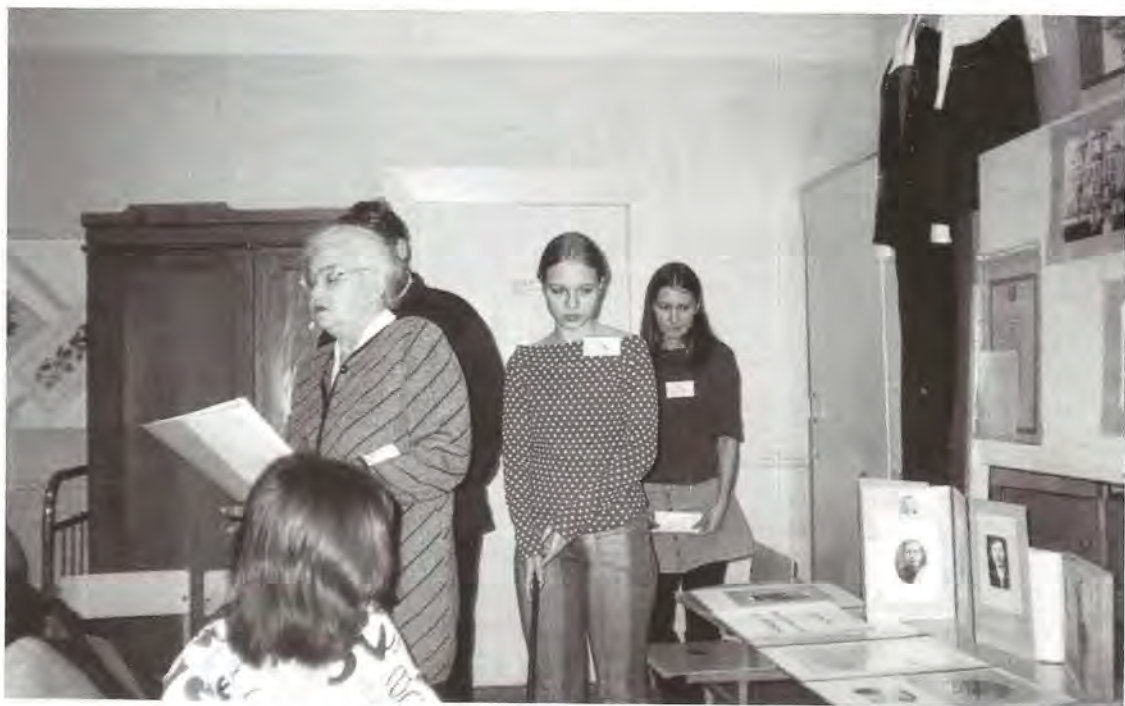
Среди выпускников школы № 1, которым повезло учиться русскому языку и литературе именно в этой школе, есть люди, приносящие родному городу «пользу и почет»: А.К. Липина — врач-терапевт, Л.А. Деркач — начальник управления образованием, Л.Н. Сиялова — главный редактор «Асбестовского рабочего», В.Б. Сонин, отличный хирург, заведующий хирургическим отделением № 2, многие руководители служб и отделов комбината «Ураласбест», В.К. Белошейкин, глава города, В.С. Козлова, бывший руководитель отдела управления образованием...

Они все — выпускники разных лет, но, как видим, школьное содружество, дух школы, дар учителей словесности, несущих свет, явило в них прекрасный результат.

Дорогие и счастливые встречи...

7 октября 2004 года на базе школы № 1 и ее музея прошел «Праздник встречи поколений». Все педагоги школы, городские краеведы и «музейщики» других школ трудились, готовясь к этому дню, но более всего — дети, музейный актив Нины Евдокимовны.

Дети участвовали в аттестации школы; в свое время, в 2003 году, музейные активисты-краеведы заняли 1 место в конкурсе экскурсоводов города и получили «Благодарственное письмо» городской ассоциации краеведов; школьный музейный актив стал призером городской научно-практической конферен-

Очередной прием в «музейчики»

ции «Учителя и ученики — участники Сталинградской битвы»; в музее проводятся регулярные краеведческие чтения, и каждый год 2 мая — литературные...

В 1986 году выпускница школы 1937 года, участница Великой Отечественной войны Галина Александровна Ярцева слушала в музее сочинение 11-классницы Тани Карклиной, посвященное ее судьбе. Татьяна Студеникина собрала материал о Розе Иванниковой, партизанке, повторившей подвиг Зои Космодемьянской. Роза — выпускница школы № 1.

Кроме существующего уже несколько лет стенда «Учителя школы № 1 — участники Великой Отечественной войны», Нина Евдокимовна подготовила к дню 9 Мая 2005 г. еще два: «Выпускники 1941 года — участники войны» и «Выпускницы школы — защитницы московского неба». Какой огромный и ответственный труд! Самая последняя работа, забирающая у Нины Евдокимовны каждую свободную минуту — о военном госпитале, который располагался в школе № 11, о тех, кто спасал и выхаживал раненых.

**Настоящих друзей очень мало,
На планету — совсем ерунда,
На Россию — одна моя мама,
Только что она может одна?**

Б. Окуджава

Мама для Нины Евдокимовны была «все» и могла «все». Когда семью — маму и двух девочек — эвакуировали в село Бурлаки Тюменской области, с ними была еще бабушка. Отец не вернулся с фронта. Если вы помните, существовало старое русское выражение «горе горькое», так вот, его полной чашей

испила в военные и послевоенные годы эта семья. Приведу только небольшой эпизод из той поры.

Мама тяжело заболела, и ее увезли в больницу в г. Омск. Две девочки, пятилетняя Нина и девятилетняя Аня, остались с бабушкой. Нина Евдокимовна до сих пор вспоминает именно горький вкус тоненького кусочка (не более 200 граммов) хлеба, который бабушка приносила после работы на табачной плантации. И у девочек, когда они помогали бабушке пасынковать табачные растения, пальцы и ладошки сохраняли горький запах и вкус табака. И хлеб был потом такого же вкуса... Спасала картошка, потом корова, для которой всей семьей косили сено...

Нина Евдокимовна с юности умеет все. Она рано узнала нужду и тяжелую работу.

Один из стендов школьного музея называется «Впиши себя в историю». Нина Евдокимовна вписала, и ее сестра Аня, и их мама, и бабушка. В войне победил весь наш народ. Всеми радостями и горестями, и мечтами, и мыслями эта семья была со своим народом.

В эту семью так и не вернулся с фронта главный ее кормилец, любимый муж и отец. И с «взрослых лет» до настоящего времени Нина Евдокимовна продолжает его поиски: в архивах армии и КГБ, через передачу «Жди меня»... Долгие годы живет надеждой на то, что она и родные узнают о его военной судьбе. Может быть, эта личная тревога и боль вдохновляет Нину Евдокимовну на огромную работу по восстановлению документов (и вообще — правды) о многих выпускниках и учителях школы — участниках Великой Отечественной, Афганской и Чеченской войн...

Сладкие слова и великие истины имеют цену тогда, когда исходят из правдивых уст. Они находят почву только в людях, имеющих доброе произволение и чистый ум.

Старец Паисий Святогорец

Слова и истины, которые постигали ученики Нины Евдокимовны, объясняют «влюбленность» всех в литературу. Это — во многих письмах к учительнице — наивных и искренних или взрослых, уже твердо стоящих на своих ногах людей.

Старательно, еще неустоявшимся детским почерком написана заметка «Учитель». Приведу лишь окончание:

*Много лет пройдет, и по белу свету
Разбредутся все ученики.*

*А я бы к звездам улетела и прекрасную планету
Назвала б планетой Школьной доски.*

Подпись: Иринка Усенко.

*Ты стоишь у стола, читаешь,
И взволнованно класс затих.
Прямо в сердце к нам залетает
Музыка слов твоих.*

Это — уже взрослые («Бывшие пятиклашки»).

Влюбить в литературу — огромный труд! Нина Евдокимовна вспоминает, как выпускникам 1983 года она два урока (2х45 минут) подряд наизусть читала «Сказки об Италии», сказку «Нунча» любимого ею М. Горького. После чего дети, замороженно слушавшие учителя, поняли и полюбили великого писателя.

Рассказывала Нина Евдокимовна и о том, как дети писали сочинения о влюбленности в жизнь и вере в прекрасное, когда она научила их прочувствовать произведения В. Маяковского. Она учила

их тому, что прекрасный поэт просто опередил свою эпоху на несколько лет вперед. Точно так же, как и в случае с М. Горьким, прежде чем начать тему «В. Маяковский», она 45 минут читала детям его стихи... Нина Евдокимовна чувствует русский язык, как музыкальная душа чувствует музыку.

Чисто авторское

Я завидую Маше Бачининой — активистке школьного музея, которая награждена Почетной грамотой Управления образованием города Асбеста «за участие в оформлении школьного музея «С именем Горького» и в связи с 25-летием Международного дня музеев».

Я завидую Ане Ивановой, которая 21 июня 2003 года награждена грамотой «за успешное окончание школы, сопереживание товарищам, равнодушно отношение к классу. За помощь в восстановлении музея «С именем Горького». Аня — будущий переводчик. Она изучает перевод и переводоведение в Уральском ГПУ. Я завидую всем, кто работал рядом и учился у Нины Евдокимовны, и тем, кто продолжает это делать. Я завидую, несмотря на то, что самой очень повезло с учителем словесности. Это Тамара Афанасьевна Хомякова — любимая всеми, кто учился у нее в школе № 2. Многие уважают Нину Евдокимовну за душевность. При всей внешней строгости и суровости. Душевность — это тоже составная часть тех качеств, без которых не может быть полон и внутренне закончен образ Учителя.

«Не сирота я на Земле, пока этот человек есть на ней». Это слова М. Горького о Л. Толстом. И так же думаю я о наших дорогих словесниках, а сегодня — о Нине Евдокимовне.

70-е годы. Н.Е. Протопопова в центре

КЛУБ КУКЛОВОДОВ

Он стоял посреди помещения, больше всего напоминавшего тюремную камеру, хотя и довольно просторную. Джордж Швайхард увидел стены из грубого кирпича. В помещении стояли стол, два стула, кровать. Железная дверь с крупными, как на мостах, заклепками и большим черным квадратом на уровне глаз. Ни унитаза, ни умывальника. Застекленное окно, высоко под потолком, сквозь которое просматривался кусочек синего неба с плывущими облаками. Вид помещения насторожил Швайхарда; не потому, что походил на тюрьму, а потому, что все было каким-то искусственным. Ненастоящим. Смоделированным. Под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия. Он хотел сесть, но черный квадрат на двери засветился. На экране появилось лицо человека, мужчины средних лет. Человек сказал:

— Вы находитесь в Виртуальном Реабилитационном Центре для недавно погибших людей. В так называемой Корзине.

— Как погибших? Я погиб? Не может быть! Не может! Со мной этого не может произойти! Это какая-то ошибка! Это неправда! Погибают всегда другие!

— Это правда. Наша практика показывает, что лучше всего сказать правду сразу, а не готовить к ней.

— Нет, не может быть, не может быть... Ну, скажите, что это шутка! Глупая, дурацкая шутка!

— Возьмите себя в руки. Ну, вы же мужчина! Задача нашего Центра — помочь вновь прибывшим адаптироваться в первый, самый трудный период.

— Не может быть... а что случилось? Что со мной могло случиться?

— Вы покончили с собой. Но сначала послушайте Официальный вводный инструктаж. Прошу не перебивать. У вас будет возможность задать вопросы.

Сегодня четырнадцатое мая две тысячи тридцать шестого года. Вас зовут Джордж Швайхард. Ваш Личностный Модуль активирован, протестирован и проверен на вирусы сегодня, в десять часов утра. Решение об активации модуля номер 70386513267 принято директором ВРЦ Генри Крассом, на основании свидетельства о смерти человека, гражданина США, Джорджа Швайхарда, рожденного 17 апреля 2005г. в городе Льюистоне, штат Мэн. Свидетельство

выдано полицейским департаментом города Портленда, штат Мэн, десятого мая 2036 г.

— Простите, а как...

— Не перебивайте. В графе «причина смерти» указано:

«Полное разрушение правой височной доли мозга, правой лобной доли и частичное (на 70%) левой лобной доли, частичное (на 50%) левой височной доли, в результате выстрела в правый висок из пистолета «Кольт».

Далее. Последний раз вы были синхронизированы с вашим ЛМ третьего мая две тысячи тридцать пятого года. Следовательно, вы не можете знать, что произошло в последующий за этой датой год. Довожу до вашего сведения, что вы являетесь особо опасным преступником. Избранная для вас мера пресечения — содержание в одиночной вирткамере.

— Как? Да что вы тако...

— Не перебивайте! Вам отказано до суда в общении с другими модулями, а также с внешним миром и в доступе в Инфорсет. Вы обязаны ознакомиться с правилами поведения в вирткамере, которые появятся на мониторе объявлений, и нажать кнопку «Ознакомлен». Нажатие кнопки равнозначно личной подписи.

Вы обязаны до суда изучить предлагаемые документы, которые будут вам предоставлены, после чего нажать кнопку «Ознакомлен».

Суд состоится двадцать восьмого мая текущего года, то есть через две недели.

Вы обязаны выбрать себе адвоката, нажав кнопку «Выбрать». Список адвокатов появится на мониторе после ознакомления с правилами.

Вы имеете право на помощь психолога. Он посетит вас после инструктажа.

Вы имеете право на один телефонный звонок. Одноразовый аппарат появится на столе после нажатия кнопки «Звонок».

Вы имеете право знать дату и реальное текущее время. Дисплей часов на мониторе.

Вам полагается бесплатная электроэнергия для жизнедеятельности модуля, в количестве шести киловатт-часов в сутки. Советую тратить ее разумно.

АВТОР Владимир Голубев, 1954 г.р., живет в Рязани. Учился в Рязанском радиотехническом институте. Много лет работал радиотехником в «Аэрофлоте», имеет три десятка авторских свидетельств в области радиотехники и еще больше незарегистрированных рационализаторских работ. Литературным творчеством занимается полтора года. И как итог — четыре публикации (из них две в журнале Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век»). В «Уральском следопыте» дебютирует.

Официальный инструктаж закончен. Вы можете задавать вопросы.

— Какие уж тут вопросы... я ничего не понимаю. Я просто огорашен. А вы кто?

— Я дежурный инженер Центра. Мое имя вам знать не обязательно. Завтра меня сменит другой. Вы можете задавать вопросы любому инженеру, круглосуточно, обращаясь к нему «Господин дежурный» или «Господин инженер».

Лицо на экране сменилось текстом. Джордж подошел и стал читать. Через пару минут, вздохнув, нажал красную кнопку «Ознакомлен». На экране появился список имен. «Я все равно никого из них не знаю», — подумал заключенный и выбрал первое попавшееся имя. Экран погас, только в углу светилась кнопка «Звонок». Он нажал кнопку, обернулся. На столе стоял желтый телефонный аппарат, старого типа, с давно забытым дырчатым диском. «Позвоню Тэдди, — решил он, — больше некому. Не маме же плакаться». Он сел, протянул руки к аппарату и застыл в изумлении. Это были не его руки. Он поднес руки к глазам. Фаланги пальцев были составлены из геометрически правильных цилиндров и усеченных конусов телесного цвета, абсолютно гладких. Ни следа волосков и папиллярных линий. Ногти просто нарисованы. Суставы отсутствовали вообще, и если сжать кулак, то можно увидеть ровные торцы фаланг.

— Первый раз это поражает, правда? Но привыкаешь быстро.

Джордж резко поднял голову. В камере стоял человек, одетый в джинсы, тапочки и мягкий свитер. Человек держал в руке папку. Не было ни грохота ключей в замке, ни скрипа открываемой двери. Вид у человека был домашний, скорее даже затрапезный. Он был нечесан, а брился, наверное, не ближе трех дней назад.

— Кто вы? Как вы вошли?

— Я психолог. Вошел через дверь. Призван помочь вам адаптироваться. Можно сесть?

— Что вы спрашиваете! Я здесь не хозяин. Может, хоть вы объясните мне, что происходит?

— Для начала давайте договоримся: главное сейчас то, что вы живы. И на фоне этого главного мы с вами будем рассматривать все остальные события. Которые по значимости меньше. Хорошо?

— Ну... я не знаю. Конечно, хорошо, что я жив... и... но...

— Вот и отлично.

Психолог закинул ногу на ногу, достал сигарету. Его шлепанец качался на ноге.

— Вы курите? — спросил он. И, не дождавсь ответа, сказал: — Я закурю, вы не против? Да, мы же не познакомились. Меня зовут Честер Кинг. Можете называть док или просто Честер.

— Джордж Швайхард.

— Я прочитал ваши медицинские документы. Незначительные соматические болезни. Грипп, два пищевых отравления. Операция по удалению

вросшего ногтя на правой ноге... Мелочь, ерунда! А с психикой так вообще полный порядок. Вашему здоровью можно позавидовать. Ну, телесных недугов больше не будет, ибо нет самого их носителя. Так что все вот это, — он бросил папку на стол, — вам больше не понадобится. Давайте просто поговорим.

— Доктор, объясните, что тут... что вообще... я не нахожу слов.

— Джордж, да не волнуйтесь вы так. Вы подумайте, раньше как было: человек умер, и все. Безвозвратно. Хочешь или нет, тебя не спрашивают. Какая-нибудь глупая язва желудка уносила жизнь человека, у которого масса планов, который необходим обществу, я уж не говорю про родных. Ученые, композиторы, художники. Недописанные книги и картины. Незаконченные научные труды. Незавершенное воспитание детей. Да и просто недожитая жизнь.

Со смертью каждого, даже маленького, человека рушится целый мир! Смерть настигает людей спонтанно, дефект тормозной трубки, стоящей доллар, приводит к гибели человека, от которого зависит судьба тысяч. Смерть, эта необходимость эволюции, или, если хотите, порождение дьявола, была неуправляема. До недавнего времени.

Теперь же умерший, то есть его сознание, душа, если хотите, попадает в Корзину. Причем неважно, как, где и от чего ты умер. Твоя человеческая сущность сохраняется. Гарантированно. В Личностном Модуле. Надо всего лишь не реже трех раз в год сходить на синхронизацию, чтобы сохранить новые впечатления и мысли в своем Модуле. Чтобы он был вами, не отставал от вас. Только и всего! А можно и чаще. Хоть каждый день. Модуль-то ваш, личный.

Вот вы, Джордж, мучаетесь неизвестностью. А все оттого, что не ходили и не «сливали в ящик». Выходит, вы сами себя трижды обворовали. Ведь вы три раза пропустили сеанс? Знаю, знаю, что вы хотите узнать: почему вы умерли? Но я, к сожалению, всего лишь врач. Я хочу помочь вам адаптироваться в новой обстановке и не могу отвечать на вопросы, находящиеся в компетенции полиции. Так что вас больше всего беспокоит в новом облике: ваши руки?

— Нет, не руки. А долго мне здесь сидеть? И что потом?

— То, что вас интересует перспектива, уже хорошо. Люди, убитые горем, обычно равнодушны к будущему.

А что касается ваших рук, то знаете, виртуальный облик непривычен сначала, но у него масса достоинств. Долгая жизнь. Невозможность боли и болезней. Да много всего. Не надо есть, не нужен туалет. Не нужно тратить на одежду. Одна программа «Мировая мода» содержит десятки тысяч вариантов одежды. А стоит сущие гроши. Конечно, ваш облик смоделирован так, чтобы занимать меньше места в объеме памяти Корзины. У меня руки (он протянул ладони вперед) больше похожи на настоящие. И

суставы, и волоски. И линии на ладонях. Но я-то все это сделал за свой счет. Можно даже нанести папиллярный узор, причем соответствующий истинному. Но это уже дорого.

— Доктор, вы не ответили на вопрос.

— Джордж, вы же понимаете, что две недели сидеть так и так придется. А там — как решит суд. Мой вам совет: изучайте дело так, будто речь не о вас. Будто бы вы просто читаете детектив. Примерьте роль адвоката, прокурора, судьи. Ведь то, что ваш мозг, тот, живой, знал на момент смерти, не знает никто на свете, в том числе и вы. Не напрягайтесь. Извлеките из ситуации максимум удовольствия. Вы кем работали?

— Банковский служащий. Клерк.

— Работы было много?

— Невпроворот. То и дело сверхурочные. А когда Томас уволился, то я за него стал. И свою, и его работу делал, временно, пока искали другого. А потом босс, видя, что я справляюсь, предложил мне тридцать процентов к жалованью. Я, дурак, согласился. Никого брать не стали, а все навалили на меня. Так и работал, как мул на пашне, с утра до вечера, и часто без выходных. Расчеты на дом брал. Профсоюз не придерется! Вроде я в стоворе с боссом, а в сущности он на мне верхом катался. Платил он, конечно, хорошо, но и доставалось — будь здоров.

— А теперь переложите подушку, вот так, головой к двери. Валяйтесь на кровати, смотрите на облака. Устройте себе день счастливого лентяя! Просто отдохните. Ведь вы не отдыхали уже целую вечность.

— Вы думаете?

— Конечно! И еще совет: не звоните никому. Звонок вас скорее расстроит, чем утешит.

— Скажите, док...тор, а почему вы так одеты?

— Это виртуальный облик. Будто зашел сосед к соседу. Так для вас легче. Вам не нравится?

— Нет, нет, что вы, очень даже...

— Реально я человек. В костюме и белом халате. Побритый и причесанный. И никогда в жизни не курил. До свидания, если нет вопросов. Вы всегда можете связаться со мной через дежурного. Выше нос, Джордж!

Врач подошел к двери, постучал. Дверь бесшумно открылась и закрылась, выпустив его.

«А умывальника нет, — подумал Джордж, — и унитаза тоже. Мне уже никогда не попить воды. И не пописать».

Швайхард посидел на кровати минут десять, потом решительно взял телефон. Виртуальный палец точно вошел в отверстие диска. После трех гудков трубку сняли.

— Тэдди, это ты? Это Джордж. Какой, какой... Швайхард. Не узнал, что ли? Тэдди, я хотел... что? Что? Ну, раз так, извини. Прощай.

Трубка легла на рычаг. Прав был доктор, подумал он. А Тэдди хорош:

«Среди моих друзей нет воров и убийц. Знать тебя не хочу». Ну и хрен с тобой, обойдусь.

Он не заметил, как исчез телефон.

Джордж растянулся на кровати. За окном плыли облака. Ну что, в конце концов, они мне сделают? Я уже не человек, а снявши голову, по волосам не плачут. Облака успокаивали. Джордж не заметил, как уснул.

Его разбудила противная веселенькая музыка. Впрочем, на будильнике любая мелодия становится противной. «Что, уже на работу, — он проснулся, — ох, какая теперь работа...» Дежурный сказал:

— Подследственный Швайхард, подъем. Визит адвоката.

В камеру вошла молодая женщина! В зеленой блузке и классической черной юбке до колен. Прическа — уложенные косы. Джордж опешил, потом

инстинктивно оцупал подбородок. Щетины не было. «Брюки, наверное, как жеваные. Я же спал в них». Он, привыкший выглаживать безукоризненно, как требовала его должность, был смущен и обескуражен. Почему женщина?

— У вас нормальный вид, не беспокойтесь, — сказала она, — я ваш адвокат. Давайте знакомиться. Я Сара Вейдинг. Вы выбрали меня.

— Я не знал. В списке были только инициалы.

— Что не знали? Что адвокат женщина? Вы считаете, что мужчина был бы лучше? Вы можете заявить отвод, имеете право.

— Нет, нет, что вы, — он смутился, — не обижайтесь, мисс Вейдинг.

— Миссис. Я замужем. Займемся делами.

Она положила на стол объемистый портфель, села, подобрав юбку.

— Итак, мистер Швайхард, вот ваше дело. Собственно, мой визит предварительный, поскольку вы пока о деле ничего не знаете. Я вам его оставляю. Но сейчас я вам расскажу о нем кратко. Нам с вами надо выбрать концепцию защиты. В общем виде. Сегодня. А потом довести ее до приемлемого вида. Времени очень мало. Люди могут тянуть время, играя на действительных и мнимых болезнях. Врачи, обследования. Адвокат работает. У нас с вами такой возможности нет.

— Какая концепция, миссис Вейдинг! Я-то ничего не совершил! Меня судить просто не за что. Нет состава преступления.

— Состав преступления — это характеристика деяния, а не преступника. Погибли, включая вас, пять человек. Шестой тяжело ранен.

«Боже милосердный, нет!»

— Из них лично вы убили двоих. И тяжело ранили полицейского офицера. Неизвестно, выкарабкается ли он. Возможно, он перейдет в виртуальное состояние, что для вас будет означать еще одно убийство.

«Боже, нет, нет!!!»

— Я вам зачитаю кое-что... В общем, так: 7 мая 2036г., в полночь, вооруженная банда, состоявшая из трех человек, внезапно напала на охраняемый объект № 28, принадлежащий корпорации «Уорд стил». Главарь, Джордж Швайхард, бросил осколочную гранату в окно комнаты охраны. Из трех охранников двое, находившиеся там, были убиты на месте. Третий, Стив Ллойд, был в туалете. Он услышал взрыв и сразу вызвал полицию. Он включил наружные скрытые прожекторы, о которых вы, наверное, не знали, потому что оказались прямо в центре светового круга. Ллойд первой же очередью убил вашего сообщника Ральфа Кратчли, вам же двоим не давал уйти до приезда полиции. Поскольку объект находится за городом, далеко в поле, полиция приехала только через сорок минут. За это время вы и Виктор Бод неоднократно стреляли в прожектор, но попасть не могли. Его излучатель имеет размер полтора дюйма. Вы пытались прорваться к входу,

но Ллойд пресек вашу попытку. Вы бросили еще две гранаты. Стальная дверь выдержала. В 0.45 прибыл спецнаряд полиции. На предложение сдаться вы и Виктор Бод стали стрелять в сторону полицейских. Вам трижды предлагали сложить оружие. Но вы продолжали бессмысленное сопротивление. При этом тяжелое ранение получил офицер Джим Доусон. Тогда, в 1.43, был отдан приказ снайперу стрелять на поражение. В 2.03, выстрелом в сердце был убит Виктор Бод. После чего вам опять предложили сдаться. Но вы усугубили свое положение, решившись на самоубийство. И снесли себе полголовы из пистолета.

Дальше. Вот. Заключение баллистической экспертизы. Пуля, ранившая Доусона, принадлежала пулемету «Вальтер S3», который лежал около вашего трупа. Бод стрелял из «Узи-шарона». У Кратчли был только пистолет. Причем без обоймы.

Вот акты судебно-медицинского исследования трупов: Кратчли, Бода, Швайхарда.

Ну, и, наконец, обвинительное заключение. Это вы сами читаете.

Такие вот у нас с вами дела. Что скажете?

— Да какая разница! Что там сделал человек Швайхард! Я-то тут при чем?

— А при том. Вы, будучи человеком, трижды уклонились от синхронизации. Почему? Целый год вы, получается, готовились. Ну, как еще объяснить? Поймите, суд не примет других версий. Уклонение — уже преступление. И вы это знали. Вы уже за год что-то знали. Мы с вами не сможем убедить судью, что до последней синхронизации вы были невинным агнцем, а сразу после нее превратились в козлице. Так не бывает. Вы что-то знали еще до считывания. Закон об обязательной синхронизации придумали не дураки. Он как раз направлен против таких случаев. Сейчас мы бы знали хотя бы мотив. А вы загнали ситуацию в тупик.

Она помолчала, потом сказала:

— Хоть бы стреляли бы в сердце! А то ведь в голову! Вас даже следователь не допрашивал. Никакого смысла.

Джордж неожиданно для себя улыбнулся:

— В следующий раз я так и сделаю...

— Дело тяжелое, а вы смеетесь.

— Миссис Вейдинг, а что такое «объект № 28»?

— Трехэтажное здание, в поле, семьдесят километров от Портленда, в сторону от дороги номер... номер... не помню. Да не важно. Его построил пять лет назад владелец сети игорных заведений, для загородного развлекательного центра. Но у него что-то не получилось, и почти готовое здание забросили. Год назад его приобрела корпорация «Уорд стил». Здание с тех пор строго охранялось. Иногда туда что-то привозили, и охрану увеличивали до пятнадцати человек. А когда груз увозили, то оставалось трое. Это сведения, предоставленные «Уорд стил». О характере хранимого они, ссылаясь на коммерческую тайну, говорить категорически отказались. Сообщили

ли, что груз имеет все необходимые экологические документы и никакой опасности не представляет.

— Что-то очень ценное?

— Также неизвестно. Но уж наверняка не туалетная бумага.

— Ну, вот и вы улыбнулись.

— Ладно, мистер Швайхард, расскажите лучше о себе. Может, что-то придумается.

— Да ничего интересного. Школа, колледж, бейсбол. Потом захотелось посмотреть мир, а заодно и денег заработать. Подписал контракт с военным флотом. Пять лет служил на авианосце «Тикондерога».

— Простите, а в какой должности?

— Кладовщик-учетчик склада вещевого имущества.

— Понятно. Поэтому вы и не смогли отличить осколочную гранату от газовой.

— Как это?

— Модули Бода и Кратчли на допросах в один голос утверждают, что вы говорили, будто гранаты газовые, усыпляющие. Что охрана не пострадает. Просто заснет. А вы один спокойно зайдете, нажмете кнопку, и все. И ваши лица даже никто и не увидит.

— Какую еще кнопку?

— Они говорят, шестую. Кнопку номер шесть. Но рассказывайте дальше. Что вы делали после службы?

— Я совершил самую большую глупость в жизни. Я женился. Простите.

— Ничего. Что потом?

— А, одно расстройство. Она оказалась просто пустышкой. О детях слышать не хотела. Для нее замужество стало очередным приключением. Но красива — просто жуть. Я не могу устоять перед красивой девушкой. Прямо бес какой-то вселяется. Готов на все. Ну, а когда мои денежки кончились, она просто ушла, и все тут. Разводились по почте. Тоска. Надо было куда-то устраиваться. Идти опять служить я не хотел по одной причине: там почти нет женщин. Хотя платили более чем неплохо.

Меня, как ни странно, увлек учет. Которым я занимался на флоте. Стройность и сложность системы. И даже казуистика привлекательна. Я поступил на курсы бухгалтеров. Учился легко и с удовольствием. Преподавателей просто приводил в восторг. Один из них и помог мне устроиться в банк, где я наверняка стал бы старшим клерком, а то и главным бухгалтером. Если бы не эти события. Вы знаете, бухгалтер — это властитель системы, которую никто не понимает, а в центре ее находится самое главное в любой деятельности — деньги. Я вам скажу более...

— Не увлекайтесь. Срочная ревизия в вашем банке выявила подлоги, совершенные вами. Вы обворовали ваш банк на сумму двенадцать тысяч триста семьдесят три доллара. Это было в конце апреля тридцать шестого. Скорее всего, на эти деньги вы купили оружие.

— Не может быть! Я никогда... я всегда точно и честно... я и в мыслях не имел...

— Это факты, Швайхард. Упрямая вещь.

— Час от часу не легче. Но, по сравнению с остальным, это детские шалости.

— Так вот, картина у нас вырисовывается следующая: третьего мая тридцать пятого года вы прошли сеанс считывания. Вскоре после этого в вашей жизни что-то резко изменилось. Целый год вы готовились. За этот год вы совершили два преступления: уклонение от считывания и кража денег в банке. Все это вы проделали только для того, чтобы проникнуть на объект номер двадцать восемь и там нажать кнопку номер шесть. Так?

— «Это ты сказал, — ответил Христос Пилату».

— Скажите, у вас в роду не было наследственных психических заболеваний?

— У меня только мать. И она здорова. Отец давно погиб. В катастрофе. В машине. Я его почти не знал.

— Думаю, защиту надо строить по этому принципу. Внезапное психическое расстройство. Конечно, ваш модуль проверялся на психику, программными методами, но они официально информативны только на восемьдесят процентов. Тут вот и есть для нас лазейка. Целых двадцать процентов!

— И что это даст?

— Изменение вашего статуса. Если суд признает вас психически больным, то вы освобождаетесь от уголовной ответственности. Вы будете помещены не в тюрьму, а в виртуальную больницу. Пожизненно, конечно. Но других сроков все равно не будет, а там режим все же помягче. Даже разрешают быть наблюдателем в Сети. А это почти что амнистия. Если удастся это сделать, я буду считать процесс выигранным. Поверьте, это лучший вариант. Я сейчас ухожу, а вы почитайте дело.

Она, оставив портфель на столе, пошла к двери. Обернулась:

— До свидания, мистер Швайхард.

— До свидания, миссис Вейдинг.

Джордж долго смотрел на закрытую дверь. «Эх, с тобой бы встретиться в другой обстановке. И заняться другими делами».

Он открыл портфель и достал пухлую папку.

Дело № 67805/16

США против Джорджа Швайхарда.

США против Ральфа Кратчли.

США против Виктора Бода.

Он пролистал дело, прочитал его «по диагонали», и открыл последние страницы:

Обвинительное заключение.

Джордж Швайхард обвиняется в следующих преступлениях:

§1. Злостное уклонение от синхронизации.

Обвиняемый Джордж Швайхард (в дальнейшем — Обвиняемый) умышленно уклонялся от синхронизации в период май 2035 г. — май 2036 г., трижды пропустив обязательное считывание данных, что является нарушением ст. 657, п. «А» Уголовного

кодекса штата Мэн и наказывается тюремным заключением сроком до шести месяцев или штрафом до пяти тысяч долларов, с принудительной синхронизацией.

Ввиду того, что преступления, перечисленные ниже, были совершены обвиняемым в мае 2036 г., упомянутый выше период обвинения вправе считать временем их подготовки, что исключает любое толкование нижеупомянутых деяний иначе, как умышленных.

§2. Подлог банковских документов.

Обвиняемый в апреле 2036г. совершил должностное преступление, подлог банковских документов, после чего перевел на фиктивный счет и получил наличные деньги в количестве 12373 доллара. Это преступление, согласно ст. 376 УК штата Мэн, наказывается тюремным заключением на срок до восьми лет.

§3. Создание преступной группы.

Обвиняемый создал и возглавил преступную группу, в которую, кроме него, входили Виктор Бод и Ральф Кратчли. Это преступление предусмотрено ст. 116. п.1 УК штата Мэн и наказывается тюремным заключением сроком до пяти лет в тюрьме строгого режима.

§4. Незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия.

Обвиняемый незаконно приобрел и хранит следующие единицы оружия:

1. Ручной пулемет «Вальтер S3». Зав. номер неизвестен (уничтожен).
2. Пистолет-пулемет «Узи-шарон». Зав. номер 5463.
3. Пистолеты «Кольт» в количестве три шт. Зав. номера: 24841, 78530, 96741.
4. Гранаты ручные, осколочные, китайского производства, в количестве пяти штук.
5. Патроны — 3656 шт.

Данное деяние, согласно ст. 86 УК штата Мэн, наказывается заключением в тюрьму сроком до восьми лет.

§5. Обвиняемый организовал и совершил нападение на объект № 28, с неизвестной целью. При этом лично убил двух сотрудников охраны, Дэна Макмагона и Фрэнка Гэджа, и тяжело ранил полицейского офицера Джима Доусона. Это преступление, согласно ст. 161 УК штата Мэн, наказывается пожизненным заключением.

§6. Обвиняемый, увидев, что налет отражен, оба его сообщника убиты и скрыться ему не удастся, выстрелил себе в голову из пистолета «Кольт», № 78530, чем привел её в полную негодность для считывания данных. Самоубийство с целью ухода от ответственности, в случае угрозы пожизненного заключения, наказывается, согласно ст. 676 УК штата Мэн, высшей мерой — пожизненным виртуальным

существованием без права амнистии во всемирную Инфорсеть и без права на добровольный переход в состояние вечного небытия (смерти).

§7. Генеральный прокурор штата Мэн считает необходимым, по совокупности преступлений, назначить личностному модулю обвиняемого Джорджа Швайхарда высшую меру наказания.

Джордж убрал бумаги в портфель, поставил его под стол и задумался.

«Гранаты? Да я их и в глаза не видел. На флоте нет гранат. Куда их там бросать? Противник за горизонтом. Может, они и есть у морской пехоты. Наверняка есть. Так они пехота, а не матросы. Для них флот просто транспорт. К месту боя. Но если я бросил гранату, считая, что она газовая, то, значит, убивать я не хотел. Произошла ошибка. Нет, меня обманули! Ведь продавец гранат не мог не знать, что они осколочные! Только какая теперь разница! Его не найти, того продавца. А

и найдут, что толку? Убийства на него не повесишь. Наказать за обман покупателя? Смех...»

Приговор:

Верховный суд штата Мэн приговорил:

Личностный модуль Джорджа Швайхарда — к пожизненному виртуальному существованию, без права общения с внешним миром, без права амнистии в Инфорсет, без права на добровольный переход в состояние небытия (смерти). С правом общения с заключенными виртуальной тюрьмы г. Портленда, штат Мэн.

Личностный модуль Ральфа Кратчли — к шести годам тюрьмы с правом телефонного общения с внешним миром, без права на добровольную смерть, с правом наблюдателя в Сети. К нему будет применено принудительное аппаратное лечение от наркомании.

Личностный модуль Виктора Бода — к тринадцати годам тюрьмы, с принудительным программным лечением от наркомании, без права на добровольную смерть, без права на общение с внешним миром, без права на амнистию.

Удар деревянного молотка.

— ДЕЛО ЗАКРЫТО!

«Ничего у миссис Вейдинг не получилось. У Сары. Судья и слушал-то ее ради протокола. А она красивая. Да ладно, чем дольше сидишь без женщин, тем ниже критерии красоты. Небось, в лучшие времена я бы и не обернулся на такую. Вообще-то она ничего, только лодыжки толстые. Тонкие лодыжки придают изящность скаковым лошадям и женщинам. А ей лучше в брюках».

Джордж повернулся на другой бок.

«Нашелся знаток. Кутюрье! Она, небось, устала уже в брюках ходить. Надоело ей. А юбку надеть — стесняется своих толстых лодыжек. Она хоть здесь, в виртуальном мире, она от брюк отдыхает. Женщиной себя чувствует. И никто не видит, кроме нас, бедолаг. А нам или все равно, или не до этого.

А Ральф-то с Бодом, оказывается, наркоманы! За порцию гергаша мать родную продадут. То-то они согласились на такое гиблое дело. Я им денег, оказывается, обещал! По пятьдесят тысяч! И даже аванс дал по пять штук! Где взял — вот вопрос. Тех, что я украл в банке, хватало только на оружие.

Ральфу меньше всех дали. Правильно, он же ни одного выстрела не сделал. И у него был только пистолет. Без обоймы. Он, оказывается, ее по дороге выбросил! Вот скотина! А Бод стрелял. В полицейской машине нашли пули от его «Узи». А я... да что там... И умереть не дают, гады. Ну что им от моей жизни... Да и не жизнь это, а существование. В приговоре так и сказано: пожизненное виртуальное существование. Все здесь смоделированное. Только страдания настоящие.

Зато Ральфу лечение аппаратное назначили. Это в модуле ковыряться будут. С паяльником. Ха-ха. Тут без боли не обойдется. А Виктору программное. Просто походит на процедуры, да и все дела.

Ночью хуже всего. Сон не сон. Явь? Тоже нет. Вроде приходит кто-то.

Он пришел во сне. И начал разговор.

— Здравствуйте, Джордж. Вы были отличной куклой. И, по традиции нашего Клуба, вам пора познакомиться со своим кукловодом.

Человек был ничем не примечателен, разве что очень подробно смоделирован. Были видны поры на его коже и отдельные ворсинки на костюме. «Это жутко дорого, — машинально подумал Джордж, — если он и сзади такой же». На лацкане у него был значок, изображающий руку с идущими от пальцев нитями.

— Я тебе не кукла. Я человек. И вообще, ты мне снишься. Сюда никто проникнуть не может. Это особо охраняемая тюрьма.

— Друг мой, во-первых, нет тюрем без побегов. Бежали даже из Алькатраса, а он вообще на острове. Во-вторых, охрана тюрем рассчитана на побег изнутри гораздо больше, чем на проникновение снаружи. В-третьих, дыры есть в любом заборе. Я нахожусь в одном из уровней вашего подсознания, который ваши церберы не контролируют. Как я сюда проник — не важно, важно, что я могу для вас сделать. Но прежде вы меня выслушаете. Вы же хотите знать, что с вами произошло на самом деле?

— А ты... то есть вы кто?

— Я же сказал. Я ваш кукловод.

— Кукловод? И вы все знаете?

— Я все это придумал! И, если вы хотите знать правду, не перебивайте меня. В реальном мире этого не смеет никто.

Джордж мысленно пожал плечами.

— Мне уже все равно. Но я послушаю.

— Задумывались ли вы когда-нибудь о жизни богатых людей? Вы не представляете, каково им. Богатый человек подобен оленю, охраняющему свой гарем от других самцов. Он вынужден драться с каждым претендентом на его самок. Это совершенно выматывает. Он не ест сочную траву, которой полно. Ему просто некогда. Олень, оплодотворив своих самок, умирает от истощения. Так же и богатые люди вынуждены оборонять свой капитал от бесчисленных конкурентов, родственников, разных кровопийц вроде налоговых органов и благотворительных фондов.

У богатых людей нет друзей, потому что дружба — удел бедняков. Самодостаточному человеку дружба только мешает, ибо она есть комплекс бесплатных нудных обязанностей, которые всегда не ко времени.

То, что прощают другим, нам никогда. Потому что всем кажется, что можно ни за что получить деньги. Нас постоянно дергают на судебные процессы, при-

ходится содержать армию вампиров-адвокатов. Я не говорю уж о шантажистах, папарацци и сумасшедших, для защиты от которых приходится опять же содержать армию, но уже охраны.

А журналисты! Эти люди, с повадками пятнистых гиен, не брезгают ничем. Они преследуют нас днем и ночью, везде и всюду, от них нет спасения. Они готовы на все за свой вшивый тираж. Они поместят на первую страницу отпечаток моего ботинка, если на нем найдутся следы кошачьего дерьма... И даже собственные дети, когда вырастают до определенного возраста, задаются вопросом: а если папа умрет, будет плохо? Или хорошо?

Я уже не говорю о женах. Их, как правило, бывает несколько, и... Это особая статья, и я не хочу об этом... Нервы всего этого не выдерживают. А врачи тут как тут: они старательно культивируют наш стресс, так как для них он является кормушкой.

— И что из этого?

— Нам нужен отдых. Все эти Ривьеры, пляжи, Лас-Вегас, это не для нас.

Это для сравнительно бедных миллионеров. Гольф-клубы, яхт-клубы, сафари. Все надоело до чертиков. Полеты на орбиту... Экзотика, вроде поедания мозгов живой обезьяны... Нам нужен какой-то особый вид отдыха, тем более что в деньгах практически нет ограничений.

Я говорю о действительно богатых людях. Таких, как я, в мире не более тысячи. А в Клуб Кукловодов входят уже тридцать два человека. Помимо вступительного взноса в двадцать миллионов, нужны еще рекомендации. Самых серьезных людей. И ставки в каждой игре. По миллиону.

— Простите, я-то здесь при чем? Я же был беднее церковной мыши, а сейчас вообще никто.

— Вы герой дня. Ваше самоубийство — настоящее произведение искусства. Я получил истинное наслаждение. Не говоря уж о выигрыше в двадцать пять с половиной миллионов, если вы... но не будем забегать вперед.

— Вы что, все это подстроили? А я, как марионетка...

— Вот-вот! Вы начали что-то понимать. Именно марионетка! Но не все так просто. Слушайте дальше. Это очень интересно. Заседание Клуба бывает раз в год. Обычно в марте. После вступительной части прошлогодние игроки предъявляют результаты. Успешные получают выигрыш. Потом проходит розыгрыш новых игр.

На стол ставится два серебряных ведерка. В одном имена кукол. Во втором задания для кукол. Бумажки в золотых гильзах. Новые игроки берут по одной. Имя и задание. Случайный выбор. Лотерея.

— А имена, это что, люди?

— Ну, конечно! Обыкновенные люди из телефонного справочника. Будущие куклы.

— А задания?

— Разные. Жениться, например. Или развестись. Что-то совершить. Преступление. Или подвиг. Разбо-

гатеть. Разориться. Есть задания курьезные и оттого сложные. Убить льва. Построить круглый дом. Съесть левое ухо бегемота-самца. Поцеловать сенатора от штата Орегон. Смех! Хорошо, если сенатор — женщина. А если нет...ха-ха-ха!

— Так-так. И что же дальше?

— Дальше просто. Кукла должна выполнить задание в течение года. Не зная, разумеется, что ее ведут. Кукловод не может делать две вещи: нарушать закон и входить в контакт с куклой. То есть напрямую подкупать ее или запугивать. В том-то и прелесть игры. Кукла должна сама прийти к выводу о необходимости нужных кукловоду действий. Самоубийства, как в вашем случае. Вам просто не повезло с заданием. Но все было бесподобно! Стрельба, гранаты! Куча полиции! Прожектора в ночи!

— Какая подлость! А говорите, нельзя нарушать закон!

— Вы, Джордж, невнимательны. Это запрет для кукловода, но не для куклы. Наши методы исключительно законны.

— Негодяй! Это доведение до самоубийства!

— Кто вас принуждал к самоубийству? Я? Или, может, окружившие вас полицейские? Закон не рассматривает длинные цепочки поступков, которые вы совершали добровольно, как доведение вас до самоубийства неким лицом.

— Все равно, в результате ваших действий погибли люди! Это ваше место в тюрьме, а не мое!

— Глупости. Следуя вашей логике, надо, к примеру, пересаживать всех производителей сигарет. Ведь от курения умерли миллионы человек. Но люди курят добровольно. У них всегда есть выбор: курить или нет. Перед каждой сигаретой. Как был он и у вас. Перед каждым преступлением.

— То есть я погиб ради вашего развлечения? Кто дал вам право играть судьбами людей?

— Не кто, а что. Большие деньги. А насчет судьб — не преувеличивайте. Наш Клуб — всего лишь бледная тень великих кукловодов. Чингисхан, Адольф Гитлер, Иосиф Сталин... они действительно вершили судьбы. Миллионы кукол умирали. Добровольно и с восторгом! Куда уж нам...

— Ваш клуб надо переименовать в Клуб Зажравшихся Негодяев! Так будет ближе к истине.

— Джордж, я хочу вас предупредить: будьте предельно осторожными в употреблении бранных слов. Потому что игра еще не закончена.

— Плевать я хотел на ваши советы! Мне терять уже нечего.

— Ошибаетесь. У вас есть жизнь. Пусть в виде модуля, это не суть важно. Так вот, по правилам Клуба, самоубийством считается добровольный переход не в Корзину, а в состояние вечного небытия, то есть смерти. И вы умрете. Причем добровольно. И, возможно, очень скоро.

— Я не хочу умирать!

— Естественно. Но судьбу куклы решает кукловод. Я же не могу предстать перед Клубом с недо-

выполненным заданием! Мне и так дали лишних три месяца, ввиду его сложности. Так вот, в ваш модуль, сразу после получения задания, была введена программа стирания личности, которая

запускается неким бранным словом. За две секунды до стирания вы услышите щелчок. Вы успеете понять, что произошло.

— И каким же? Каким словом?

— Я не могу сказать, глупец! Вы же после этого умрете. Я не хочу быть убийцей. Вы должны сами. Только, пожалуйста, после моего ухода. А пока держитесь от брани.

Джордж вдруг успокоился.

— Ладно. Расскажите, как вы это сделали. Кукла может узнать?

— Да, да, разумеется! Конечно! С удовольствием! Вас поймали на вашей любви к красавицам. К вам послали Шейлу, мою сотрудницу. Она психолог, окончила университет и специальные курсы по психологии влюбленности. Пластическая операция превратила ее в обворожительную юную особу. Стоило ей чуть-чуть покрутить задом... в общем, вы заглотили наживку вместе с крючком, поплавком и половиной удилища. Я не знаю, что уж она с вами делала, но через месяц водила вас, как теленка на веревочке. А дальше — дело техники. Первым делом убедила отказаться от синхронизации. Потом подобрали двух наркоманов-гергашистов, готовых на все... ну, дальше вы знаете.

— А кнопка номер шесть?

— Вы еще не догадались? Нет никакой кнопки. Просто вам был обещан рай земной, а также и небесный, плюс большие деньги, если вы нажмете эту мифическую кнопку. И указано, где ее искать. И даже выдан аванс, который вы отдали наркоманам в качестве задатка. Дело было абсолютно невыполнимое, но вы на него пошли, не колеблясь! Я горжусь, что придумал такую хитрую комбинацию. И точно пришел к цели.

— Вы просто редкостный подонок... А гранаты?

— Швайхард, осторожнее с выражениями! Я не хочу присутствовать при вашей смерти. Что — гранаты?

— Я, выходит, думал, что они газовые, а они были осколочные! Я не хотел убивать!

— Я тоже сначала не хотел смертей. За каждую смерть Клуб штрафует игрока на миллион долларов. А за каждого раненого — на пятьсот тысяч. И теперь я, вместо приза в тридцать один миллион, получу всего лишь двадцать пять с половиной! На гранатах, между прочим, было ясно написано, что они осколочные. Надо было прочитать!

— Ясно?! В деле сказано, что они были китайские! Я не читаю по-китайски!

— Надо было перевести! Информация о гранатах написана на гранатах. Что вам еще нужно? Моя совесть чиста!

— Совесть? Этот гад говорит о совести? А штрафные деньги? Куда они идут?

— Как куда? В фонд Клуба, разумеется.

— Отдайте их семьям погибших. И помогите раненому.

— Ах, какое трогательное милосердие! У меня сейчас слезы потекут! А кто гранату бросил, часом не вы, а?

— Гранату бросил ЧЕЛОВЕК Швайхард. И стрелял он же. Я — не он. Неужели никому это не понятно?

— Понятно. Обман состоит в том, что происходит подмена: сознание ЛМ не есть сознание человека. А всего лишь более или менее полная копия. Человек умирает сразу и бесповоротно, как и раньше. Он — не модуль. И поэтому судить модуль за то, что совершил человек, нельзя. И законодатели это прекрасно понимают.

— Почему же тогда...

— Очень просто. Такая система эффективна. Преступность, особенно тяжелая, резко снизилась. Любой отморозок теперь знает, что ему не удастся уйти от ответа, пустив пулю себе в лоб. Простите, я не имел в виду вас... Общество создало действующую модель Страшного Суда. Вот она-то и пугает хуже смерти. Потому что население в своей основной массе... как бы это сказать... темное, как в средние века. Темное до дремучести. Человек, имеющий компьютер последней модели, платит колдуну за предсказание судьбы. Ну, что тут скажешь? Эрудиция и интеллект, к сожалению, пока еще достояние очень немногих. Хотя процент и растет.

— Да, господин Кукловод. Вы, конечно, эрудит. И, без сомнения, интеллектуал. И при всем этом утонченный садист. Джек-Потрошитель. Я завтра же потребую адвокатов, журналистов, не знаю, кого еще. И все расскажу. Всем!

— Конечно, расскажите. Выпустите пар. Ваши ночные бредни с удовольствием выслушает мистер Кинг. Так, кажется, зовут вашего тюремного психиатра? Но и ваша смерть еще не конец игры. Я должен представить в Клуб отчет. Я долго думал, как его сделать оригинальным и интересным. И придумал. Отчет будет оформлен в виде фантастического рассказа. Причем написанного не у нас, не в Америке. Автора мне любезно подсказал один член Клуба, русский.

Это один старик, фантаст-любитель. Некто Голубефф. Живет под Москвой, в городе Рузан... или Разань, не помню эти русские названия. Ему уже за восемьдесят, но он еще пишет неплохие рассказы, и его с удовольствием печатают небольшие провинциальные журналы. Вот он и напишет отчет о моей блестящей игре с куклой в виде рассказа. Это и будет точка в деле. В каждом деле нужна хорошая, знаете ли, такая жирная точка.

— Ага, вот это и будет документальное свидетельство ваших подлых дел! И если рассказ прочитает умный журналист, то можно раскрутить эту историю и вывести вас на чистую воду!

— Не смешите меня! Кто ж у нас на Западе читает русскую фантастику? У нас своей навалом! Прощайте, мистер Швайхард.

Кукловод исчез. Джордж вскочил с кровати. Воздев сжатые кулаки к небу, крикнул:

— Сволочь!

И услышал щелчок.

Ханты — Айпины, Лейковы, Тылчины

Куда только не забрасывает нас работа. Жил себе тихо-мирно, никого не трогал. И на тебе! Срочно надо выехать в Нижневартовский район Ханты-Мансийского округа Тюменской области для описания природных комплексов проектируемого историко-культурного заповедника «Эвут-Рап».

Жизнь наша в последнее время бурлит так сильно, что не успеваешь оглядываться и реагировать на происходящее вокруг тебя. Каких только биосферных, национальных, природных, археологических парков, заказников и заповедников не создают и не разрабатывают на Урале и в Сибири, и каждому из них нужны первичные описания, обоснования и т.д. и т.п.

Вообще-то задача ясная и понятная, если говорить простым языком, то звучит так. Описать рельеф, воду, лес, кусты, траву, животных и воздействие человека на них, любого, даже если этот человек местный и живет в этой природе постоянно, а короче говоря является ханты.

Компания биологическая и разношерстная. Начальник — женщина: а именно Ирина Анатольевна Кузнецова, специалист по млекопитающим и ... природным охраняемым территориям. Работает в солидном научном учреждении — Институте экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук. Подчиненные мужики: Игорь Горячев — лесовод и дендрохронолог, я — педагог-эколог (оба из этой же конторы), да еще затесался среди нас преподаватель Нижнетагильского пединститута — Андрей Петров, который специализируется по диким копытным животным. Ханты-то оленеводы и охотники, поэтому он здесь. Вот и весь состав экспедиции в дебри Западной Сибири.

Интересное это место, куда несет нас судьба. Давным-давно я уже работал в этих местах, страшно вспомнить, аж в 1988 году. Среднее течение реки Аган! Леса, болота, песчаные дюны. Геологи, машины, буровые вышки, нефть, разбитые дороги, сожженные леса. Реки большие и малые, просторные и забитые завалами до безобразия. Кстати, название «Аган» от «Еган», в переводе с хантыйского — река. Просто — крупная река. Мелкие реки и ручьи называются по-другому. Здесь находится поселение коренных жителей — хантов и лесных ненцев — поселок Варьеган. В переводе — Запорная река.

Шесть сотен жителей (2/3 этнических), современные деревянные и кирпичные малоэтажные дома, для отдельных семей, построенные по национальным программам. Школа-интернат с национальным уклоном, поселковый этнографический музей, администрация (отдел по работе с коренным населением). Кто-то живет тут, а кто-то... в лесу! В так называемых родовых угодьях! Дожили! Наконец-то у леса (по-русски — у земли) появился хозяин. И хотя с точки зрения закона, подзаконных и прочих актов, юридически, не все еще утрясено и ясно, но начинать хозяйствовать в лесу (или еще где) уже пора. И надо делать это постепенно, а не по приказу. Раз-два! Как наламываются дрова из этого «раз-два», это мы уже знаем! Проходили и в нашей истории, и в нашей жизни!

Для начала местные власти вспомнили, кто на каких территориях жил, какие рода. Где Айпины, где Тылчины, где Лейковы. Выяснили, кто будет жить, а не числиться на этих землях, и... запустили процесс лесного заселения людьми и оленями. Достаточно

Музей в п. Ватъеган

Интерьер летника

удобное местечко оказалось в 50 километрах западнее и ниже по течению реки Аган. В междуречье его правых притоков, рек Ватъеган и Егурьях. На топографических картах 20–30-х и почти до наших дней весь этот участок усыпан топографическими значками: летник такого, зимник такого, юрты такого. Жили люди. И теперь будут жить. И живут! Вот туда нам и дорога. Почему? Да потому, что несколько лет тому назад археолог К. Карачаров открыл-нашел в этом районе массу древних средневековых археологических городищ – стоянок. Так что «свято место (удобное место) пусто не бывает»!

Для начала внимательно изучаем внутреннюю (в музее) и наружную (архитектурную) экспозиции музея. Наружная оказалась особенно интересной. Вот лабаз, вот летнее жилье – летник, вот зимнее – зимник. Отличаются! И с конструктивной, и с рационально-жизненной стороны. Вот загон для оленей, ледник, святилище и даже... лабаз для костных отходов. А про конструкции охотничьих ловушек и говорить нечего. Разнообразие! Что-то было разобрано в тайге и привезенно сюда, что-то новодел. Но больше всего поразили печки в домах (чувалы). Мне такого видеть на приходилось. Из деревянных жердей, обмазанных глиной! Вот это этнография! Как выяснилось позже, все, что мы увидели тут, работает в тайге и сейчас, кроме... печек. Они теперь железные – «буржуйки».

Печь-чувал

Игрушки

Вход в зимник

На «Ниве-шевроле» с молодым ханты в качестве водителя, нас везут в местные родовые угодья. Километров через 50 подезжаем к первому летнику. Он не музейный, а реальный. Жилой! Сергей Васильков, который здесь живет, выполняет тут роль, схожую у нас с председателем колхоза. Молодой, деловой. Сейчас ему не до нас, у него своих дел хватает. На базе его летника проходит детская лингвистическая полевая школа из окружного центра. Из Ханты-Мансийска. Но договоренности были, и особых проблем для нас не ожидается. Немного бесед и разговоров за чаем, и на той же машине по песчаным разбитым дорогам углубляемся в лес.

С интересом рассматриваем мелькающие за окном пейзажи, на карте сразу же делаю пометки об увиденных интересных местах. Это надо посмотреть детальнее, это описать точно. Уже работаем. Дорога постепенно становится малоезженной, и наконец останавливаемся на краю огромного болота. Увы, дальше до места нашего базирования со всем грузом только пешком и только в болотных сапогах. Вдыхаем. Нагружаемся и идем вперед. Куда тут деваться, работа такая. Через полкилометра выходим на сухую песчаную гриву. Тут летнее хозяйство (летник) Дмитрия Айпина. Нас сдают ему.

Его жилье — на 100% как в музее. И архитектура, и размеры, и топчаны, и столик с лавками в том же углу, и только печка — «буржуйка». Чай, жареная рыба, долгое молчание, и... нас опять ведут дальше.

«Жить будете в километре отсюда», — неторопясь говорит Дмитрий. — У Вас будет свой летник. Прокopies с семьей сейчас в Ватьегане, так что будете хозяевами целого дома!»

И. Кузнецова демонстрирует хантыйскую игольницу

А. Петров и Н. Ерохин описывают болото

Матушки, батюшки! Опять дом как в музее, опять стопроцентное сходство, но теперь мы на некоторое время полные хозяева этнографического дома! Как в кино, как будто углубились в прошлое лет на 100—200. Сдвигаем шкуры, развешанные на веревках, раскидываем спальные мешки и пенки. Садимся, некоторое время сидим ошарашенные от свалившегося на нас полевого счастья. Нас окружает крыша, чистота, теплота, сухость и отсутствие летающих з-з-з-з.

К хорошему привыкаешь быстро. Бытовые заботы начинают занимать свое должное место. Ужин. Планирование работ на завтра и прочее, прочее.

День за днем — маршруты, маршруты. Пешие, на моторке, на машине. Разве что на оленьих упряжках не перемещались. А жаль! Каких только природных объектов не насмотрелись и не написывались. А этнографических и исторических объектов!?

Ну например! Развалины (остатки) священных амбаров. В долине святой реки Неух, ближе к ее устью, археологом Константином Карачаровым было найдено с полдюжины разрушенных святых амбарчиков. Разрушенных, и увя, не природой и временем, а человеком, «буровиком-геологом». Следы стоявшей рядом с ними буровой вышки уже двадцать лет не может залечить матушка-природа. Хотя, честно говоря, лет через 20—30 она возьмет свое. Лес восстановится, вырастут мох, ягоды и трава, вот только руины разрушенных лабазов окончательно рухнут и уйдут в землю, а в целом виде они могли стоять столетия.

Древние торфяники. Во время лодочного маршрута к урочищу Айпинские Юрты неожиданно для себя увидели высокий песчаный береговой обрыв. На карте отметка 10 метров, а тут добрых 15—18. Форма высотных уступов-террас на нем и обнажившиеся толщи настоящего торфа, как немая книга, могут рассказать специалисту, что было в данной местности тысячу лет

Работы на древнем торфянике

Развалины двухэтажного священного лабаза

Лабаз летника Д. Айпина

Древний торфяник

назад, две или даже пять. Главное, найти такие места. Нам повезло. Обнаружили. С энтузиазмом ползаем почти по вертикальной песчаной стене, прямо под нависающими козырьками коричневых пластов торфа. Из его толщи торчат куски древней березовой коры и корневые лапы сосен, когда-то растущих на болоте. Внимательно осматриваем содержимое между прослойками торфа в его основании. И вот удача! Между двумя полуразложившимися листочками тростника, как между двумя листочками тетради, запечатан целый жук-плавунец, возраст которого три-четыре тысячи лет. Отличная находка!

Ловушка на медведя

Охотничьи ловушки. Периодически во время работы в тайге попадались ловушки-кляпцы. Устройство простейшее, но действенное. Сделано только из стволов деревьев. Ни гвоздика, ни веревочки. Часток или загородка из стволиков и жерди-давилки с деревянным сторожком. Ловушки на соболя и

Керамика с городища Эвуг-2

глухаря и на медведя однотипны. Особенность одна. Меняется только размер, да увеличивается диаметр и вес используемой древесины. Кстати, медведь хорошо идет на приманку из тухлой рыбы.

Средневековое городище. В другом месте, на вершине одного из речных меандров (изгибов), находим древнее укрепленное поселение с глубоким рвом и валом. Хотя оно и невелико по размерам 25х30 метров, но в осыпи обрыва быстро находим фрагменты керамики (разбитых глиняных горшков). Находки, скорее всего, средневековые, расписаны характерным давленным орнаментом. Увы, мы не первооткрыватели. Его несколько лет назад обнаружил ранее уже упоминавшийся екатеринбургский археолог Костя Карачаров. Он же и дал ему название. Городище «Эвуг-2».

Старые летники и зимники. Одной из наших задач был сбор костей в местах, где были поселения коренных народов. Дело это оказалось непростым. Никто из ныне живущих ханты не желал помогать нам в этом. Более того, они тщательно оберегали и скрывали свои костные помойки. А все поверья-суеверья. Нельзя никому отдавать черепа добытых животных, а на всякий случай и их кости. Отдашь череп, отдашь охотничью удачу! Вот так! Только к концу экспедиции наш проводник осторожно показал нам места, где были давным-давно заброшенные зимники, да и то не своего рода. Таким образом все же удалось изучить бывшие родовые поселения

Ловушка на глухаря

Михаила Айпина, Иосифа Лейкова и Галактиона Лейкова. Костей там мы собрали столько (медведи, лоси, северные олени, выдры и т.д.), что еле-еле сумели потом вывезти с собой. Часть из них даже пришлось промерять на месте и оставлять. А жаль, это ценный научный биологический материал.

Домашние олени. Почти все коренные местные жители держат стада северных оленей, у кого больше, у кого меньше. Дело это непростое, необходимо строить корали (загоны), делать ограды пастбищ, строить специальные стойла с дымокурами от гнуса и много еще чего другого. Для ханты олень, что для нас корова, однако в тайге они смотрятся очень красиво, гармонично. А для нас, горожан, это просто экзотика. За ними можно долго наблюдать и любоваться, все равно что смотреть на горящий огонь или текущую воду.

Средства передвижения. Современный ханты не дикарь, а вполне человек нашей эпохи. Правда, у него более обострено чувство единства с природой и своим прошлым. Основное средство передвижения у него летом не олени упряжки, а авто и мотоциклы, зимой — опять не олени, а снегоходы «Буран». На рыбалку выезжают на дюралевых «казанках» с нашими и японскими подвесными моторами. Настоящие, почти этнографические нарты у них, конечно, есть. Используются они, правда, более как грузовой прицеп. А вот настоящий облас (выдолбленную из целого ствола дерева лодку), мы так и не увидели. Обидно. В этих краях двадцать лет назад такую еще застал в пользовании.

Хантыйское кладбище. Случайно вышли на неотмеченное на карте кладбище. Вот уж поистине смесь христианства и язычества. Захоронения в прошлом

Разрушенная могила

у местных народов были воздушные. Разъясняю. Ящик-саркофаг крепился на деревьях. Там и оставался до естественного разрушения. Поэтому историкам и археологам сложно изучать погребальные обряды. Объекты не сохраняются. Найденное же кладбище было грунтовое, но и тут опять смесь традиций. Тело-то в земле, а пустой саркофаг с крестом на поверхности. В нем находятся «приклады», характеризующие погребенного. Стрелы для лука, весло или лыжи. Часть этих вещей мы смогли увидеть через проломы в крышках саркофага, удивительно напоминавшего по конструкции летники. Тут тоже не обошлось без вандалов, некоторые плахи были разрушены отнюдь не временем, а ряд конструкций был просто перевернут. Кстати, о крестах. К ним, как мы поняли, относились без особого знания и понимания, что и было отражено в их конструкции. Почти у всех поперечные перекладины были косые. Местные традиции!

Приклады в ларце

Патриархат. Мы не этнографы и посему особо семейную жизнь местных народов не наблюдали. Но того, что случайно или наскоком увидели, оказалось достаточно. Да простят меня женщины, у ханты достаточно жесткое деление обязанностей. Это должна делать женщина, а это мужчина. Объяснять подробнее, думаю, нет смысла. Кстати, в воспитании детей также не все привычно для нас, но это не наша тема.

И наконец, настоящее святилище. В один из маршрутов мы неожиданно вышли на действующее культовое место местных семей. Как будто сели на «машину времени» и попали в прошлое. Деревья, увешанные целыми шкурами северных оленей, жертвенные ткани, медные, бронзовые и железные котлы, черепа и рога, стрелы и культовые игрушки. Попались даже обломки бубна. Площадка делилась на четкие функциональные зоны. Тут разделяют жертвенное животное, тут готовят, тут трапезничают. Отдельно жертвенные деревья, отдельно сундуки с «прикладами». А вот идолов не было, врать не буду.

Но это все романтика, а выполненные описания позволили сделать следующие выводы. Главный бич этих мест — русский человек с его неосторожным обращением с огнем в лесу. И не просто в лесу, а в сосновых борах-беломошниках, лучших пастбищах для оленей. Они, увы, в сухую погоду представляют собой настоящий пороховой склад. Ягель в сухую погоду от неосторожного огня горит, как бенгальский огонь. Выгорел ягель — нет пастбищ лет 10–15, а как жить бедному ханты? Выгорел не только ягель, а огонь сжег и сосновый древостой — нет леса 20–25 лет, а как жить бедному ханты? Выгорел лес

Приклад на святилище

и не успел восстановиться, а тут снова пожар — восстановление естественных условий затянется уже на 30–40 лет, а как жить бедному ханты? Отсюда и другое отношение местных народов к природе, в которой они живут постоянно.

Экспедиция заканчивается. Продукты кончаются, коллекции пакуются. Пора собираться в обратный путь, но теперь мы уже движемся другой дорогой. Для начала опять долго бредем по болоту, в надежде выйдем к дороге. Затем сын Дмитрия Айпина Ефим везет нас на отнюдь не новом «уазике-батоне» по отнюдь не асфальтированным дорогам к очередному стойбищу «Усть Ваньеган». Это земли рода Тылчиных. Тут нас опять передают с рук в руки ханты Роману, естественно Тылчину. Он на моторной лодке перемещает нас до современного цивилизованного нефтяного поселка Покачи.

С романтикой всё! Автобус до станции Лангепас, железная дорога Нижневартовск—Екатеринбург, и с очередной (седьмой в этом году) экспедицией покончено. Теперь надо писать отчет. Мы люди казенные.

Август-сентябрь 2006 г.

Обломки бубна на святилище

«Неправильные» муравьи

Они пришли ночью, как в фильме ужасов.

Сначала раздался жуткий крик, звон разбитого стекла, шлёпанье босых ног и... Нет, звука падающего тела не было. Наоборот, тело носилось по лагерю и истошно вопило...

Однако всё по порядку. Наш студенческий лагерь историков-практикантов был расположен в Херсонесе, недалеко от Севастополя. Копали мы древние захоронения и очень гордились редкими, казалось нам, окончившим первый курс истфака, находками: осколками глиняных кувшинов и зубами лошади. Ценных, удивительных находок не было.

И крымская погода не радовала: дождь с неба, штормовое предупреждение с моря. Поэтому мы чаще изнемогали от грустной процедуры уборки захоронений и лагеря.

Радовал нас только повар Толик. Он дружил с местным населением, и у нас, кроме тушёнки и крупы с лапшой, подавали уху, фрукты и даже домашнюю выпечку (чему очень завидовали студенты-практиканты из МГУ, которых мы иногда звали на посиделки).

В тот злополучный день мы получили по банке сгущённого молока. Потрясающее лакомство, которое мы с девчонками смешивали с какао-порошком и наслаждались каждой капелькой.

Все пустые банки, по приказу Толика, мыли в море и складывали возле кухни. Толик делал в них дырочки и развешивал над лагерем, чтобы отпугивать чаек и ворон.

До сих пор не известно, что же произошло: случайность или чья-то глупая шутка. Но по нашей тропинке «к морю» пришли красные муравьи. Вообще-то ночью муравьи спят. Видимо, это были, по выражению Винни-Пуха, неправильные муравьи.

Когда лагерь разбудили вопли Толика, ребята были готовы к бою с любым противником. Наш же повар только орал и показывал в сторону палатки. Когда мы вошли в палатку Толика, перед нашими глазами предстал не только полный разгром: среди разбросанных вещей и маленького моря из банки сгущённого молока, в котором лежал кусок хлеба, шло пиршество муравьёв. Их было так много, что казалось, все близлежащие муравейники со всеми чадами и домочадцами переместились сюда.

Люди-великаны с ужасом и недоумением смотрели на крохотных существ, вызвавших переполох.

Первым в себя пришел Сашка — историк-третьекурсник. Он сказал дикую фразу: «Гнать их! Гнать!» Но как?..

Он же предложил выход из этого глупого положения. У всех девочек был изъят лак для волос и использован для борьбы с завоевателями палатки. Оккупантов залили лаком. О, советская «Прелесть»! Муравьи прилипли и застыли. Победенных врагов утром ребята вынесли на лопатах и закопали...

Когда сегодня по телевизору пускают рекламу лака для волос «Прелесть», я невольно улыбаюсь, вспоминая наш студенческий лагерь, испуганного Толика и полчища муравьёв.

Самый первый трактор ЧТЗ

В конце 80-х годов я работал начальником холодно-штампового цеха на Челябинском тракторном заводе в опытном производстве. Наш цех был по сути дела мини-заводом, так как располагал оборудованием для производства любых изделий, но по одной-две единицы каждого вида. Было уникальное литейное производство, сварочное, токарное, штамповое и другие.

Но главное — были собраны высококлассные рабочие всех специальностей, которые с чертежа, в общем-то вручную, могли изготовить на этом оборудовании любую деталь для любого нового изделия. При мне, например, делался уникальный бульдозер Т-800, которому до сих пор нет аналогов в мире, и многое другое.

Из дружеских бесед со старыми рабочими я, к своему удивлению, узнал, что самый первый трактор с маркой ЧТЗ С-60 был сделан здесь, на опытном производстве, за несколько лет до 15 мая 1933 года, когда, как нам говорили, был выведен из цеха первый трактор ЧТЗ водителем-трактористом Марком Макагоном. А первые серийные 13 тракторов были выпущены к 1 июня 1933 года. Эта дата и считается официальным днем пуска завода.

В парткоме опытного завода я узнал историю выпуска первого трактора, и мне в руки попало интервью человека, который и вывел самый первый трактор с маркой ЧТЗ из ворот цеха опытного производства.

Завод ЧТЗ, кстати сказать, начался со строительства опытного завода. Он строился на месте, где когда-то была скотобойня с холодильником и остались строения, которые можно было использовать для нужд завода (где-то здесь, кстати, проходила первая Первомайская мавка в Челябинске в 1905 году). Челябинский тракторострой (так тогда назывался ЧТЗ) уделял огромное внимание пуску опытного завода, и 7 ноября 1930 года он начал свою работу.

Трактор, выпущенный на опытном заводе 15 февраля 1931 года. На тракторе за рычагами сборщик-тракторист Назаров

Опытным заводом занимались иностранные специалисты, в основном из США. Надо прямо сказать, что и основной фонд строился по расчетам американских фирм с руководящим участием их специалистов. Директором опытного завода был в то время Манн, главным инженером В.А. Якобсон, а консультантом (это, скорее всего, в переводе на современный язык — начальник производства) был Ховиус.

Перед опытным заводом поставили задачу — к 15 февраля 1931 выпустить первый трактор. С большими трудностями, но задача была решена. Самый первый трактор был сделан в срок и вывел его из ворот Семен Васильевич Назаров, сборщик-тракторист опытного завода. Привожу его рассказ.

«На Опытный завод я поступил 9.04.30 года слесарем, как раз в то время, когда шла горячая работа на планировке площадки под строительство цехов основного завода.

Но Опытный завод сразу же с весны начал строиться ударными темпами с расчетом на то, чтобы осенью начать изготовление первых опытных тракторов.

Строители и монтажники не подвели, завод был построен досрочно.

Так как у людей не было еще опыта и достаточных знаний в области машиностроения, то при создании первого опытного трактора было много разного рода неполадок и неувязок.

Все это еще объяснялось и тем, что не было специального оборудования.

Мне сейчас вспоминается, как производили доводку цилиндров, приспособив к сверлильному станку закругленную деревяшку с намотанной на нее наждачной шкуркой. Подгонку шатунных, коренных подшипников, а также шатунных пальцев производили путем шабровки вручную. Так как не было со-

ответствующих приспособлений и кондукторов, то обработку деталей производили по разметке. При сборке трактора не сопрягались отдельные узлы и детали.

Но как бы то ни было, а 15-го февраля 1931 года все-таки первый отечественный гусеничный трактор был сделан. Я вывел его из ворот цеха Опытного завода. Ликованию коллектива не было предела. Кричали и «Ура!» и «Да здравствует наш первый трактор!», и шапки в воздухе летали, словом, кто во что горазд. Но самое главное, каждый знал, что и доля его труда заложена в этом тракторе.

Когда спало ликование и люди разошлись по своим рабочим местам, я выехал за территорию завода, чтобы немного обкатать трактор. И тут случился казус: смотрю, из радиатора парит. Оказывается, в радиаторе нет воды. Думаю: «Как же так? Сам заливал воду». При осмотре выяснилось, что на зеркале одного цилиндра – раковина и вся вода вытекла в картер двигателя. Но беда небольшая, цилиндр был заменен, и трактор заработал нормально.

Через несколько дней я с главным инженером Опытного завода т. Герасимовым поехали показывать трактор к управлению строительства, которое находилось, где сейчас гараж. А к 27 апреля 1931 года трактор был вполне отлажен (ему придали товарный вид) и подготовлен для отправки в Москву для показа Правительству и дальнейшего его там испытания.

И вот вечером 27.04.31 г. трактор прицепили к поезду № 15 Челябинск – Москва. Я и находящийся у нас на заводе военинженер тов. Подкаменев А.И. поехали вместе с трактором.

Приехали в Москву вечером под 1-е мая. Были встречены работниками управления моторизации армии. Присутствовал и начальник моторизации армии тов. Халепский.

После проведения майских праздников трактор был представлен членам правительства.

Меня попросили завести трактор и поездить на нем на всех скоростях. Когда трактор завелся, как говорят, с первого рывка, то все заулыбались. Проездив несколько минут, я поставил трактор на место. Затем опять вокруг него долго ходили, расспрашивали меня, сколько он может тянуть, на какой скорости идет, на какую гору может подняться, может или нет идти через болота, сколько расходуется топлива.

Словом, я понял, что трактором остались довольны. После этого через день или два мы с тов. Подкаменевым прицепили на одном из складов гаубицу и в течение двух дней ездили по наиболее труднопроходимым местам в районе Звенигорода. Затем трактор был передан на один из подмосковных полигонов для его дальнейшего испытания, куда я выезжал из Москвы только для наблюдения за его состоянием и для необходимых указаний по уходу за ним. Так я находился в Москве до 1 июля 1931 года.

Затем был вызван на завод, где к моему приезде был собран второй трактор, но уже не трех-, а четырехскоростной, с которым я также поехал с начальником сборки опытного завода т. М.А. Храпко. По прибытии в Москву мы его сразу же направили на тот же полигон, где испытывался первый. Тов. Храпко вскоре уехал, а я продолжал вести наблюдения за испытанием трактора до осени.

На этом вся работа по испытанию первых двух опытных тракторов была закончена.

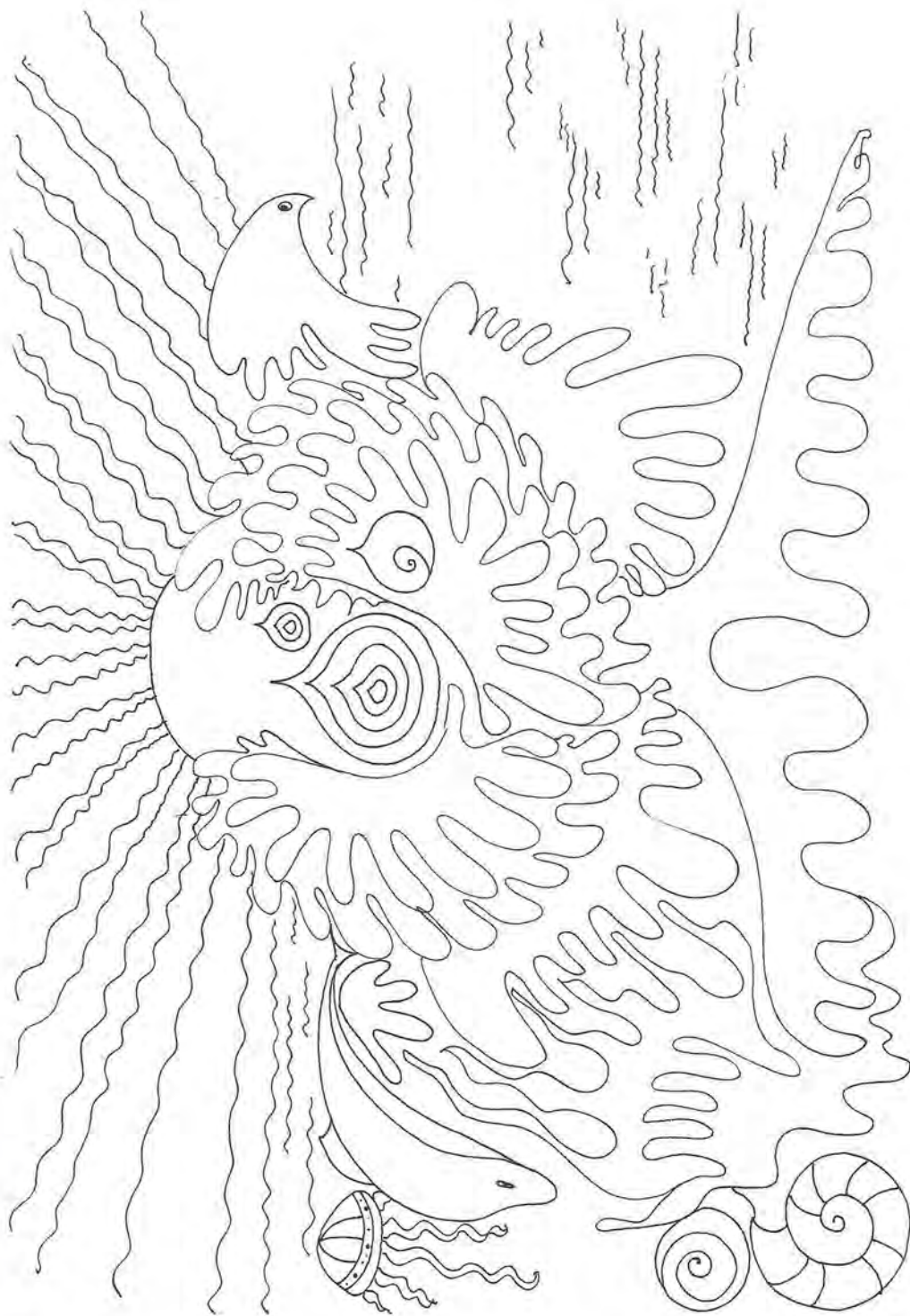
К 1 июня 1933 года, т.е. к официальному пуску завода, было собрано 13 тракторов, которые, на удивление, оказались удачными. В течение двух лет они проходили испытания под моим наблюдением, и я даже не могу припомнить случая, чтобы оказался какой-нибудь дефект.

При этом следует сказать, что и трактористы работали на них довольно опытные. Это – И. Дудко, ныне работающий в бюро эксплуатации в ОТК, Губаков – работник сборки ОПБ, Т. Шиховцев – тоже работник сборки ОПБ (в прошлом году умер), Пыхов, Сучков и другие (фамилии забыл). После того, как закончились испытания тракторов, я в течение долгого времени ездил по потребителям по разбору рекламаций и оказанию технической помощи, подготовки трактористов и пр. Последние восемь лет работал в ОТК механиком по испытанию тракторов. На этом моя работа на заводе закончилась.

Во время показа первого трактора правительству среди членов правительства присутствовал товарищ в кожаной куртке, в простых сапогах, в кожаной кепке и с бородкой баланже. На мой неопытный взгляд, он мне показался не совсем уместным человеком между членами правительства. Одет-то был уж больно по-мужицки. А когда я спросил рядом стоящего со мной Подкаменева, что это за мужик пристрлял к правительству, он мне сказал, что это Туполев. Он-то в основном и начал меня расспрашивать о характеристике трактора».

К рассказу С.В. Назарова хочу добавить, что Михаил Алексеевич Храпко был переведен на основное производство ЧТЗ начальником сборочного отделения в механосборочном цехе, где и были сделаны те первые тринадцать тракторов, о которых знает весь мир. По воспоминаниям Храпко, у него в заместителях в сборочном отделении работал инженер-механик Николай Николаевич Перовский, родственник Софьи Перовской.

И еще интересный момент из его воспоминаний: «...Первый трактор (имеется в виду на основном производстве. – А.Ф.) был собран, я сел на трактор рядом с Макагоном (то есть получается, что первый официальный трактор с основного производства был выведен не одним Макагоном, а вдвоем с Храпко. – А.Ф.), и мы выехали на погрузочную площадку и через открытые ворота МСЦ (механосборочный цех. – А.Ф.) выехали на заводской двор. Это было 15 мая 1933 года в 3 часа 40 минут дня...»

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
 2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
 3. Вырезать и положить в конверт.
 4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».
- В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, — книгу-раскраску Андрея Патокина.

Продолжение. Начало в № 4-9, 2006

ВХОЖДЕНИЕ В МАГИЮ: ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

В течение жизни с каждым из нас происходят случаи, которые на поверку оказываются настолько странными и непонятными, что не укладываются в наши представления об окружающем мире. Такие случаи — не редкость среди обычных людей, однако среди практиков магии они зачастую имеют несколько иной характер. Они не только различны по содержанию с другими необъяснимыми явлениями, но и объединены рядом общих свойств. Самое же главное, — они часто проявляют себя в момент вхождения.

Что такое «вхождение в магию»? Люди, имеющие врожденные способности к магии, могут столкнуться с Учителем или другими, себе подобными — теми, заметит эти способности и поможет их развить. Если это происходит — замечательно, человеку повезло; если нет, человек так и окончит жизнь непосвященным, а его «странности» будут изредка проявлять себя всплесками в виде предчувствований, озарений, снов, необъяснимых «знаков» и т.д. Но предположим: человека заметили, выделили из толпы, доступно разъяснили, что с ним происходит, и предложили учиться: набираться знаний и развивать то, что у него есть. Человек соглашается, у него начинаются первые шаги в оккультной практике. Это и есть то, что практики магии называют «вхождением».

Вхождение в магию должно ознаменоваться своеобразной «проверкой» кандидата: на решительность, силу воли, наличие способностей, а если быть точными — на его достоинство. Такая проверка зачастую может носить характер резкого возрастания медиумических способностей самого кандидата, однако таковым не является и представляет собой явления мистические и устрашающие. Эти явления «запугивания» свойственны ряду духов, поэтому оккультисты считают, что такую проверку на «достоинство» кандидата проводят сами силы, к которым он обращается.

Разберем этот тезис более подробно, а в качестве иллюстраций этого процесса приведем несколько историй, произошедших с некоторыми участниками Ордена магов «Серый Круг» (Екатеринбург).

«Странные явления начались с того момента, как я начал свои первые практики. Самым первым необычным явлением, которое я наблюдал,

было то, что произошло в Екатеринбурге 8 ноября 1993 г., около 21.00. Тем вечером я встретился со своим коллегой по оккультизму с целью обсудить некоторые вопросы. Несмотря на сильный снегопад, мы решили прогуляться по парку. Все главные вопросы встречи вскоре уже были оговорены, и мы обсуждали недавно появившуюся в свободной продаже литературу, как вдруг небо осветила мощная вспышка. Подняв глаза, мы увидели на западе от нас очень яркую молнию зеленого цвета. Она была почти строго вертикальной, ее длина составляла порядка 20 градусов, и она была отчетливо видна, несмотря на снегопад, в течение 10 секунд, после чего погасла.

После этого в моей квартире начался настоящий кавардак. По ночам стали постоянно слышаться шаги, вздохи и даже чьи-то голоса; за стеной в соседнюю комнату отчетливо слышались скребущие звуки, словно кто-то царапал ногтями стену; чувствовалось присутствие кого-то постороннего; несколько раз эти «посторонние» подходили ко мне «спящему», наклонялись надо мной, и я ощущал на себе их дыхание; время от времени некто темный и бесформенный восседал за моим рабочим столом...

Эпицентром этой «запредельщины» была одна комната — кабинет и место моих практических занятий. Все эти явления длились около года; никто из моих друзей не желал оставаться на ночь в моей «тайной» комнате из-за этих странных явлений. Однако вскоре они стали носить несколько другой, эпизодичный характер.

Один раз, выглянув в окно покурить (на 5 этаже в пятиэтажном доме), я заметил сидящую под моими окнами огромную черную собаку, освещенную светом одиноко горящего где-то внизу окна. Словно почувствовав мой взгляд, животное подняло голову и посмотрело на меня. От этого взгляда меня передернуло: глаза у собаки были красные. На секунду отведя взгляд, я снова посмотрел туда, однако собаки уже не обнаружил. Через некоторое время я спокойно лег спать, но ночью был разбужен скребущими звуками в слив за окном. Несколько раз что-то вскользь, со скрипом прошло по стеклу. Через какое-то время эти звуки прекратились. Когда я снова выглянул в окно, то опять увидел сидящую внизу собаку, смотревшую на меня. Наутро, внимательно

осмотрев окно, я обнаружил несколько небольших ключев темных волос более 10 см длиной.

В другой раз я внезапно проснулся около трех часов ночи и некоторое время не мог заставить себя спать. Немного полежав на кровати, я встал и направился в ванную комнату, чтобы умыться. Я специально не стал включать свет, т.к. не хотел «травмировать» глаза, привыкшие к темноте. Спокойно умывшись, я вышел из ванной и... едва сдержал возглас: напротив меня у стены стоял кто-то в черном балахоне с низко опущенным капюшоном, обращенным ко мне! От неожиданности я почувствовал слабость в коленях, но, поборов страх, шагнул вперед, и тут, несколько секунд спустя, таинственный незнакомец вдруг растворился в воздухе. Справившись с эмоциями, я сходил на кухню и выпил где-то пол-литра воды, потом вернулся в спальню, взял сигарету и высунулся в окно покурить... Таинственное нечто в черном балахоне стояло под моим окном, освещенное луной, метрах в 15 от дома. Помаячив таким образом около десяти секунд, оно растаяло в воздухе.

В дальнейшем, с продолжением практики, эти явления пошли на убыль» (Мирддин).

Подобные явления имели место не только в период начала «бума по магии», но и в наши дни. Другой случай, также характеризующий момент «вхождения», произошел летом 2002 г.

«В то время я еще не занималась подобными вещами. Первая книга по магии, которую я прочитала, принадлежала перу Папюса. Эта информация меня так заинтересовала, что я решила провести ритуал, связанный с вызыванием некоего демона. Заклинание было на латыни. По предписанию этого ритуала, мне следовало поститься несколько дней (меня же хватило на три дня), совершить ритуальное омовение и тогда только проводить ритуал. Но так как я была неопытна, никакого круга я не рисовала и защитных действий не предпринимала.

Итак, я настраивала себя в течение трех дней, а для большего эффекта купила много белых свечей и встала перед зеркалом. Ритуал проводился в полночь в моей спальне. После произнесения заклинания ничего не произошло, и я легла спать. Проснувшись я около трех часов ночи, вся в поту, от сильного чувства страха. Я не могла пошевелиться. Вдруг внезапно услышала вздохи из-за двери. (Сразу следует сказать, что дверь была закрыта на замок.) После вздохов начались сильные удары в дверь, будто кто-то ломился в комнату. Это продолжалось минут пять, после чего я то ли забылась, то ли потеряла сознание. Второй раз я проснулась около 6 часов утра. Все повторилось вновь, но вдруг внезапно стихло. Через несколько минут я услышала громкие вздохи около своей кровати. Тогда я мысленно пожелала, чтобы все прекратилось, и сказала себе, что я не боюсь. После этого все кончилось. Наутро я проснулась с легким недомоганием, похожим на простуду. Я спросила у бабушки — единственной, кто кроме меня был в квартире в тот вечер, — входила

ли она ко мне ночью или, может, слышала что-нибудь. Но бабушка ничего не слышала, несмотря на то, что удары в дверь были достаточно сильными и громкими» (Майя К.).

Как видим, все явления носят продолжительный характер и прекращаются по большей части тогда, когда неофит выказывает свое бесстрашие, готовность к тому, чтобы воспринимать эти явления и адекватно относиться к ним.

Все явления, имевшие место быть у разных людей и в разное время, объединяет участие некой мистической силы или сущностей, ее олицетворяющих. Так, в первом рассказе это «существо в балахоне» и некто сидящий за столом, а во втором рассказе — тот, кто стучался в дверь и дышал у кровати.

Бывают случаи, когда подобные явления являют себя не самим «начинающим магам», а их родственникам — тем, кто живет с ними на одной жилплощади. Несмотря на то, что свидетелями таких чудес становятся близкие люди, «виновниками» их все же считается сам неофит. Следующий случай как раз иллюстрирует этот тезис. «Станности происходили только в те моменты, когда я уединялся у себя в комнате и занимался подготовкой для проведения того или иного ритуала. Так, несколько раз моя мать прибежала в испуге ко мне и рассказывала, что в ее комнате слышны шаги, будто кто-то ходит. В эти мгновения я как раз чертил магический круг» (Друид).

О странных звуках в квартире и ощущении чьего-то присутствия в начале практики говорят многие оккультисты. Так, один из давно занимающихся магией людей по имени А. как-то поделился со мной своими переживаниями. «Мы ездили на дачу моего Учителя, где я должен был пройти посвящение. Всю дорогу туда с нами происходили странности, задерживающие нас или отклоняющие от заданного курса: были потеряны ключи от дачи; перестал ходить транспорт; дорога оказалась перекрыта, и нам пришлось в результате идти через лес; чувствовалось сильное давление, беспокойство; было ощущение направленных на меня чьих-то внимательных глаз. Все это только усилилось, когда мы добрались-таки до дачи. Проникли в дом, разожгли огонь... Началась подготовка к ритуалу. Все это время чувство чьего-то присутствия напряженно ощущалось мной вокруг нас, появились различные звуки: шаги, скрипы, на периферии возникло ощущение движения; Учитель же не подавал виду, словно ничего необычного не происходило. В процессе ритуала шум вокруг усилился, потом все было как в тумане; однако каково было мое облегчение, когда уже после ритуала, несколько часов спустя, возвращаясь домой, я понял, что давно не ощущаю этой «чертовщины», от напряжения и непонятного беспокойства не осталось и следа, меня переполняла уверенность в себе и непривычная легкость».

О преодолении кандидатом некоего «порога страха» в момент вхождения говорится во многих

практиках. Так, к примеру, в некоторых школах мистерий (друиды, египетские жрецы, орфики и др.) испытуемый должен был вначале побороть свои страхи. Это достигалось различными способами. Самый распространенный – это когда кандидат оставался один на один с ними в кромешной тьме, в пещере, преодоление которой и символизировало его готовность к дальнейшему пути.

Но одно дело – испытания, через которые проходит кандидат перед посвящением, другое – когда такие испытания происходят спонтанно, когда они непредсказуемы. Представитель еще одной оккультной организации поведал мне такую историю.

«Один мой товарищ часто говорил со мной о магии, ее практике, совместных изысканиях, часто делал загадочное лицо и в целом складывал впечатление человека, сведущего в данном вопросе. Тем не менее, я решил его проверить на деле. Однажды мне представилась прекрасная возможность для этого. Мне нужно было провести один ритуал на природе, и, не долго думая, я предложил ему в нем поучаствовать. Проведя все необходимые приготовления, я начал призыв духа, к которому хотел обратиться, мой же компаньон стоял рядом и, судя по всему, не знал, что ему делать, и смотрел на меня во все глаза. Несмотря на то, что мы заранее распределили обязанности, мне пришлось несколько раз его подтолкнуть, чтобы он вовремя подбросил в огонь снадобья или повторил вслед за мной ту или иную формулу. В определенный момент дух явился; к тому времени я был уже в состоянии, близком к трансу, и не обращал внимания ни на окружавшую

меня обстановку, ни на ход времени, – благо, что у нас его было вдосталь. Задав нужные мне вопросы и получив ответы на них, я вышел из этого измененного состояния сознания и вновь обрел способность отображать окружающий меня мир. Каково же было мое изумление, когда рядом с собой я увидел трясущегося от страха товарища, не могущего связать и двух слов! Час спустя, придя в себя, он поведал мне следующее. Оказывается, все это время он ощущал присутствие большого числа каких-то существ, которые сновали вокруг нас, трещали сухими ветвями и в целом нагнетали страх на моего бесстрашного и «давно практикующего» спутника. Больше в моих практиках он ни разу не участвовал, да и о магии ни словом не заикался».

Примечательно, что во всех этих случаях речь идет не о «страхе перед неизвестным» (когда человек предполагает, что его ждет нечто таинственное) и не о «наведенном страхе» – психологическом приеме, результатом которого является создание тех или иных условий жизнедеятельности человека. Это также не относится и к «иллюзорным страхам», которые человек придумывает себе сам, гадая над неизвестным, или которые относятся к области манипуляции человеческим сознанием. Это внутренняя борьба со всеми страхами, комплексами, «чужовищами разума» и «бездной внутри», которые имеются у человека, для того чтобы он освободился от них. Стал выше. Все слабости человека заключены в нем самом. Поэтому преодоление страха – это первая ступень на лесенке конструирования Волевой Личности, суть которой и есть – Маг.

Жажда жизни и азарт, азарт охотника или путешественника. Пробираясь по лесу, выслеживая дичь, растворяться в природе, сливаться с ней, впитывать ее кожей, глазами... Туман над водой, шум дождя, запах листвы — это всегда рядом, у тебя в крови, как бы ты ни был занят и как бы ни одолевали тебя работа и быт.

Еще одним проявлением этой страсти стал новый проект «Уральского следопыта» — журнал для уральских охотников и рыболовов «ЗВЕРОВОЙ». Сейчас Вы можете познакомиться с ним, прочитав статью председателя клуба спаниелистов Екатеринбургского общества охотников и рыболовов Виктора Поддубного, опубликованную в первом номере журнала.

Виктор ПОДДУБНЫЙ

Русский охотничий спаниель

Среди всего многообразия охот охота «по перу» с подружейной собакой является одной из наиболее культурных, спортивных, эмоциональных. Недаром так бесконечно много и прекрасно написано о ней великими мастерами слова. Конечно, среди современных обладателей охотничьих билетов немало таких, кто выезжает на охоту один-два раза в году, как правило, на водоем — на открытие утиной охоты, да и то нередко лишь для того, чтобы просто пострелять во что придется и закончить такую «охоту» хмельной пирушкой. Люди посolidнее получают лицензии на копытных и выезжают за мясом, снисходительно поспеиваясь над теми, кто охотится «за пичужками». Но ни тех, ни других и охотниками-то назвать язык не повернется. Настоящий же охотник — для кого охота как глоток живой воды — не представляет ее себе без хорошей собаки. И если в какой-то период жизни обстоятельства не позволяют ему держать собаку, охота становится для него унылой и бесцветной. «Охотник с ружьем без собаки что-то недостаточное, неполное!» — к этим словам С.Т. Аксакова трудно

что-либо добавить. К сожалению, для городского охотника (а таких несомненное большинство) содержание собаки становится очень сложной проблемой.

Увлекательна и спортивна охота с лайкой. Великолепна и не сравнима ни с чем охота с хорошей голосистой гончей. Но как держать лайку или гончую в городской квартире? Прекрасно содержатся в квартире норные собаки. Но более 90 % их поголовья никогда не работали в естественных условиях по вольному зверю, и их назначением все больше и больше становятся притравки, испытания и состязания в искусственной норе. Изумительна по красоте классическая охота с легавой. Но подходящих болот и заливных лугов становится все меньше, а дупель и бекас во многих местах скоро станут более редкими, чем глухарь и тетерев.

На фоне всех этих проблем несомненные преимущества имеют спаниели. Это великолепные, универсальные подружейные собаки с «птичьей» специализацией. Имея подкупающую внешность,

спаниель создан как для содержания в городской квартире, так и для охоты в тяжелых подчас природных условиях. В каких-то отдельно взятых качествах и элементах работы эта собака, наверное, уступает некоторым породам, например лайкам и дратхаарам в мощности и проходимости камышовых зарослей при работе по утке или, скажем, легавым в быстроте и ширине поиска при работе в открытом болоте. Но по совокупности всех охотничьих качеств, проявляемых в условиях реальной охоты, и удобству содержания спаниелю нет равных.

На утиной охоте хорошо поставленный спаниель найдет и принесет не только всех сбитых хозяином уток, но и соберет всех (своих и чужих) подранков, которые затаились в пределах его поиска. На болоте, работая без стойки, он не только укажет хозяину и поднимет на крыло в пределах выстрела всех дупелей и бекасов, но и активным преследованием (нередко с заходом на охотника) заставит подняться бегущих коростелей и болотных курочек. Тем более ни с одной другой породой собак нельзя охотиться столь же успешно на боровую дичь, так как в большинстве местностей в разрешенные для охоты сроки глухарь и тетерев не выдерживают ни облаивания, ни стойки, а работа по вальдшнепу вообще является классикой для спаниеля и едва ли не его монополией.

Одним словом, спаниель — идеальная собака для городского охотника. Какой же выбор предстоит сделать охотнику, решившему, что спаниель — это собака, которая ему нужна? Вариантов всего два: это — русский охотничий спаниель, либо английский коккер (я не говорю о крайне малочисленных в нашей стране других породах спаниелей). Обе породы очень близки друг к другу по рабочим качествам и во многом по экстерьеру. К тому же порода русского

спаниеля выведена преимущественно на основе завезенных в страну после войны английских коккеров. И, тем не менее, это разные самостоятельные породы.

Главное различие между этими породами в том, что русский спаниель — собака более высокая и более мощная (а соответственно и более сильная). Единственный недостаток коккеров — слабоваты они для условий русской охоты. Недаром же основное их поголовье сосредоточено в Москве и Санкт-Петербурге, да и то существенная его часть, благодаря обаятельной внешности, принадлежит не охотникам. Попытки культивировать эту породу, скажем, на Урале и в Сибири терпят неудачу. Единичные завозы собак и щенков заканчиваются «на диване».

По-другому дело обстоит с русскими охотничьими спаниелями, которые стали любимой породой наших охотников. В отличие от английских коккер-спаниелей, основное поголовье русских охотничьих спаниелей принадлежит охотникам, которые, однажды узнав эту породу и начав охотиться с ней, абсолютно убеждены в незаменимости собак этой породы для охоты на пернатую дичь.

Одним из основателей современного поголовья русских спаниелей на Урале является эксперт Всероссийской категории Герман Георгиевич Агеносов, которому 20 августа 2006 года исполнилось 75 лет. Он и по сей день активно занимается любимой породой, которой он посвятил 50 лет своей охотничьей биографии. Все спаниелисты Среднего Урала от души желают Герману Георгиевичу прекрасного здоровья, охотничьего долголетия и еще долгие годы быть для более молодых охотников примером подлинной любви к любимому занятию и непрекращаемым знатоком охотничьих собак.

Зюраткуль и каменные медведи

В самом сердце Южного Урала с давних времен существует озеро по имени Зюраткуль, что означает Сердце-озеро. Сторожит его высокий хребет, а на его вершине заметны издали камни, которые местные жители прозвали медведями.

Берега озера безлюдны, но путники издали часто приходят к нему на свидание. У каждого, кто посещает Зюраткуль в первый раз, возникает ощущение, что озеро знает его, знает давно и близко, что оно распахивает ему свое озёрное сердце и говорит с ним о чем-то очень сокровенном.

Про то озеро ходит легенда, что когда-то, в незапамятные времена, оно обладало чудесным свойством: позволяло человеку заглянуть в свое сердце. Для этого нужно было в ясный день и в ясном намерении сесть в лодку, выправить на середину

озера и взглянуть на свое отражение. И все это нужно было проделать в полном одиночестве, ибо сердце человека — тайна.

Однако чудесное свойство озера стало недоступно людям с того момента, как на защищающем его от северных ветров хребте появились каменные медведи. А случилось это так.

В те времена неподалеку от озера жило племя людей, которые называли себя Медведями — в память о своем предке-охранителе. Правил тогда племенем старый вождь, и было у него три сына. Пришла пора отправляться ему в последний путь на встречу с предками, но не мог он выбрать, кому из его трех сыновей стать вождем после него. И решил он спросить совета у озера Зюраткуль.

В ясный день старый вождь привел своих сы-

новой на берег озера. И дал им наказ: выплыть на трех лодках на середину озера, повернуться друг к другу спинами, задать себе вопрос: «Готов ли я стать вождем племени?» — и взглянуть в Сердце-озеро на своё отражение.

Сели братья в лодки, выправили на середину озера, повернулись друг к другу спинами. Но в тот момент, когда надо было заглянуть в свое сердце, Старший брат скопил глаза на отражение Среднего, Средний — на Младшего, а Младший — на Старшего. И каждый увидел только камни на озерном дне. А когда они, опомнившись, стали искать свои отражения, замутилась озерная гладь, зарябила, поднялись волны на озере. Со всех сторон потянулись тучи, полил дождь, да такой, что не только отражений, но и друг друга и берегов стало братьям не видно. И волны качали их лодки так, будто хотели их потопить. Увидел все это вождь Медведей и стал звать своих сыновей. Только на его зов они и выплыли.

Вызывал старый вождь своих сыновей поодиночке держать ответ, что каждый из них увидел в своем сердце, готов ли стать он вождем. Но сыновья, как один, отводили глаза в сторону и отвечали, что озеро показало только, что на сердце у брата — камень и

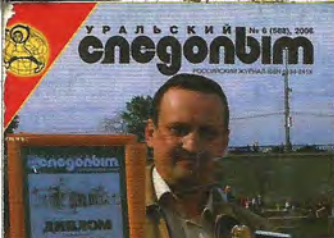
тому нельзя становиться вождем племени. Понял тогда старый вождь, что вместо того, чтобы заглянуть в свое сердце, каждый из его сыновей пытался подглядеть чужое и озеро не показало им ничего, кроме своего дна.

Не знал вождь, что ему делать, какое принять решение, и объявил сыновьям, что ему тоже надо спросить совета у Озера-сердца. Сыновьям же наказал ждать его высоко на хребте, чтобы не могли они своими взглядами смутить озеро. Дождавшись ясной погоды, вышел старый вождь к озеру, сел в лодку и выправил на середину. Задал он себе вопрос: кем быть его сыновьям? Заглянул в озеро и увидел горный хребет, а на вершине его — трех каменных медведей.

С тех пор озеро и изменило свои чудесные свойства. Теперь говорят, что когда на Зюраткуль приходит новый путник, то все, что у него на душе, сразу становится известно всей округе. Если на сердце у него тяжесть, озеро затягивается хмурыми тучами, а если ясно на сердце — то и погода ясная.

А когда нет гостей на озере, в его глади отражается северный хребет, а на нем три каменных медведя, глядящих в свое отражение.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Российский журнал
с 70-летней историей

**ЛИТЕРАТУРА
ГЕОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ**

Будем рады
подружиться
с новыми читателями.
Наш подписной
индекс – 73413

ПОД СЕМЬЮ МОСТАМИ
ЗАГАДКА
ЛАМПОЧКИ
ПОЛЕНОВА
ВСТРЕЧИ
С МЕДВЕДЯМИ
НАШИ ЛА

АРБУЗНАЯ РЕКА
или
ДОБРЫЕ ЛЮДИ
НА СКАЛАХ
ЧТО ДЕЛАТЬ,
КТО ВИНОВАТ,
И КТО СКАЗАЛ «МЯУ»
НАГРАЖДЕННЫЕ
И ЗАБЫТЫЕ
ВАС ЖДУТ УН

ПАМЯТНИК
РАЗВЕДБАТУ
И ВНОВЬ
ДРАКОНЬЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ПУТЬ ШАМАНА
В МИРЕ
ДУХОВ
**хроника
неисторич
маршрут**

ПЕСНИ
БАБУШКИНОГО
ДЕТСТВА
ВОЙНА
У НАС
У КРОВИ
ДЫШИТЕ
ОСТОРОЖНЕЕ
**СТАРТ
ВО СК**

ФЕНОМЕН
УЛИЧНОЙ
КУЛЬТУРЫ
ТАЙНА
СОЗДАТЕЛЕЙ
ПРЕВЬИХ
ГОСУДАРСТВ
ЮБИЛЕЙ
В ОБЛАКАХ
В ПОИСКАХ
СОКРОВИЩ

**между
ПРОШЛЫ
ТОЛЬКО И БУ
ДЕМИН
О ВЫСОКОМ
ЗНАЕТ ВСЕ
О БРАТЯХ
НЕ НАШИХ
МЕНЬШИХ
КАК ОБУСТРОИТЬСЯ
В ЗИМНЕМ ЛЕСУ?**

На страницах журнала для Вас:

- ◆ Уникальные материалы о самых интересных моментах истории Урала
- ◆ Современные проза и поэзия
- ◆ Путешествия и приключения
- ◆ Экстремальный туризм
- ◆ Фоторепортажи
- ◆ Конкурсы

Внимание!

Для учащихся, учителей,
школьных библиотек и учебных заведений
в редакции проводится льготная подписка!
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Телефоны: (343) 257-36-62, 257-45-01.

www.uralstalker.ru

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2006, № 10 (592)